

Православный журнал для сомневающихся

www.fomacenter.ru

ФОМА

“Подай руку твою и вложи в ребра Мои;
и не будь неверующим, но верующим.”

(Иисус Христос Апостолу Фоме.
Евангелие от Иоанна, гл. 20, ст. 27)

**ЗАЧЕМ НУЖНА
ИСПОВЕДЬ**

**СПОРЫ
О ФИЛЬМЕ “БРАТ”**

**ВОПРОСЫ
О ВЕРЕ И ЦЕРКВИ**

ТЕМА НОМЕРА:

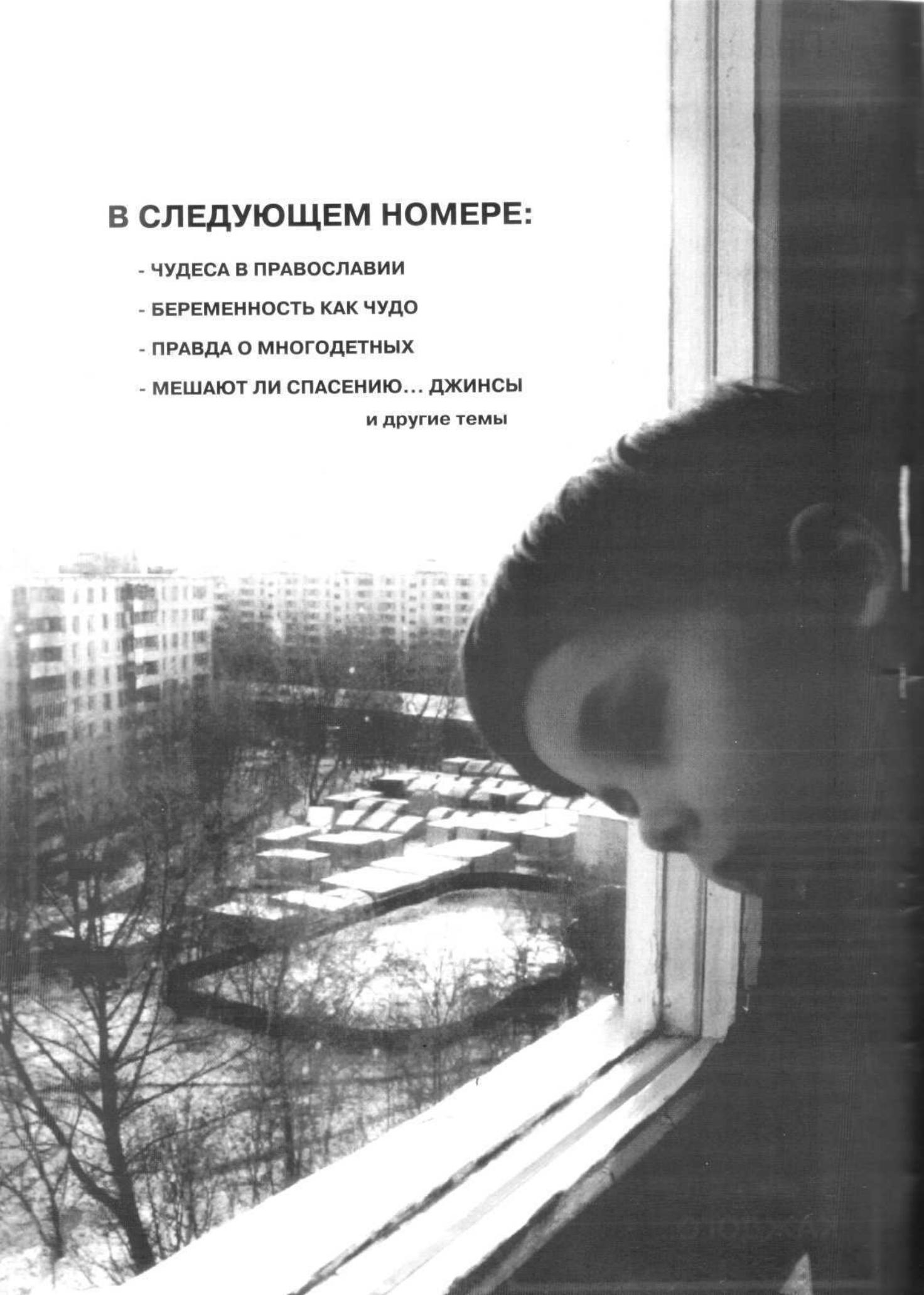
**БОЛЕЗНЬ, СТРАДАНИЕ, СМЕРТЬ -
ЭТО КАСАЕТСЯ
КАЖДОГО...**

№ 11
2001

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

- ЧУДЕСА В ПРАВОСЛАВИИ
- БЕРЕМЕННОСТЬ КАК ЧУДО
- ПРАВДА О МНОГОДЕТНЫХ
- МЕШАЮТ ЛИ СПАСЕНИЮ... джинсы

и другие темы





ТУПИК

Казалось бы, что может быть безнадежнее
этого?

Но именно заходя в тупик, человек-то и находит
выход.

Тупик страшен, но в тупике собираешь все силы
свои, весь запас их, и почти нечеловеческой
волей выходишь из тупика. Тупик – осознание
своего бедственного положения.

В тупике особенно должна быть сильна вера.
Если веры нет, человек теряется и погибает.

Тупик – и выявление человеческих
возможностей, на что способен человек.

Тупик – это завершение неправильного начала,
запутанность жизни...

Выходя из тупика, человек принимает другое
направление в жизни, как бы воскресает из
мертвых..

Пожалуй, выход из тупика – это выход в
вечность.

Священник Дмитрий Дудко,
из книги "Преодоление соблазнов"

СОН

В моей жизни есть такие сны, которые снились давно, но чувства и переживания, вызванные ими, остаются в сознании и сердце до сих пор. В какие-то моменты они всплывают, притягивают мое внимание, а потом пропадают где-то в глубинах души.

Об одном сне мне хотелось бы рассказать. Он приснился мне несколько лет назад, когда я еще был подростком, поэтому не могу ручаться за точность воспроизведения деталей. Я только попытаюсь описать переживания, которые до сих пор со мной.

За городом я попал на некоторое пространство. Меня кто-то сопровождал и указывал на то, что открылось моему взору. Много тел. Однако это были не целые тела людей, а их фрагменты, у которых отсутствовали головы. Нет, это не были последствия страшной катастрофы или войны. Они не были мертвыми, но живыми, если сюда подойдут эти слова. Я подходил, наклонялся, прислушивался к их "жизни". Они шевелились, делали какие-то движения, но как-то беспомощно. Мне стало больно за них. Мне казалось, что они лишены чего-то важного, что недоступно им в их "жизни". Тем не менее, у меня было ощущение, что это обыкновенная их жизнь, которую они выбрали или привыкли к ней. Потом меня охватил страх, что я могу тоже "жить" так. Я проснулся.

Что же это за "жизнь"? Позже, размышляя над сном, я приходил к выводу, что это жизнь согласно потребностям тела. Но не просто в привычном понимании этого слова, как требование поддержания нашего материального существования, а в его христианском толковании, как плоти, т.е. совокупности всех страстных желаний.

Когда день или несколько дней из моей жизни проходили только в попечении о своих материальных потребностях, в самодовольстве или в различных хлопотах, у меня перед глазами вставали те тела. Мне становилось страшно от того, что я могу уподобиться им, у которых нет другой жизни с надеждой на Вечность.

Юрий

ЦЕРКОВЬ КАК НОЕВ КОВЧЕГ

Я выросла в безбожной семье. Сейчас мне кажется, что мои попытки в детстве "ни о чем не думать хотя бы одну минуту" были каждой молитвы. Детские ум и сердце не хотели мириться с засильем помыслов и разнообразных чувств.

Также я не хотела мириться со смертью. Когда мы читали в школе, как могли Мальчиша-Кибальчиша салютуют проходящие поезда и пароходы, меня охватывала мрачная тоска. Нам говорили: "Их подвиг помнят люди". Ну и что? Меня это совсем не утешало. Одни помнят, другие - нет, а третья наступают на вырванное сердце Данко.

Непременно должно было быть что-то, стоящее выше людского суда. Я пыталась верить в сказки - эльфов, Снежную Королеву и подводное царство, но, став старше, убедилась, что это были всего лишь сказки.

Перечитывая год назад свои записи, сделанные в 18-19 лет, застыла в изумлении: среди всякой всячины (зарисовок и впечатлений) вдруг - молитва. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоего Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй нас". Откуда?! Написано моей рукой!

Помню, как в 20 лет я плакала, когда в рок-опере "Иисус Христос - суперзвезда" раздавались звуки плетей - 39 ударов. А когда в фильме "Евангелие от Матфея" актеру, изображавшему Христа, пробивали руки гвоздями, заливались слезами: "Господи, за что Тебя так?.."

Я не знала, что Иисус Христос - Бог, но Его образ влек мою душу к Себе, Его Имя хотелось повторять много раз. Жила я в то время в Петербурге. И когда наконец решила пойти и креститься, ноги сами повели меня к маленькой церкви св. праведного Иова Многострадального на Волковом кладбище.

Моя первая книга - 5-й том "Добротолюбия". Конечно, умом я понимала мало, но сердце просто не могло насытиться чудными словами. Потом я читала Евангелие, Деяния апостолов и их Послания.

Не все в Церкви было у меня гладко. Однажды меня "унесло" на полгода. Иконы продолжали висеть в комнате в изголовье, но смотреть на них было стыдно. Потом я стала плакать по ночам и спрашивать: "Господи, почему я так себя веду? Почему я такая?" После, помню, наугад открыла Евангелие и опять заплакала: "Я пришел призвать не праведников, но грешников на покаяние".

...Уже семь лет я в лоне Матери-Церкви. Для меня это не просто фраза. Я действительно ощущаю себя внутри Церкви, как в Ноевом ковчеге...

Того, кто осознает Бога как Личность, стоящую превыше всего, никогда не смутят какие-то настроения в церковных общинах или недостатки священнослужителей. Все пришли к Нему, все здесь ради Него. И если ты кого-нибудь обидел, и тот человек простил тебя, зная, что сделал он это ради Него, а не потому, что ты "хороший и невиноватый". Значит, должен простить и ты. Потому что Он всех простил и ждет того же от каждого из нас.

Иоанна

КИЛОМЕТР ПУСТОТЫ

Сама дорога у каждого, кто пришел к вере в сознательном возрасте, - просто фантастическая история.

Я, например, с детских лет увлекался естественными науками - химией, астрофизикой, ядерной, квантовой и релятивистской физикой. Учась в девятом классе, однажды задумалась над тем, что открыл Э. Резерфорд в начале XX века. А открыл он атомное ядро, и выяснил, что, имея крохотные по сравнению с атомом размеры, оно сосредотачивает в себе почти всю массу атома. Это невероятное несоответствие! Как вам помочь представить? Ну, например, вот так: если ядро атома увеличить до размеров вишневой косточки, то атом разрастется до размеров 1 км в поперечнике. Вы только вдумайтесь: вишневая косточка, а вокруг нее КИЛОМЕТР пустоты! Это что означает? Получается, что атомы - словно мыльные пузыри, в них почти только пустота!.. И все, что мы видим и осозаем как непроницаемое, прочное, твердое, монументальное, массивное, чуть ли не вечное - горы, земная кора, океанские бездны, железо, свинец, бетон и даже наши тела - это все почти что пустота!

Если, скажем, сжать земной шар до ядерного вещества, планета наша сожмется до разме-

ров футбольного мяча. Подумать только, мы живем в пленау собственных чувств, ведь это они нам создают такие иллюзии насчет окружающего мира! Конечно же, это не значит, что все, что мы наблюдаем, лишь виртуальная реальность, созданная нашими чувствами, не отражающая объективной реальности. Но обнаженный мною научный факт так изумил меня, что я начал искать чего-то большего, чем эти мыльные пузыри. Мне хотелось воскликнуть: человек, что забыл ты среди этих мыльных пузырей? Есть они или нет - вспомни о своей вечной душе, о вечном Боге, все создавшем и все Собою наполняющем!

Николай

"...ЧТОБЫ ЛЮБОВЬ ТВОЯ НЕ ПРЕВРАТИЛАСЬ В НЕНАВИСТЬ..."

Иногда, если нет возможности пойти к моему священнику-духовнику, у меня "диалог" с Богом происходит посредством книг. Когда бывает очень трудно и что-то гнетет, мне всегда под руку попадались книги, в которых находился ответ, что мне делать, как поступать в данной ситуации. Сначала я этого не замечала, думала - просто совпадение. Но вскоре "просто совпадения" стали закономерностью. Причем не то, чтобы я целенаправленно читала какую-нибудь "мудрую" книгу, а просто брала с полки первую попавшуюся и, листая ее, находила ответ,哪个 заключенный в одной маленькой фразе...

Так, однажды у меня были большие неприятности с любимым человеком. Я совершенно не знала, что мне делать дальше. Чтобы успокоиться, я решила почтить Евангелие. Открыв заложенную кем-то страницу, я попала на первое послание ап. Павла к Коринфянам, 13-я глава: "Любовь долготерпит, милосердствует... всему верит, всего надеется, все переносит" ... Лучших слов не найти.

Прошло несколько месяцев, и слова забылись. А я понимала, что моя любовь быстро превращается в ненависть... Этого очень не хотелось, но казалось неизбежным. Перебирая старый шкаф, я наткнулась на книгу с изречениями св. отцов церкви. Пробегая ее глазами, остановилась на строчках "... Кого вчера хвалил, как доброго... не ноноси ныне, как злого, чтобы любовь твоя не превратилась в ненависть... Оставайся при тех же похвалах, хотя и чувствуешь в душе огорчение, и удобно возвратишься к спасительной любви" ... Господь всегда с нами, никогда не оставляя. Главное - понимать это...

Катя



О ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ И ХРИСТИАНСКОЙ СОВЕСТИ

Анастасия, здравствуйте!

Простите, если ответ будет длинен, но Вы задали вопрос, на который трудно ответить коротко.

Уже в самом Вашем вопросе есть некоторое противоречие, которое мне не кажется чистой случайностью. Сначала Вы пишете "Я православная", а под конец "неужели ВЫ, православные...". Все-таки, если Вы сама - православная, то вопрос Ваш относится и к Вам тоже. Вот Вам кажется, что Церковь слишком политизировалась и что это плохо. Что дальше Вы собираетесь предпринять? Прекратите исповедоваться и причащаться Святых Христовых Таин - в знак протеста? Объявите бойкот Вашему духовному отцу священнику Н.?..

Дело в том, что это светский человек представляет себе Церковь в первую очередь как некую структуру начальников или как партию верующих. Многие так считают, потому что не видят, не зна-

Вам не кажется, что наша церковь все больше и больше превращается в госорганизацию, впадает во все большую зависимость от светской власти? Зал, в котором сидели на архиерейском соборе святые отцы, напоминал заседание политбюро... А нас на Пасху не пустили в Храм Христа Спасителя, потому что приехал кто-

то из "шишек". Что, разве у Господа бывают частные вечеринки "для своих"? И еще. Я православная, но мне кажется, наша Церковь со времен Христа потеряла что-то очень-очень важное... И общими словами о падении нравов тут не отговориться. Неужели вы, православные, положа руку на сердце, этого не замечаете?..

Анастасия

ют, и, соответственно, не могут дорожить тем главным, что есть в Церкви - духовной, таинственной (с ударением на "а") жизнью, которая созидает подлинную Церковь и является целью нашего прихода в нее.

Главное, что переживает человек в Церкви - это его личная встреча со Христом - в Таинствах Крещения, Покаяния, Евхаристии, Брака... И когда сам он, искренне каясь, размышляет над своей собственной жизнью, то обнаруживает, что многократно предавал Того, Кого он так любит, обманывал и предавал Христа. Потому что не умел любить, жалеть, жертвовать, терпеть и прощать обиды, как Христос делал это ради нас. Человек совершают это предательство и идет против своей христианской совести дома, на своей работе.

Это не значит, что церковная политика (в узком значении этого слова) должна быть безразлична тому, кто не работает в административном штате Московской Патриархии. Стремление преодолеть свое малодушие и конформизм - сначала именно свой, личный конформизм! - самое важное стремление, которое должен испытывать и испытывает православный человек. Но те "верхушечные" вещи, которые происходят в церковном управлении, и о которых мы часто судим внешне и очень поверхностно, мы должны все же рассматривать во вторую очередь, после того как прошли хотя бы какую-то часть своего пути.

Что касается того, потеряла ли Церковь что-то со временем Христа или нет - мое мнение таково. Самое главное - Таинства, соединяющие верующих со Христом, как были в Церкви, так и остались. Церковная политика, т.е. попытка христиан воцерковить общество и власть, существовала всегда и никогда не была безошибочной. Кроме того, на протяжении истории христианства Церковь очень часто испытывала жесточайшее государственное давление. В нашей стране тяжелейшими для Церкви были эпохи правления Петра Великого, Екатерины Второй, Ленина, Хрущева.

И подлинным чудом является то, что потрясения, которым подвергалась Церковь в эти периоды, не оказались для нее роковыми (также как и гонения на первохристиан, период иконоборчества в Византии и т.д.)!

На сегодняшний день "падение нравов" не отговорка, а страшная реальность, очень конкрет-

ная ситуация, которая не может не отразиться и на всем обществе в целом, и на нас с вами в частности, и на госвласти, и на церковном управлении. Потому что мы все - люди, все живем вместе и вместе страдаем от бескультурия, разрушительного действия всяких "новых идей" и прочих бед. Представлять себе, что церковное управление на этом фоне будет сиять небесным совершенством - ошибка. Поразителен уже сам факт того, что, несмотря на царящий кругом хаос, церковная иерархия умудряется не допустить расколов и распада структуры Русской Православной Церкви (причем не только в России, но и в новых государствах, таких, как Украина, Литва и др.).

О самом же характере, особенностях, истории и философии отношений Церкви с государством я написать здесь просто не в состоянии - это огромная и очень сложная тема. Для ее изучения стоит обратиться к серьезным исследованиям. Из ставших уже классическими трудов могу посоветовать книгу протопресвитера Георгия Флоровского "Догмат и история" (М., 1998) и сборник профессора А.В.Карташева "Церковь. История. Россия" (М.: Пробел, 1996), а из современных - работу диакона Андрея Кураева "Церковь и право" и статью Владимира Легойды "Гражданская религия и христианство" во втором номере "Журнала Московской Патриархии" за 2000 год.

Владимир ГУРБОЛИКОВ

P.S. Напрямую к теме это не относится, но я хотел бы обратить Ваше внимание на использование словосочетания "святой отец". В православной традиции (да и в католической, кстати, тоже) такое обращение к священнику не используется (святыми отцами обычно называют отцов Церкви, причисленных к лику святых). Сейчас сложно сказать, как возникла подобная практика, но по сути она есть не что иное, как псевдоблагочестивая форма светского обращения к духовному лицу. Кстати, в разговорном английском она как правило не употребляется, что не мешает тем, кто озвучивает американские фильмы, неизменно переводить слово "father" (отец), использующееся при обращении к священнику, как "святой отец".



ОДИН НА ОДИН С БОГОМ

Об исповеди в Православной Церкви *

Зачем нужна исповедь? Этот вопрос практически в 100 % случаев встает перед человеком, который пытается жить церковной жизнью. Задаются им и те, кто смотрит на Церковь извне, часто недоумевая, чем отличается исповедь от, скажем, разговора по душам с другом или от сеанса у психотерапевта. А действительно, чем отличается? И зачем христианину так непременно нужна исповедь?

Об этих и многих других вопросах Павел Букуров беседует в стенах храма преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в Гольянове со священником Алексием ТИМАКОВЫМ.

* Полный текст интервью с отцом Алексием Тимаковым под заголовком "Таинство второй благодати" был опубликован в рубрике "Дорога к храму", которая силами московской церкви преподобных Зосимы и Савватия Соловецких ведется в ежемесячной газете "Гольяново".





Отец Алексий, первый вопрос, который естественным образом возникает у человека общества потребления: зачем мне исповедываться, что это даст?

Приходя на исповедь, мы приступаем к одному из основополагающих таинств. В Церкви все совершается незримым действием Божиим. Давайте внимательно вслушаемся в молитву, предваряющую нашу исповедь. "Се (вот - П.Б.), чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое". То есть ты, человек, стоишь один на один с Богом! Точно так же будет, когда умрешь. И в этом смысле таинство покаяния есть опыт умирания...

Будучи еще жив, я, если жестко сказать, как бы репетирую свое предстояние перед Богом. В этот момент не может быть никакого обмана. Что я скажу Ему - Тому, Кто знает все до самой моей глубины? И здесь я открываю собственную глубину по своей воле. Ту глубину, где, в общем-то, очень страшно. Где нет желанной чистоты, где иной раз одна только грязь и смрад. И я это выклады whole перед Богом для того, чтобы Он меня очистил.

Часто, когда ко мне люди приходят в первый раз, я им даже анекдот рассказываю про Чапаева. Анекдот этот - своего рода притча. О том, как Чапаев пошел с Петькой в баню мыться. "Петъка, потри мне спину". Петъка отчаянно трет. Последовательно смывая слои грязи, приговаривает: вот, мол, очередной слой грязи сошел. В конечном итоге Петъка радостно кричит: "А вот и майка, которую в прошлом в году потеряли, нашлась!". Действительно, когда мы приходим на таинство покаяния, мы, такие вот немытые, приходим в баню. И начинаем отмываться, но, в отличие от Петъки с Чапаевым, не с маечки, а с дубленки. И до майки, я не знаю, всегда ли мы успеваем домыться-докопаться...

Для исповеди важна наша решимость - прийти и встать перед Богом, и открыться Ему: "Господи, помоги!". Здесь совершается таинственное действие Божие. Бог встречает меня во всей моей негожести. И исцеляет меня от моей скверны, которую я выношу перед Ним своим добрым волеизъявлением. Если не будет моей искренности, то не будет покаяния. Становясь на путь покаяния, очень важно помнить, что нет такого греха, который Господь не сможет простить. Отчаяние в исправлении - это хитрый бес, парализующий мою духовную активность, неверие в силу Божию и веру в возможность моего обновления, даже несмотря на то, что я продолжаю грешить.

Исповедь - то, что накипело, в ней человек душу свою изливает. Означает ли это, что исповедь - чисто спонтанный акт? Что к ней нельзя готовиться, иначе она потеряет свою непосредственность, станет искусственной, формальной?

Безусловно, нужно готовиться, как иначе? Если, подходя к священнику, приближаясь к Кресту и Евангелию, я не проживу тот участок жизни, за который исповедуюсь, я наверняка буду очень поверхностью. А когда я специально готовлюсь и серьезно вдумываюсь в свою жизнь, то, наверное, смогу раскрыть и показать все потаенные уголки своей души.

Не бывает греха вообще... Грех всегда предельно конкретен. К сожалению, иногда ко мне приходят и докладывают: "Грешна, батюшка, во всем!". Чаще всего это ложное смиление, попытка создать впечатление раскаянности, но, при этом, не раскрыть конкретно своей неправды.

Мы ведь обычно относимся к себе крайне снисходительно: "Что я - святой, что ли?". Фразу эту мы произносим, как бы говоря: "Что я - сумасшедший, что ли?". Православный же путь есть практика духовного трезвения, при которой правилом жизни полагается не среднестатистическая хорошесть, а святость. Мы забываем, что созданы по образу Божию (образ по-гречески - икона), что несем в себе икону Христову, врученную нам Самим Богом. А икона, если ее долго не реставрировать, темнеет, превращается в "черную доску" (по выражению Соловухина). За драгоценный дар мы несем огромную ответственность. За каждое пятно, которым мы затемнили этот образ. Как раз неподготовленность, поверхность, аморфность, неискренность приводят к искусственности в покаянии. Только вдумчивое, трепетное отношение к святости, которая дарована человеку, только трезвое опознание греха, своей неправды, возвращает нас на дорогу, ведущую к Всевышнему. Нам необходимо постоянно возвращаться и возвращаться к исповеди. Таким образом, вся наша жизнь становится покаянием. И в этом смысле православное покаяние - это путь, по которому мы бредем, спотыкаемся, падаем, встаем, отряхиваемся и вновь идем в Царствие Небесное.

Существует еще одна, на мой взгляд, крайность, когда впервые кающийся начинает скрупулезно конспектировать книжки наподобие "В помощь кающемуся" свят. Игнатия Брянчанинова. Проблема здесь не в том, что у него нет большинства этих грехов, а в том, что он не способен все там перечисленное воспринимать как грех. Это, я



думаю, своеобразная попытка после детского сада, минуя школу и университет, защитить диссертацию. Такая исповедь излишне формализована. Это не значит, что такими книжками нельзя пользоваться. В них как раз собрано то, что Церковь относит ко греху, что она считает грехом. Безусловно, почти все, что там написано, нам свойственно, но вопрос в том, отнюдь ли мне за это, и готов ли я этому объявить войну, находясь на данной духовной ступени. Мы, безусловно, плохо видим свои грехи и потому молимся: "Господи, даруй ми зре́ти моя прегрешения". И от покаяния к покаянию, если мы вдумчиво искренне взглядываемся в себя, постепенно, иногда очень медленно, спадает пелена с наших духовных очей, обнажаются духовные немощи.

У покаянного пересмотра жизненного пути, у переоценки своих деяний должны быть четкие критерии. Тут хорошо бы опереться на опыт предшественников, чтобы не повторять все классические ошибки подряд. Не могли бы Вы назвать христианские книги, которые способны помочь собирающемуся на исповедь?

Было бы хорошо, если бы человек, переступивший порог храма, ощущил себя находящимся в Церкви, не здании церковном, а в новом духовном мире. Водворяясь в Церкви, мы получаем в дар то, что неописуемо, не поддается словесным формулировкам - радость церковную. Выразить ее практически невозможно. Высокий опыт ее встречается у апостола Павла: "Знаю человека во Христе, который... был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать" (2 Кор. 12,2 4). Вот ощущение, как он смог его передать.

Эта радость нас посещает в Церкви. Но для того, чтобы туда войти, мы пользуемся и нашим разумом, он во многом помогает. Особенно если учесть, что сейчас существует некий разрыв в поколениях, и в Церковь приходят люди, не воспринявшие с молоком матери православную традицию. И то, что раньше входило через сердце, сейчас пытаются вместить с помощью головы.

Поэтому я предложил бы литературу, которая дает возможность понять, что происходит в Церкви. Вероятно, для начала лучше всего было бы читать книги Митрополита Сурожского Антона. Брошюры "Духовное путешествие. Размышления перед Великим постом", "Ступени"; его книги, такие, как "Беседы о вере и Церкви", "Пути христианской жизни", "О встрече" вводят нас

в пространство Евангелия, где мы становимся по-настоящему церковными людьми. А такие работы, как "О молитве", "Учитесь молиться", "Может ли еще молиться современный человек?" ставят нас, начинающих христиан, перед самой трудной проблемой православной жизни - молитвенным деланием. Почему именно его книги? Потому что это и доступно, и ясно, и глубоко. Его работы не беллетристика, не профанация, а серьезная литература на современном языке. Это не значит, будто ничего другого нет, но я бы рекомендовал начинать именно с Владыки Антония. Не стоит забывать, что духовный путь надежнее всего проходить под руководством священника, поскольку на этом пути встречается много подводных камней и течений. Священники, обычно, несмотря на свою занятость, люди очень доступные и приветствуют, когда к ним обращаются с вопросами. (Также очень полезной будет книга протоиерея Владимира Воробьева "Покаяния. Исповедь. Духовное руководство". - Ред.)

Моя знакомая рассказывала об одном случае. К ней, стоявшей в очереди на исповедь, приблизилась интеллигентная дама. И между ними состоялся короткий диалог. - "Что здесь происходит?" - "Исповедь". - "А здесь можно попросить здоровья?" - "Здесь можно попросить прощения". Услышав эти слова, дама вежливо откланялась и направилась в сторону выхода. Отец Алексий, Вы - священник и врач. Служение священника и профессия медика направлены на исцеление. Души и тела - соответственно. Покаяние ведь не только очищение от греховной скверны, но также исцеление от духовных болезней?

Верно. Согласно православному учению, грех - это болезнь. Входя в человека, он извращает его духовную природу. Не опознав греха, мы не поставим диагноза, а не поняв природу болезни, даже не сможем начать лечиться. Без покаяния мы уподобляемся неразумному больному, которому врач ставит диагноз аппендицита и предлагает операцию, а больной утверждает, что у него насморк и все само пройдет. Врач и пациент должны стать сотрудниками в борьбе с болезнью. Точно так же исповедник и исповедуемый должны стать союзниками в борьбе с грехом. И очень важно, что в православной практике помощником в покаянии является священник, с которым исповедующийся стоит с глазу на глаз. У этого священника обычно есть некоторый опыт. Он всегда способен, так или иначе, отреагировать на те излияния, с которыми человек пришел на покаяние.



Реакция может быть нелицеприятной, как всякий непосредственный живой отклик.

В Православии исповедь - всегда подвиг очной встречи. Как раз то, что отнимает в католичестве перегородка исповедальни. Однако именно подвиг способствует сжиганию греха. Не надо таинство покаяния путать с партсобранием, где, хочет того человек или не хочет, его выставляют на потеху толпе, требуя прилюдного самоосуждения за то, что он "докатился до жизни такой". Православное покаяние не только таинственное действие исцеляющей Божией благодати, но и тайна кающегося и исповедника. И раскрытие этой тайны есть тяжкий грех и профанация таинства, что принципиально недопустимо.

Скорее покаяние можно сравнить с грядкой, на которой выпадают сорняки. Если их не полоть, то сорняки все заглушают, если же полоть, то они все равно вылезают. Успех дела именно в регулярной работе: исповедь должна быть регулярной. Ибо "лес боится не того, кто помногу возит, а того, кто часто ездит", как гласит русская пословица. В том-то и есть духовное трезвение, что чем человек праведнее, тем лучше грехи свои видит.

У святителя Игнатия Брянчанинова встречается необычная мысль: "Ужасная жестокость к себе - отвержение покаяния! Ужасная холдность, нелюбовь к себе - небрежение о покаянии. Жестокий к себе не может не быть жестоким к ближним. Умилосердившийся к себе принятием покаяния, вместе делается милостивым и к ближним". Получается: исповедь не только примиряет с Богом и с самим собой (с голосом совести), но примиряет и с другими людьми?

Я уже говорил о том, что человек создан по образу Божию и что образ по-гречески - икона. Т. е. все мы, по сути своей, являемся иконой Христовой. Это не наша заслуга, это дар Божий, врученный нам на хранение Самим Богом. Но на Страшном Суде мы дадим отчет об умножении этого дара. И на простой вопрос "Где та драгоценность, которую Я тебе, человече, вручил на хранение?" - мы вряд ли сможем дать вразумительный ответ, если не приучили себя к систематической реставрации (к покаянию), к регулярному поиску того подлинного лика, того источника, который нас делает единими с Творцом. Где-то в своих глубинах мы интуитивно чувствуем эту свою подлинность (ведь образ Божий в человеке неуничтожим). Но мы умудряемся это перевернуть к отвержению покаяния: "Что я - хуже других, что ли?". Тогда как началом покаяния явля-

ется трезвое понимание, что, по крайней мере, я не лучше других. Здесь не может быть количественного сравнения моих достоинств и недостатков с достоинствами и недостатками другого.

Критерием покаяния является та мера, или, точнее, та безмерность даров, которыми Господь осыпал меня, и которые я обратил в прах. То, как поступил другой со своими дарами - это, прежде всего, его дело, т. е. это тайна его исповеди, и это дело Божьего суда, а не моего осуждения. И здесь очень может нам помочь опыт нашей любви или хотя бы влюбленности. Ведь полюбить человека означает так взглянуть на него, так проникнуть вглубь, что прозреть его подлинную духовную сущность, которая и является образом Божиим, иконой. Как опытный реставратор, которому принесли древнюю потемневшую доску, способен, проникнув сквозь записанные, потемневшие слои, восклкнуть: "О, какая красота!". Так и нам Господь открывает способность проникать сквозь видимое, но наносное, т. е. ничего не значащее, в подлинное, глубинное в другом человеке. Сколько раз мы недоумевали, глядя на влюбленного: "Что он в ней нашел?" Сколько часто другие удивлялись, глядя на поразившего нас человека. Но ведь настоящим, истинным, является увиденный одним - хотя бы и скрытым от других - образ Божий, а не это недоумение, неспособность прозреть вглубь. Важно понять, как говорит владыка Антоний в книге "Таинство любви", на что я обращаю внимание, когда смотрю на икону: на повреждения иконы или на дивный лик.

Опыт любви связан с явлением Бога, Который есть Любовь (1 Ин. 4,8). А разлюбить означает променять дар глубинного проникновения в суть другого человека на мелочный подсчет количественных характеристик его полезных и вредных качеств. Путь покаяния нас трезвит. Он заставляет нас требовательно относиться к себе и сочувственно к ближнему именно потому, что я ничуть не лучше другого, что оба мы имеем одно и то же человеческое достоинство, что оба мы созданы по образу Божию.

"**Узнай себя!**" - вот сверхзадача, которую человек ставит перед собой уже не одну тысячу лет. Задача очень сложная. Как, например, быть, если и чувствуешь, что надо исповедаться, и в то же время не знаешь, что сказать на исповеди?

Такое чувство, наверное, возможно лишь в начале церковного пути, когда мы по отношению к самому себе исходим из неверной предпосылки, что я не хуже другого, когда я слишком снисхо-



дителен к себе. Мы интуитивно ощущаем свою богообразность и вместе с тем чувствуем, что не все ладно в датском королевстве, т. е. в нашей душе. Мы начинаем ощущать, что своей жизнью, поступками, чувствами, словами вносим разлад в тот уклад, который Богом заложен в нас. Вместе с тем мы не опознаем четко причины этой дисгармонии, потому что не видим ничего из ряда вон выходящего, что бы мы ни натворили, ибо, как нам кажется, так поступают все. Но личный грех приводит к личному, или локальному, расшатыванию устоев бытия, а целокупный грех всех людей - к дисгармонии всего мира, а ее мы тоже очень хорошо ощущаем.

Поэтому, когда приходишь на исповедь, очень важно конкретно видеть свою неправду. Грех конкретен, и покаяние должно быть таким же. Вне зависимости от того, поступают так все или нет, важно, что я не имею права так поступать, я искренно опознал в себе эту неправду, и я должен с ней расстаться. Пусть для начала это будут два-три конкретных, но моих греха. В дальнейшем Господь откроет мне духовное зрение, и я увижу больше. Чем праведнее человек, тем больше грехов он увидит в себе, тем от большего груза грехов он может избавиться через покаяние.

На исповеди приходится сознаваться в поступках, которые чести не делают. Трудно преодолеть чувство стыда...

Камнем преткновения является смущение, с которым я прихожу на исповедь, особенно на первую. Смущение вызвано не только стыдом, но еще - недоверием к священнику. Важно помнить, что я исповедуюсь Богу, а не священнику, который является "только свидетелем", а если повезет, - помощником.

Нужна моя решимость. Очень важно, чего именно я жду от исповеди: Страшного Суда или самооправдания? В одной частной беседе протоиерей Валентин Тимаков сказал: "На том свете нет места юриспруденции!" Я прихожу на исповедь как на Страшный Суд. И это скорее явка с повинной, чем взвешивание моих добродетелей и преступков с извиняющими их факторами. Я очень далек от протестантского понимания: если ты поверил во Христа, то ты - де уже спасен, и Страшный Суд ни к чему. По мысли Патриарха Сергия (Старгородского), протестант ищет не столько спасения, сколько "безнаказанности за совершенные грехи". С другой стороны, католическая скрупулезность при взвешивании праведности и греховности на весах, при определении: спасен человек или нет? или, быть может, его стоит не-

много пожарить в чистилище? (будто бы Богу требуются наши мучения!) - не приемлема. Иначе невозможен феномен благородного разбойника.

Да, Христос обещал ему: "Ныне же будешь со Мною в раю" (Лк. 23,43). Сразу в раю, минуя вымышленное чистилище.

То, что я сейчас скажу, нужно воспринимать как иллюстрацию, притчу, но не более. Представим себя в качестве жителей пещеры, в которую почти не проникает свет. Глаза вроде бы не нужны, ибо мы знаем, где наклониться, чтобы не треснуться башкой о сталактит, где в подземной речке поймать карася. Где ее вброд перейти, где улитку со скалы снять, чтобы съесть. Мы приспособились к сумраку и забыли про глаза. Зрение не отсутствует, но оно не востребовано. И если такого пещерного человека в яркий полдень внезапно вытащить на свет, то глазам станет больно, и он завоинит: "Верните меня в пещеру, не хочу света!". По смерти мы встанем со своими невостребованными духовными очами перед немеркнущим Светом Бога и закричим: "Мне больно смотреть на Тебя! Не хочу быть с Тобой!". То есть на Страшном Суде, возможно, не Бог откажется от человека, а человек - от Бога. Это-то и страшно!

Наша нынешняя жизнь - это пещера-лабиринт. Если я с усилием, но продвигаюсь по этому лабиринту и преодолеваю сто тридцать девять поворотов, то я смогу увидеть на противоположной скале отраженный от подземной речки еле заметный блик света. А если пойду еще дальше, то через тридцать поворотов уже смогу различить игру светотеней. И если я буду это делать регулярно, то глаза мои научатся воспринимать свет, и когда меня выдернут в тот самый яркий полдень, я, конечно, зажмуруюсь от необычайной лучезарности. Но, быть может, не захочу сразу обратно, а постараюсь привыкнуть к сильному свету. Добротельная жизнь, опыт молитвы - вот тренировка нашего духовного зрения на пути из лабиринта. Она, надеюсь, позволит нам сказать: "Труден Свет Твой, Господи, для нашей тьмы, но потерпи на мне, я постараюсь выдерживать Его".

Здесь нет никаких гарантий, но лишь упование. Нет расчета на свои заслуги, но надежда на милость Божию. Впрочем, никакая Божия милость не способна против нашего желания вырвать нас из нашей тьмы. И Богочеловеческое дело нашего спасения начинается с покаяния: "Шуву!". ("Покайтесь!" на ветхозаветном языке значит "Повернитесь лицом к Богу!" - ср. Мф. 4, 17 с Втор. 30, 2.) Вставая на подвиг очной исповеди, очень важно уяснить, что стыдно грешить, а не





каяться, что чувство стыда о содеянном - это пламень, прожигающий грех, что страх Божий - не испуг перед Богом или ужас кар, а опасение оскорбить бесконечно близкого и любящего, боязнь оборвать тонкие интимные нити, связывающие нас с Творцом. Важно помнить: это нужно лично мне, а не кому-то там. От этого зависит моя вечная жизнь или смерть.

Человек исповедуется перед Богом в присутствии священника. Какова роль каждого из трех участников исповеди?

Бог стучится в двери сердца каждого из нас, ожидая, не откроем ли мы, чтобы Он вошел и вечерял (Откр. 3, 20). То есть чтобы Тайная Вечеря, Литургия совершилась в моем сердце. Бог жаждет моей любви, но не требует. Он жаждет нашего спасения, но решение оставляет на нашей совести, не домогаясь положительного ответа. Поэтому и взаимоотношения с Богом не могут не быть предельно искренними. И приходить на исповедь с лукавством - бессмысленно. Вопрос, который изначально и навечно поставлен передо мною, прост и звучит так: "С кем хочешь быть, человече, со Христом или нет?". И ответ точно так же предельно прост: "С Тобой" или "Нет". Но вот ответить - не просто! Ибо это ответ целой жизни.

Да, возможен путь благоразумного разбойника, который всю свою жизнь убивал и грабил, но, вися на кресте, возопил: "Господи, вся моя жизнь - сплошной ужас, но я вдруг увидел Твой Свет и почему-то не ослеп. Более того, я и дальше способен Его выдерживать. Не отними Его от меня. Вспомни обо мне в Своем Царстве!". Этот путь возможен, и я не приму недоумений: почему, мол, бандиты, "новые русские" или старые коммунисты приходят в Церковь? Но при этом помню, что второй-то разбойник, висевший слева от Христа, искренне не смог вместить в себя Свет Христов - грехи не пустили. Священник в самом деле может помочь пришедшему, но от кающегося требуется вся искренность без остатка. При этом я очень хорошо понимаю, что, как бы предупредительно я, священник, не относился к любому приходящему, всегда будут те, кто лично ко мне никогда не решится подойти, или, подойдя, не получит того, что ожидал. Я очень хорошо помню тех, кто отходил от меня, несмотря на все мои старания. Но у Бога всего много - значит есть другой священник, в котором можно обнаружить духовное сродство. Все люди - разные, и все священники - тоже разные. Важно найти своего. Ведь у каждого исповедника своя паства. У кого больше, у кого меньше, но, обычно, чада считают, что у них са-

мый лучший духовник, ибо Бог вложил ему в уста самые нужные в какой-то момент слова.

Иногда исповедался - и словно гора с плеч свалилась, но отнюдь не каждый раз чувствуешь душевное облегчение. Это зависит от настроя, с которым приступил?

Важна искренность, которая порождает настрой, хотя настрой может родиться во время беседы с исповедником. Но, действительно, бывает, люди уходят после исповеди с чувством обиды на священника. Я думаю происходит это, потому что сам факт своего прихода мы воспринимаем как доблесть. Мы будто делаем одолжение Богу, хотя это нужно нам самим. Одна евангельская история может объяснить истинное положение дел. Ханаанеянка шла вслед Иисусу и кричала из глубины своей страдающей души: "Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснется" (Мф. 15,22-28). Она поняла, что только от Него зависят жизнь и смерть, и исцеление ее дочери. Господь, как бы не замечая ее, шел дальше. Она же продолжала вопить. Ученикам стало неуютно, и они уговаривали Спасителя исполнить ее просьбу, мол, что Тебе, Господи, стоит; Тебе же нетрудно отпустить ее. Но Христос отказался, сказавшись на слова Закона: Он послан к погибшим чадам дома Израилева. Женщина, как язычница, поставила себя вне Закона. Но она по-прежнему умоляла. И тогда Христос произнес суровые слова "Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам", по сути, назвав ее собакой. Многие ли из нас способны выдержать подобное сравнение? Кто до такой степени осознаёт свое полуязычество, свою греховность? Конечно, Господь видел глубины ее сердца, к которому обращал столь жесткие обвинения, и хотел всем показать ее удивительный ответ: "Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают с господского стола". Только через смирение, нищету духовную, мы можем быть прощены Богом, как была прощена эта женщина. Мы же, делающие одолжение Богу своим визитом к Нему, слыша отповедь священника, начинаем возмущаться, качать права и уходим, хлопнув дверью. Однако я уверен: все неприятности и заужения, которые мы получаем в жизни и, конкретно, в стенах церкви, получаем либо за дело, либо впрок. Причем хорошо бы себе уяснить, что впрок обычно получают... святые!

Фото: архив Свято-Димитриевского сестричества при больничном храме св. царевича Димитрия (I Градская больница, Москва)



Всякий, стремящийся к христианскому мышлению, без большого труда, а иногда с каким-то большим удовольствием скажет о себе, что он "великий грешник", или на просьбу о молитве ответит по утомительному стандарту: "Молитва моя недостойная". Но попробуйте сказать о себе искренно: "Я просто нехороший человек" или "я нечистый человек" - и вы поймете, как это трудно, может быть даже непосильно.

Сергей Фудель



ГРЕШНИЦА

Народ кишит; веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убранны богато,
Везде горит хрусталь и злато,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор;
Идет, сливаясь с музыкой,
Их перекрестный разговор.
Ничем беседа не стеснена.
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собранны тайном,
Торговле, мире и войне,
И Муже Том необычайном,
Что появился в их стране:
“Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью Он учил;
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в Нем:
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.
Ему признания не надо,
Сердце мышленье отперто,
Его пылающего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачая муку,
Везде Спасителем Он был
И всем простер благую руку
И никого не осудил.
То, видно, Богом Муж избранный.
Он там, по онпол Иордана,
Ходил, как Посланный небес,

Он много там свершил чудес;
Теперь пришел Он, благодушный,
На эту сторону реки...
Толпой прилежной и послушной
За Ним идут ученики".
Там гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят;
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая.
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры:
О нескромные уборы
О гречной жизни говорят.
И внемлет дева разговорам
И ей они звучат укором;
Гордыша пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
“Я власти не страшусь ничьей!
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш Учитель
Он не смутит моих очей!”
Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы...
И вот, к толпе, шумящей праздно,
Подходит муж благообразный.
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенье
Во блеске юной красоты
Полны огия и вдохновенъя;
Его величественный вид
Неотвратимой дышит властью:
К земным утехам нет участья,
И взор в грядущее глядит.
Печать избраника на нем,
Он светел, как Архангел Божий,
Когда пылающим мечем
Врага в кромешные оковы
Он гнал по воле Иеговы.
Невольно грешная жена
Его величъем смущена,
И смотрит робко, взор понизив;
Но, вспомня свой недавний вызов,
Она с седалища встает,
И стан свой выпрямивши гибкий,





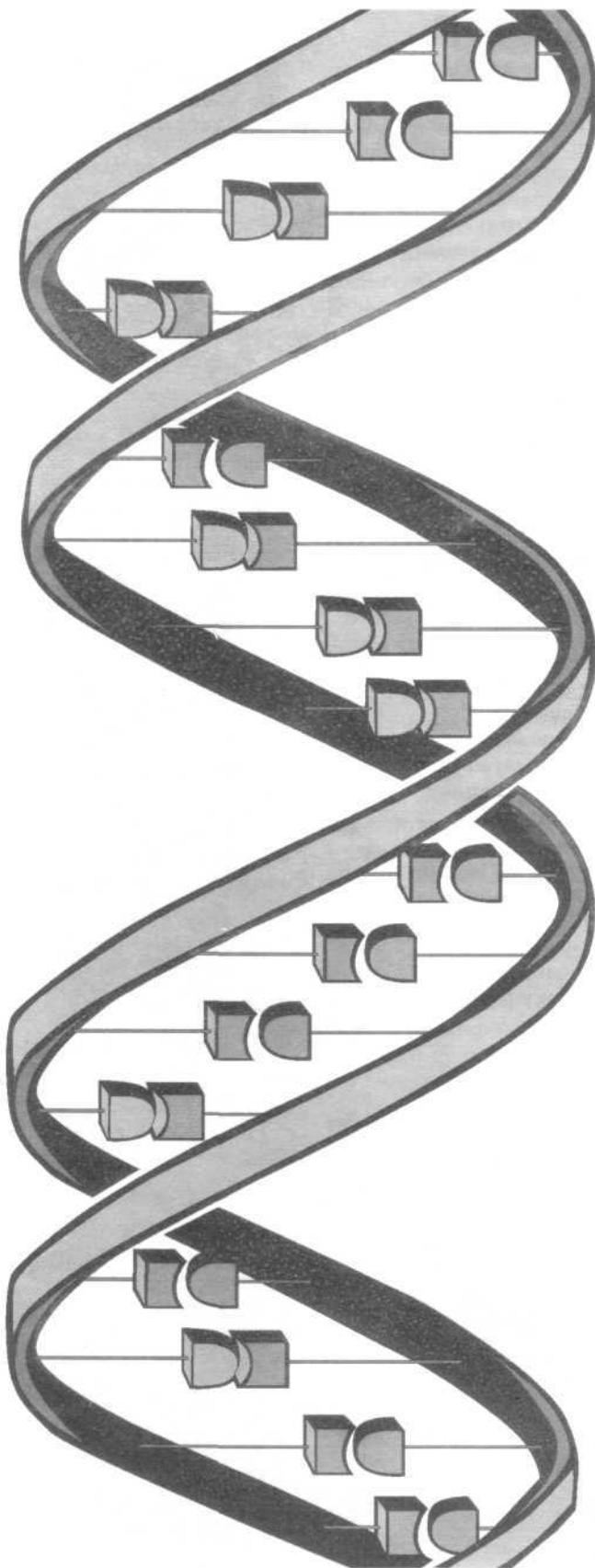
И смело выступив вперед
Пришелцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает.
“Ты тот, кто учит отреченью?
Не верю твоему ученью,
Мое надежней и верней.
Меня смутить не мысли ныне,
Один, скитавшийся в пустыне,
В посте проведший сорок дней!
Мой дух тобою не волнует,
Твоей смеюсь я чистоте!”
И речь ее еще звучала,
Еще смеялась она,
И пена легкая вина
По кольцам рук ее бежала,
Как общий говор вокруг возник,
И слышит грешница в смущеньи:
“Она ошиблась! В заблужденье
Ее привел пришелца лик;
То не Учитель перед нею:
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик”.
Небрежно немощным обидам
Внимал он деве молодой,
И вслед за ним с спокойным видом,
Подходит к храмине Другой.
В Его смиренном выраженьи
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела.
То не пророка взгляд орлиный,
Не прелесть ангельской красы,
Делятся на две половины
Его волнистые волосы!
Поверх хитона, упадая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост;
В движеньях скромен Он и прост.
Ложась вокруг уст Его прекрасных,
Слегка раздвоена брада:
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.
И пронеслося над народом,
Как дуновенье тишины;

И чудно-благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданье
Сидит недвижное собранье,
Тревожно дух переводя,
И Он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком,
И, в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохваливой
Остановил Свой взор печальный.
И был тот взор как луч денницы,
И все открылося Ему,
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму.
И все, что было там таймо,
В грехе что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До дна души озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ее порочных дел -
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла в изумленье,
Как много благ, как много сил
Господь ей щедро подарил,
И как она восход свой ясный
Грехом мрачил ежечасно.
И в первый раз, гнувшись зла,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земных препон,
Она колебляся, стояла...
И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала,
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница младая,
Дрожат открытые уста -
И пала ниц она, рыдая,
Перед святынею Христа.

А.К. Толстой

Художник: Елена Гламаздина





Сегодня, когда со страниц газет и с телеэкранов не сходят обсуждения таких тем, как клонирование, эвтаназия, правомочность абортов, проблемы медицинской этики становятся как никогда актуальными. Современные медицинские технологии способны продлить человеку жизнь, но также в состоянии быстро и безболезненно прервать ее... Голландцы легализуют эвтаназию, позволяя проводить ее не только в случаях невыносимой физической боли, но и по причине душевного расстройства, нравственных мук... Что это: развитие гуманизма или шаг к расчеловечиванию?

Журналисты проводят бурные теледиспуты, философы рассуждают о смене мировоззренческих устоев, социологи приводят различные факты и делают неутешительные обобщения. Но вплотную, лично со всеми этими проблемами в первую очередь сталкиваются две категории людей: пациенты и врачи. И если первых эти вопросы почти всегда застают врасплох, то вторые могут и должны быть подготовлены к тому, чтобы знать, что делать, как и почему себя вести в подобных случаях.

С этой целью несколько лет назад в отечественных медицинских вузах была введена новая дисциплина – биоэтика. Наш опрос проводился среди студентов-медиков Москвы, недавно прослушавших подобный курс...

При оформлении публикации были использованы фотоработы Андрея Радкевича и Николая Федорова, снимки из архива Свято-Димитриевского сестричества при больничном храме Святого царевича Димитрия (I Градская больница, г. Москва), а также кадры из американского сериала "Скорая помощь"

МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА: ЧТО ДУМАЮТ СТУДЕНТЫ



Студентам Российского государственного медицинского университета мы задавали вопросы о том, что такое "биомедэтика", нужен ли им этот предмет, какими качествами должен обладать хороший врач. Вот фрагменты студенческих ответов:

Алексей:

Биомедэтика? - смутно понял, про что это. Даже не знаю, что сказать. У врача должны быть определенные принципы, и главное - не навредить. Там еще про эвтаназию, контрацепцию говорили, по-моему. Я не против контрацепции. Против эвтаназии. Потому что неправильно это, лучше уж обезболивать до последнего, чем так.

АбORTы - сложно. Они же разные бывают. Те, которые по медицинским показаниям (когда заранее известно, что ничего хорошего не получится ни для матери, ни для ребенка), и другие. Но это все индивидуально очень.

Главное для врача - не вредить. То есть врач не имеет права на ошибку, хотя это и очень сложно - поставить верный диагноз, не нанести вред в результате своей деятельности. Помочь всегда, при любых условиях. Что-то типа клятвы Гиппократа. Вообще, я считаю, что моральные качества людей не зависят от специальности, не определяются ей. На любой работе человек может по-разному относиться.

Маша:

Не самый популярный это предмет. Народ обычно сканировал учебник по биомедэтике, по-моему, он один только и есть. Сомневаюсь, что кто-то поменял свои взгляды после лекций, во всяком случае, никто из тех, кого я знаю...

Если Бог отнимает жизнь, зачем тогда реанимация? Бог дал, Бог взял.

А в принципе, биомедэтика, наверное, - рассказ о видах общения с больными, о реакциях врачей на больных и наоборот... Например, краткий экскурс в отношения "пациент - врач".

Гуманно относиться к больным - до этого надо самому дойти. Простая истинка, которая в сущности профессии изложена. Например, гуманно ли сказать человеку, что он болен раком? И вопрос эвтаназии. Когда человек медленно умирает, это хуже. Моя бабушка год от рака умирала. Это тяжело... Вот про аборт говорили. Лучше аборт, чем детдом, или нежелательный ребенок, или пороки врожденные.

Что требуется от врача - в двух словах не скажешь...

Не забывать о больном как о человеке. Лечить не только болезнь. Была у нас одна преподавательница по терапии, так она говорила, что помимо точно поставленного диагноза надо и о другом думать. Не только по книжке лечить, а пытаться понять человека, что ему тоже что-то может не нравиться, что он что-то все равно делать не будет, и т.д.

Забывать о себе. Не понимаю я, почему пациенты должны платить. Хотя это, наверное, проблема государства... Забывать о себе, то есть не работать ради заработка денег, иначе другую профессию надо было выбирать.

Катя:

Лично для меня аборт, конечно, плохо, но смотря в каких условиях. Лучше уж аборт, чем он в детдом уйдет. Рядом с моим домом есть один, и я знаю, что это из себя пред-





ставляет. Или умственно отсталый родится, или идиот. Будут лежать и медленно умирать.

Одно дело говорить, рассуждать об этом, а другое дело то, что мы сами видели в наших больницах, роддомах. Сколько сейчас сифилиса, никогда столько не было. И рождаются дети с врожденным сифилисом. Они инвалиды, а гениями не все становятся из тех, кто выживает. А матери их чаще всего из ближнего зарубежья, приехали денег заработать. Они оставляют таких детей, конечно.

Честность. Хотя возникает вечный вопрос, что лучше - сладкая ложь или горькая правда.

Но я про другое, я про отношение к работе. Медицинская среда, она тоже своеобразная. Я имею в виду не халтурить, не "лучше завтра сделаю". И еще - уважение к пациентам и их родственникам. Не забывать о них никогда. А то у нас бывает - идут студенты по коридору больницы и обсуждают какой-то случай. А вдруг рядом мама этого "случая"...

Оля:

Врачебная тайна, например, - вот проблема. Случай из практики: одному старому профессору поставили диагноз - рак.

Он спрашивать стал, сколько ему осталось, чтобы закончить работу, студентов подготовить, библиографию по своим трудам составить и т.д. Он долго упрашивал врача-друга и тот сказал: "Год". Профессор пришел домой, лег на диван и умер через неделю. Не смог он с этим справиться.

Или вопрос трансплантологии. О том, что без согласия донора нельзя брать органы. Один человек умирает без этого органа, и жизнь его, наверное, важнее, чем почка, с которой покойник лег бы в могилу.

Лена:

Как на войне - врач должен помочь всем раненым, и той, и другой стороне. Главное - видеть человека, которого надо вылечить. А если человек сам в здравом уме и хочет умереть, потому что у него последняя стадия рака и он хочет отказаться от бессмысленной реанимации, врач обязан учитывать его мнение.

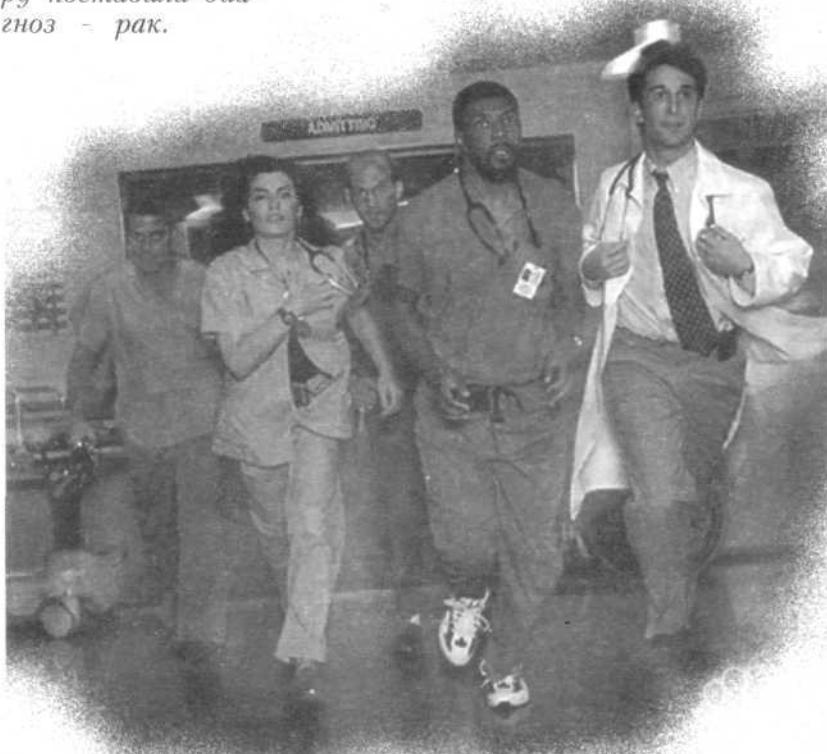
Не должен различать богатых и бедных. У одних пациентов депрессия, у других истерика - врач должен одинаково (ровно, дружески) и к тем, и к другим относиться. Терпение важно: выслушать всех, и родственников тоже. И бабушек ноющих.

Я не считаю, что всем надо отключить аппарат, но если человек сам этого просит...

Вы бы сделали массаж человеку со СПИДом? Не знаю, как сама, но ребенку своему бы не разрешила. Все твердят "да-да, мы сделаем", а по жизни все иначе получается...

Требования религии никакого отношения к этому не имеют. Я считаю, что если орган отпетого негодяя может спасти жизнь человеку, которому его пересадят, и тот изобретет вакцину от СПИДа... При чем здесь религия?

Решать придется все эти вопросы по жизни. А у каждого своя философия, большей части - доморощенная. Нормы здесь никогда не выработаны и каждый руководствуется своими знаниями. Конечно, если врач - человек верующий, то он религию тоже учитывает.



Света:

Врачи - особая каста, у них завышенные понятия о себе самих. Они думают, что раз от них зависит жизнь пациента, то... В идеале врач должен быть сострадательным, но на практике это сложно. Хотя бы некритичным быть, потому что все люди сварливы от болезни становятся. Вообще, все требования моральные абстрактны и почти невыполнимы.

Миша:

Да, мне такой предмет - биоэтика - нужен. И любому другому врачу тоже. Много важных моментов. В частности - проблемы, связанные с эвтаназией,abortами. Я задумывался об этом и до лекций, но цикл мне помог. Мнение, конечно, по этим вопросам я не изменил, но получил информацию к размышлению, причем более профессиональную.

Анар:

Чаще всего врач руководствуется своими личными жизненными принципами (семья, вера, опыт), а должна быть четкая, конкретная наука о том, как в какой ситуации действовать. Психологии, которую обычно в медвузах дают, явно недостаточно.

У нас в стране врачи часто неправильно обращаются с пациентами и друг с другом. Например, когда один врач "покрывает" другого врача, который что-то плохо или не так сделал. В других случаях это называется стукачеством, но жизнь больного должна быть на первом месте: поругать врача, совершившего ошибку, можно и нужно. Но не покрывать его. А у нас принято "я вас не трогаю, и вы меня не трогайте". За собой нужно постоянно следить и наказывать жестоко. Но на то и врачи.

...Эвтаназию разрешать нельзя, я считаю. Мы спорили с группой на данную тему, потому что большинство считает это гуманным завершением мучений больного, добром. Мое мнение: есть черта, граница жизни и смерти, которую врач не может переходить. Если врач начинает сам решать, нужна ли эвтаназия, то для него незаметно обесценивается человеческая жизнь. Это решение бесследно не пройдет. Какие-то фибрь души огрубоют.

Если однажды все решат, что эвтаназия все-таки гуманна, то пусть пациент сам себе делает инъекцию или кто-то из его близких.



Обычно хотят, чтобы врач это делал. Но если они так считают, то пусть сами грех на душу берут.

Религию, конечно, нельзя никому навязывать. Быть верующим неплохо, религия вообще помогает жить. Здесь тем более очевидна черта, которую врач, как и любой человек, перейти не может...

АбORTы - это плохо, но без них в бедной стране не обойтись. И если их запретить, будет только хуже: доморощенные "специалисты" по газетным объявлениям ухудшат и так напряженную демографическую обстановку..

Лена:

Слушать эти лекции должны не только студенты, но и многие врачи. Как-то не очень у нас народ воспитан в этом плане. А нужно знать, как вести себя с больным.

Вопрос эвтаназии, например. Мое личное мнение - нужно разрешить это дело. Но чем больше это будет обсуждаться, тем лучше.



АбORTы - это мрачно. Женщины у нас должны знать, как предохраняться, чтобы потом не было абортов и бесплодия в перспективе.

Многие связывают эти вопросы с религией. Я сама считаю себя несколько верующим человеком. А верующему врачу не стоит идти в те специальности... Например в гинекологию. Не будет же врач читать нотации женщине, которая пришла уже делать аборт.

А про помощь ВИЧ-инфицированным так скажу: даже если бы я знала, что человек болен, я не отказалась бы сделать ему перевязку или что-то еще. Конечно, если царгин у меня нет на руках, но и тогда перчатки можно взять. А то многие думают, что СПИД через рукопожатие или объятия передается. В крайнем случае, если бы уж засомневалась - пошла бы и анализы сделала.

Таня:

С бытовой точки зрения, в обыденной ситуации важно конфиденциальное отношение к больному. А то мы тут были на практических занятиях и слышали, как заведующая, врач, в присутствии пяти человек студентов в палате называет женщину после гипертонического криза "толстой свиньей". Врач обязан стерпеть любую ситуацию, которая может возникнуть.



В качестве комментария к высказываниям студентов мы предлагаем интервью с профессором богословия, диаконом Андреем КУРАЕВЫМ, который, ознакомившись с мнениями о курсе биоэтики, согласился ответить на вопросы нашего корреспондента.

Диакон Андрей Кураев:

“УЧИТЬСЯ СМОТРЕТЬ НА ЧЕЛОВЕКА НЕ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ПРИЦЕЛ МИКРОСКОПА”

Отец Андрей для чего, по-Вашему, следует изучать биоэтику, обращающую наше внимание на такие категории, как нравственность, совесть и т.д.? Разве это важно в профессии врача?

Если провести опрос на тему “У кого Вы предпочли бы лечиться: у хорошего специалиста-врача, но плохого человека по своим нравственным качествам, или же у врача, являющегося весьма средненьким специалистом, но при этом честным, отзывчивым человеком?”, то, пожалуй, большинство людей выберет порядочного доктора. Этот тип врачей как бы совестью своей, головой отвечает за то, что советует и делает. Уже поэтому, как мне кажется, преподавание этики необходимо. Вообще, одна из задач культуры - возвысить, воспитывать, тренировать те чувства, которые вроде бы инстинктивно заложены в человеке. Но вот, к примеру, существующее от рождения чувство совести у нас такое хиленькое и, похоже, с каждым годом становится все хилее и хилее.



Мы, в лучшем случае, способны различать, что хорошо, а что плохо, но вот оттенки добра и зла уже не разбираем. А в жизни часто бывают ситуации, когда речь не идет о выборе между четким добром и злом, а о необходимости разбираться и иногда брать на душу один грех, чтобы предотвратить грех больший. Или жертвовать каким-то благом, чтобы исполнить более высокий долг...

Для того, чтобы различать такие оттенки, нужно иметь воспитанную совесть. А если совестливые чувства, нравственная интуиция почти атрофированы, то тем паче нужен некий "костыль", на который можно опереться, некая "шпаргалка", которой можно было бы воспользоваться. И здесь я также очень не советовал бы всегда и во всем полагаться на свою совесть. Скажем, я не завидую окружающим меня людям, в отношениях с которыми я буду полагаться только на свою совесть. Не завидую, потому что со своей совестью я всегда договорюсь, и она будет молчать, сидеть на задворках, что-то иногда выкрикивать, зализывая свои раны. И здесь опять же необходимо, чтобы у человека была осознанная рациональная мотивация. Ведь вы же врачи, вы хотите быть разумны-

ми людьми, учеными. А для человека науки очень важно каждое свое действие проверять через разум. Поэтому надо уметь думать над вопросами этики, над вопросами религии...

А зачем? Разве важно, к какой религиозной традиции принадлежит пациент, тем более врач? При чем здесь религия?

Ну хотя бы при том, что врач, в отличие от ветеринара, имеет дело с людьми. У животных нет убеждений, поэтому здесь важны только убеждения врача и неважны "взгляды" четырехногих пациентов. Но когда речь идет об отношениях врача и людей, то здесь убеждения человека очень важны, потому что от того, с каким настроением человек приемлет то или иное лечение, предписываемое ему, во многом зависит и успешность этого лечения...

Возьмем проблему врачебной тайны. Может быть, такая правда, которая кого-то сломает, а кого-то, напротив, укрепит, заставит задуматься о прожитых годах. Я не могу сказать, приветствовал бы я или нет, если врач сказал бы неверующему человеку, что у него рак и что ему осталось



жить полгода. Но я бы предпочел, чтобы меня в подобной ситуации предупредили заранее. Религиозный человек не боится смерти, он боится смерти внезапной, смерти, к которой не готов... Опять же здесь есть разные нюансы, оттенки: допустимость тех или иных методов лечения, возможность вторжения в тело человека, тем более в его психику. Для того, чтобы здесь не наломать дров, чтобы не превратить своего пациента из союзника во врага, умный врач должен знать, кого он лечит. Знать не только пол и возраст пациента, не только те болезни, которые он перенес в детстве, не только те или иные аллергии, которые у больного есть... Врач должен знать еще и душу этого человека, знать, во что он верит, где для него проходит душевно-болевой порог. В современном мире для этого надо знать историю религий, а России прежде всего - православную традицию.

Так что для врача это просто необходимо?

С точки зрения христианства, да, - с точки зрения просто этики, наверное, нет такой области в жизни человека, которая должна быть лишена нравственного контроля. А если уж речь идет о такой деятельности человека, которая соприкасается с другими людьми, то здесь этика очень важна. Поэтому врачебная этика тоже должна быть. Правда, если она зиждется на советских началах - что человек только кусок мяса и что смысл

жизни человека заключается в том, чтобы дать возможность жить другим поколениям, которые будут строить коммунизм, - то говорить о подлинной медицинской этике довольно сложно... Но для того, чтобы не изобретать велосипед, надо осмотреться вокруг и подумать: а может быть есть более развитые концепции, нежели та, которой удовлетворялись врачи советской эпохи. И тогда, конечно, опять же неизбежно обращение к христианству.

Получается, что в идеале врач должен подходить к любой проблеме с позиции христианина. А если врач неверующий?

Если врач неверующий, то, во-первых, есть надежда, что это не навсегда. Во-вторых, дело даже не в том, станет ли он христианином или нет. Для меня как преподавателя университета очевидно, что нормальному человеку интересно узнать, какие еще подходы - кроме его собственного - бы-

вают к той проблеме, с которой он работает. Нужели совсем не интересно узнать, что можно увидеть в моей специальности с христианской точки зрения? По-моему, даже ради этого интереса стоит ознакомиться с религиозным опытом.

В репликах студентов прозвучала мысль о том, что аборт - это плохо, но в тоже время лучше, чем детдом, лучше, чем измученная болезнью душа ребенка...

На самом деле взрослый человек обычно предпочтет смерти любые условия жизни. Иногда готов сдаться в плен, столкнуться с тяжелейшими условиями существования, чтобы только сохранить жизнь... Поэтому давайте и за ребенка не будем решать, жить ему или нет. Давайте дадим ему шанс.

А вообще, главный вопрос, который возникает при разговоре о биоэтике, - это вопрос о границах человеческой жизни. Так давайте его обсудим! А для этого необходим учебный курс, который смог бы стать площадкой для подобного обсуждения. Институт - это замечательное время, время студенчества, когда есть еще право на ошибку. Когда вы станете врачами, то такого права у вас уже не будет. А сейчас мы можем еще "щечнечиться".

Давайте ошибаться, давайте вместе думать, давайте выдвигать экстравагантные гипотезы! И пусть даже христианство будет для вас экстравагантной гипотезой. Давайте её обсудим хотя бы в таком качестве, а потом, может, окажется, что она не такая дикая, как казалась сначала.

Но в подобных обсуждениях всегда будут разногласия, причем и по основным принципам тоже. Возможно ли найти общий знаменатель?

Главный вопрос, который указывает на наибольшие разногласия между христианским и светским подходами, - это вопрос о том, что такое человек. Организм или нечто большее? Когда начинается существование человека? С минуты зачатия или с момента исхода из лона матери? Когда прекращается жизнь человека? С остановки функционирования мозга или же с того момента, когда надоело жить? Когда человек перестает быть человеком?

И здесь помните, пожалуйста, что как только вы пришли к пониманию того, что есть человек, вы подали заявку на создание концлагеря: потому что вы тем самым решили, что можете человекообразных существ разделить на два типа, и у вас для этого есть подходящий инструмент. Од-

ним вы разрешите считаться людьми, а другие с вашей точки зрения будут нелюдями; они окажутся вне этики, вне закона. Их тогда можно будет уничтожать... Я не понимаю, почему ребенок в состоянии от минуты родов плюс одна неделя - человек, а минус одна неделя - недочеловек. Может, вы мне объясните? Поэтому я и говорю, что такие предметы, как биоэтика, нужны - просто для того, чтобы мы научились думать, научились смотреть на человека не только через прицел микроскопа.

С точки зрения христианства, у человека кроме сердца, печени, селезенки и проч., есть еще и душа. А душа - это такой орган, который иногда болит, когда все остальное здорово. У этого органа бывают свои болячки, ему нужна своя гигиена, своя санитария и свое развитие... Вообще, человеку нужен повод к жизни, повод к росту. А размышления над нравственными проблемами и есть повод к тому, чтобы найти в себе ту самую душу и вывести её из полуатрофированного состояния.

Но почему врач должен думать о душе, когда это личное дело пациента? И вообще, душой занимаются "врачи в рясах", т.е. священники. Это их прямая обязанность, но не врачей. Врач лечит тело.

Мы уже потому должны думать о душе, что она - одно из условий исцеления тела. Через душу больного, душу врача можно влиять даже на физические процессы болезней и травм.

Давайте не будем забывать, что помимо школ западной новоевропейской медицины существуют и другие школы, скажем восточная, мода на которую в наши дни крайне велика. Последняя как раз исходит из того, что человек - это целостное существо, значит путь к его лечению лежит через душу.

Православие говорит ровно то же самое. Поэтому прежде, чем улетать на Дальний Восток в поисках лекарств и экзотических методик исцеления, давайте попробуем посмотреть, а что есть в нашей европейской христианской традиции...

Беседовал Павел СЕЛЕЗНЕВ



Фото: Николай Федоров



Священник Антоний Ильин:

“ПЛАСТИМОССОВЫЕ ЛАТЫ НЕ ЗАЩИТЯТ”

**от этических проблем,
которые ожидают будущего врача**

Священник Антоний Ильин, кандидат богословия, выпускник лечебного факультета Московской медицинской академии им. Сеченова (Первый мединститут) и Московской духовной академии. Участвовал в разработке “Основ социальной концепции Русской Православной Церкви”. В настоящее время является сотрудником секретариата Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества. Служит в храме Рождества Христова в Измайлово.



Фото: Николай Федоров



- Что такое биоэтика?

- В понятие "биоэтика" вкладывают разные значения. Начну с того, чем биоэтика не является. Во-первых, это не профессиональная корпоративная этика медработника (понятие значительно более узкое, чем биоэтика). Во-вторых, это не этика равенства всего живого, что часто ассоциируется, например, с Greenpeace. К сожалению, этические и экологические взгляды таких организаций, как Greenpeace, далеки от христианства и ближе скорее к язычеству. Хотя благоговение перед жизнью, перед даром жизни лежит в основе биоэтики.

В целом биоэтику можно определить как некое пространство диалога, где представители медицины, научного мира, религиозные и общественные деятели пытаются этически осмысливать прогресс медицины, что особенно актуально сейчас.

Суть биоэтики - защита ценностей личности в сфере применения достижений биологии и медицины. То есть защита свободы и достоинства человека, которые нередко попираются или могут быть попраны современными биотехнологиями.

- Поясните, пожалуйста, на примере.

- Например, уничтожение эмбрионов, связанное с репродуктивными технология-

ми. Церковь (да и не только Церковь) признает человека на любой стадии развития носителем человеческого достоинства и дара жизни. Этическая проблема связана с тем, что при гормональной стимуляции овуляции для искусственного оплодотворения получается большое количество яйцеклеток и так или иначе они все оплодотворяются. Будущей матери имплантируется сразу несколько оплодотворенных яйцеклеток, чтобы повысить вероятность беременности, но при многоплодии лишние эмбрионы удаляются - а это ведь убийство! Замороженные эмбрионы остаются до следующих попыток, но излишки их или уничтожаются, или используются для экспериментов.

Этично ли это? Достоевский говорил о слезинке одного ребенка, а тут слезинка не одного потенциального ребенка, а многих, уничтоженных ради прогресса медицины.

- Когда впервые появилось понятие "биоэтика"?

- Биоэтика обязана своим появлением Нюрнбергскому процессу и так называемому Нюрнбергскому кодексу, который родился как реакция на преступления нацистских врачей. Тогда была осознана недостаточность корпоративной медицинской этики, необходимость открытого диалога ученых и врачей по вопросам медицины, и, в частнос-



Клятва Гиппократа:

"Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей, и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство:

считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достоинствами и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора;

наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением,

воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости.

Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для исполнения подобного замысла; точно так же и не вручу никакой женщине абортинного пессария.

Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и искусство. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении - а также и без лечения - я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещитайной.

Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому."



ти, медицинских экспериментов. Тогда появилось одно из ключевых положений биоэтики: приоритет интересов личности перед интересами общества и науки. Была принята идея о необходимости свободного информированного согласия пациента на исследования и на врачебное вмешательство.

- Насколько клятва Гиппократа отражает биоэтические проблемы?

- Почти все этические проблемы, которыми занимается биоэтика, заложены в клятве Гиппократа. Беда в том, что клятва Гиппократа не является базовым документом для современных врачей. Поясню на нескольких примерах. Проблема эвтаназии - в клятве Гиппократа говорится: "Я не дам никому просимого смертельного средства и не покажу пути для исполнения подобного замысла". Проблема конфиденциальности - в клятве есть слова: "В какой бы я дом ни вошел, я сделаю это для пользы больного и все

вещи сохраню в тайне, даже не только те, которые относятся к болезни, но и к личной жизни больного".

Конечно, клятвы Гиппократа недостаточно, потому что она предписывает те отношения врача и пациента, ученого и испытуемого, которые получили название "медицинский патернализм". Условно говоря, это диктат врача: "Я направлю все свои действия на благо больного, избегая всякого вреда и несправедливости (знаменитое "не навреди") сообразно с моим разумением" - то есть мнение больного не учитывается. В этом недостаточность традиционной медицинской этики.

Сегодняшняя биоэтика основана на том, что должен быть диалог врача и больного, должно быть свободное, осознанное, основанное на объективной информации согласие больного на то, что с ним будут делать. Многие современные врачи с трудом прини-



Фото: Андрей Радкевич

мают это положение биоэтики, часто опасаясь, что если сказать о смертельном диагнозе, то больной выбросится из окна. Хоть это и считается "хрестоматийным случаем", я думаю, на самом деле таких случаев не так много. Конечно, сообщение диагноза не должно быть простым информированием, это должно быть соучастие в страданиях больного. Потому что сказать больному о диагнозе и не принять на себя тяжесть этого - тоже не этично. Сообщение диагноза - это большая ответственность.

- Но сочувствовать, сопереживать всегда - очень тяжело для любого человека, и для врача тоже... Так никаких душевных сил не останется...

- Да, проще скрыть информацию. Как бы мы ни прикрывались благом больного, на самом деле это просто проще. Именно поэтому этим путем идут. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), хотя принадлежал к традиционной медицинской школе, был противником сокрытия диагноза, потому что как верующий человек он считал, что это возможность покаяния для человека. Возможность переосмыслиения своей жизни перед лицом вечности. Естественно, в такой ситуации человек не должен быть в пустоте, он должен быть окружен заботливым и милосердным вниманием. Это лежит в основе хосписного движения, которое является христианской и вообще этичной альтернативой эвтаназии.

Когда человек говорит: "Убей меня", на самом деле он хочет сказать: "Будь рядом со мной, раздели мою боль". А это мы часто не готовы сделать. Но это отдельный разговор. Каждая проблема биоэтики заслуживает отдельного разговора.

- Проблема абортов особенно актуальна в наше время. И все же - почему Церковь считает аборт грехом, убийством?

- Отношение Церкви к аборту как к убийству основано на том, что Церковь признает эмбрион на любой стадии развития носителем человеческого достоинства и священного дара жизни.

Нам говорят, что нельзя признать эмбрион личностью, но мы и не настаиваем на том, что он личность, субъект права. Мы говорим, что эмбрион на самой ранней стадии развития - человеческое существо. Personalность, уникальность человека начинается не с момента рождения, появления способности чувствовать, или формирования нервной системы, но с самого момента зачатия. Потому что объединение генетической информации отца и матери и начало нового генома и является качественным моментом, запуском новой программы развития. Оплодотворенная клетка - зигота - отличается от яйцеклетки, это уже нечто уникальное.

- Но одно дело клетка, а другое - человек, личность...

- Мы не отрицаем принципа градуализма - человеческое существо в утробе матери приобретает личностность, personalность постепенно, так же как и человек обретает полноту своей personalности в течение жизни.

Мы не можем сказать, что ребенок является сформированной личностью. Потому что он еще не реализовал себя как личность, не раскрылся, но он является потенциальной личностью, так же как и эмбрион - "person to be".

Если мы признаем аборты, то мы должны признать и убийство детей, и возможность эвтаназии для психически больных людей, у которых тоже нет полноты personalности, но это было бы полным абсурдом.

- Создается впечатление, что биоэтика - наука о том, что такое хорошо и что такое плохо...

- Этическая напряженность, которую вы выражали словами "хорошо - плохо", здесь присутствует. Но нельзя давать готовые рецепты. Исходя из ценностей биоэтики, мы



мают это положение биоэтики, часто опасаясь, что если сказать о смертельном диагнозе, то больной выбросится из окна. Хоть это и считается "хрестоматийным случаем", я думаю, на самом деле таких случаев не так много. Конечно, сообщение диагноза не должно быть простым информированием, это должно быть соучастие в страданиях больного. Потому что сказать больному о диагнозе и не принять на себя тяжесть этого - тоже не этично. Сообщение диагноза - это большая ответственность.

- Но сочувствовать, сопереживать всегда - очень тяжело для любого человека, и для врача тоже... Так никаких душевных сил не останется...

- Да, проще скрыть информацию. Как бы мы ни прикрывались благом больного, на самом деле это просто проще. Именно поэтому этим путем идут. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), хотя принадлежал к традиционной медицинской школе, был противником сокрытия диагноза, потому что как верующий человек он считал, что это возможность покаяния для человека. Возможность переосмыслиения своей жизни перед лицом вечности. Естественно, в такой ситуации человек не должен быть в пустоте, он должен быть окружен заботливым и милосердным вниманием. Это лежит в основе хосписного движения, которое является христианской и вообще этичной альтернативой эвтаназии.

Когда человек говорит: "Убей меня", на самом деле он хочет сказать: "Будь рядом со мной, раздели мою боль". А это мы часто не готовы сделать. Но это отдельный разговор. Каждая проблема биоэтики заслуживает отдельного разговора.

- Проблема абортов особенно актуальна в наше время. И все же - почему Церковь считает аборт грехом, убийством?

- Отношение Церкви к аборту как к убийству основано на том, что Церковь признает эмбрион на любой стадии развития носителем человеческого достоинства и священного дара жизни.

Нам говорят, что нельзя признать эмбрион личностью, но мы и не настаиваем на том, что он личность, субъект права. Мы говорим, что эмбрион на самой ранней стадии развития - человеческое существо. Personalность, уникальность человека начинается не с момента рождения, появления способности чувствовать, или формирования нервной системы, но с самого момента зачатия. Потому что объединение генетической информации отца и матери и начало нового генома и является качественным моментом, запуском новой программы развития. Оплодотворенная клетка - зигота - отличается от яйцеклетки, это уже нечто уникальное.

- Но одно дело клетка, а другое - человек, личность...


- Мы не отрицаем принципа градуализма - человеческое существо в утробе матери приобретает личностность, personalность постепенно, так же как и человек обретает полноту своей personalности в течение жизни.

Мы не можем сказать, что ребенок является сформированной личностью. Потому что он еще не реализовал себя как личность, не раскрылся, но он является потенциальной личностью, так же как и эмбрион - "person to be".

Если мы признаем аборты, то мы должны признать и убийство детей, и возможность эвтаназии для психически больных людей, у которых тоже нет полноты personalности, но это было бы полным абсурдом.

- Создается впечатление, что биоэтика - наука о том, что такое хорошо и что такое плохо...

- Этическая напряженность, которую вы выражали словами "хорошо - плохо", здесь присутствует. Но нельзя давать готовые рецепты. Исходя из ценностей биоэтики, мы



порой выбираем не абсолютное благо, а наименьшее зло. Есть понятие "пропорционального риска", принцип "двойного эффекта", когда желается благо, но неизбежным результатом является зло: например, гибель плода при внemаточной беременности. Важно научить студентов мыслить, слушать и воспринимать другую точку зрения.

Поэтому биоэтика не должна превращаться в элемент церковной доктрины. Я боюсь, что негативная реакция студентов на преподавание биоэтики некоторыми православными преподавателями связана именно с этим. Надо дать студентам увидеть все многообразие различных подходов, существующих в биоэтике, и научиться самим мыслить, чувствовать и прислушиваться к голосу совести на основании полной и всесторонней информации о проблеме.

- Существует ли православная медицина или ее нужно создать?

- Я не сторонник создания православной медицины, это большая ошибка. Нет никакой отдельной православной медицины. Оптимальная ситуация - это когда профессиональный врач при этом является искренне верующим человеком. Такой врач будет осмысливать с христианской точки зрения все то, что ему встречается в клинической практике.

- Какой будет первая этическая проблема, с которой столкнутся выпускники медицинского института?

- Я не знаю, какой будет первая проблема. Это будет обуславливаться специальностью. Акушер-гинеколог столкнется с этическими проблемами репродуктивной сферы. Те, кто работает в реанимации и интенсивной терапии, неизбежно столкнутся с проблемой жизнеподдерживающего лечения, его эффективности и возможности его прекращения, с проблемой обезболивания.

Практически все так или иначе столкнутся с проблемой конфиденциальности, врачебной тайны.

Проблемы будут очень разными, и хотелось бы, чтобы молодые медики были к этому готовы.

Хотелось бы посоветовать молодым медикам не пытаться прикрыть свою боль, раны своей души маской напускного цинизма. Я прекрасно понимаю, что это не цинизм, а боязнь быть беззащитным. Но понимаете, это пластмассовые латы, которые на самом деле абсолютно не нужны. Не стоит бояться, потому что только будучи такими открытыми мы можем и расположить других людей к себе, и обрести помощь Божию, которая приходит только тогда, когда мы осознаем свою немощь и самонедостаточность.

- Может ли врач стать святым?

- Святые врачи составляют особый тип святости в Православной Церкви - бес无偿ренники и чудотворцы. Их много: Косьма и Дамиан, Кир и Анна, Самсон и Диамит, Фотий и Никита, Агапит Киево-Печерский. Недавно к сонму святых причислен святитель-хирург Лука (Войно-Ясенецкий). Много других. Думаю, что небезинтересно для будущих врачей ознакомиться с их житием, особенно тех, кто ближе к нам по времени.

Беседовала Светлана ГАДЖИНСКАЯ



СЛОВО В ЗАЩИТУ “ФАКУЛЬТЕТА НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ”

Письмо преподавателя биомедэтики своим студентам

В 70-е годы XX века студенческая молодежь зачитывалась романом “Факультет ненужных вещей” Юрия Домбровского. Вам желаю его прочитать. В романе речь шла об археологах как “бесполезных” для общества людях. И об археологии, как весьма сомнительной в практическом отношении науке (имеется ввиду отсутствие ее экономической и финансовой эффективности).

Именно сегодня, как никогда, критерий эффективности разделил людей на “полезных” и “бесполезных”, а профессии и науки на “нужные” и “ненужные”. На основании этого критерия, вслед за археологией, историей, филологией, к “факультету ненужных вещей” можно отнести также и этику, включая и этику медицинскую.

Правильно ли это? Правильно! Потому? Потому, что к “нужным вещам” относятся, прежде всего, знания, удовлетворяющие насущные потребности людей в пище, жилище, одежде, информации. А также знания, освобождающие от физической боли и технологии, помогающие удовлетворять растущие потребности. Кто же будет оспаривать нужность этих знаний?

Мы, по крайней мере, не будем. Этика вообще и биомедицинская этика в частности выше перечисленные потребности не обслуживает. Этика, как дисциплина, непосредственно относится именно к “факультету ненужных вещей”. Почему? Потому, что у нее другие задачи. Она призвана прежде всего формировать способности.

Речь идет прежде всего о способности человека к нравственному самосовершенствованию, включая совершенствование своего отношения к другому человеку. И не просто к человеку, приятному во всех отношениях, а к человеку, болезнь которого часто лишает его приятных качеств.

И это очень трудная работа. Подчас легче три дня и три ночи (у кого больше или меньше) просидеть за учебником “нужной” физики, сдать экзамен и благополучно об этом забыть. Знание или незнание физики не может изменить судьбы человека ни в этой жизни, ни в вечности. А незнание этики (или профессиональной медицинской этики для врача) может погубить человека, искалечить его судьбу. Постичь же “ненужную” метафизику человеческих отношений весьма трудно.



Не удастся и благополучно забыть этику после получения зачета. Она будет напоминать о себе каждой обидой, каждым неосторожным словом, каждой потерей, каждой слезой твоей или ближнего твоего. Кто-то из студентов справедливо сказал: “... В идеале врач должен быть сострадательным, но на практике это сложно...” Наша задача - помочь сделать этот идеал твоей “практической” способностью, и не только естественной, но и желанной.

Но мы никогда не сможем выполнить свою задачу без одного необходимого условия. Это условие - твое свободное и осознанное желание достижения этого идеала, это твое осмысленное и последовательное стремление к совершенствованию...

Религия, наша Православная Церковь, труд многих поколений врачей сохранили для тебя сокровища знания о том, как этого можно достичь. Но никто не сможет заставить тебя принять эти сокровища, если ты сам этого не захочешь... Выбор за тобой.

И последнее. О совести. Некоторые студенты полагают: “У нас есть совесть, зачем нам знания о совести (т.е. этика)?” Действительно, многие полагаются на совесть, как на единственный правильный внутренний регулятор поведения (к чему внешние знания?).

Кто спорит, совесть - это уникальная человеческая способность, которую можно развить, и тогда она действительно благодатный помощник в делах человеческих. Но совесть, как любую другую способность (например видеть, слышать), к сожалению, можно очень просто потерять. И достичь этого достаточно просто: надо всего-навсего лишить себя возможности совершенствовать нравственные чувства и получать этическое знание, припадая к подлинно неиссякаемому источнику - Святому Писанию и Преданию.

И в этом случае опять же выбор за тобой...

**Ирина СИЛУЯНОВА,
кандидат философских наук**

Читайте! Не пропустите!

В 1-м квартале 2001 г. издательством Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры выпущена в свет книга И. В. Силюяновой “Этика врачевания. Современная медицина и Православие”.



САНИТАР: “В больницу я пришел, потому что болела совесть”

+

В больницу я пришел работать, потому что болела совесть. О том, что некому помочь неподвижным больным людям, которых все бросили, я узнал из радиопередачи. И подумал: “Это мне и нужно”. Я приходил в воскресенье, переодеваясь, и вместе с еще одним человеком по имени Сергей мы решали - кому где убирать. Надраивая пол в коридорах и палатах (а в этом, поверь, мало приятного), мне приходилось смирять собственное “я”, что по непонятной причине приносило душевое облегчение.

Вместе с нами работали юные девочки-медсестры, студентки училища при больничном храме. И они иногда подзывали меня помочь перевернуть или покормить больного. Мне было удивительно видеть человека, который даже не мог поднять руку, чтобы съесть ложку жидкого супа. Я кормил его, как когда-то своего маленького сына, и думал о том, в чем он провинился, что стал никому не нужен, оказавшись в таком состоянии. О том, что у него есть родственники, я узнал из разговора медсестер.

Однажды мы вдвоем с Сергеем помогали сестричке поменять белье под стариком. Старик был

весь высохший и серый, как дерево, выброшенное на берег горной рекой, но почему-то оказался очень тяжелым. Я несколько раз спросил его, удобно ли ему лежать. Но он молчал, уставившись неподвижным взором в потолок. “Миленкий, он в коме”, - ответила сидящая рядом статуэтка в платочек. Это был ее муж.

Другой раз я убирал в палате, где было лишь два человека. Один из них лежал на кровати и прерывисто дышал, широко открыв рот. Я вышел, чтобы сменить воду в ведре, а когда вернулся - сестра уже закрыла его лицо белой простыней.

- Он умер, - просто сказала она на мой вопросительный взгляд.

- А как его имя?

- Анатолий.

Мы переложили Анатolia на каталку и отвезли в конец коридора, закрыв ширмой.

- Он крещеный? - спросил я Веру Алексеевну, старшую по этажу.

- Да, - ответила она. - Можешь за него записку подать. Мы их всех в наш поминальный список заносим.

И она показала листок бумаги на стене с именами.

Глядя на юных девочек-медсестер, я не мог взять в толк, почему они здесь работают. Зарплата смехотворная, работа - врагу не пожелаешь. Мне вспомнилась сцена, когда муж приехал навестить больную жену, оба были уже преклонного возраста. Она могла передвигаться только на специальной коляске, охватывавшей талию по кругу. Он не отступно был рядом.

Сколько “помоев” вылилось на голову несчастного! Говорила она громко, с воодушевлением, и, хотя в коридоре никого не было, я уверен - слышали ее многие.



А он молчал, понурившись. Потому что любил ее и понимал, каково ей сейчас. Случайно наши взгляды встретились. Сколько страдания, скорби и стыда было в его глазах. А она все говорила, не обращая на меня никакого внимания. Очевидно, что и медсестры порой становились объектом раздражения престарелых больных женщин.

Как-то я спросил одну из них, Татьяну, что помогает ей терпеть всю эту мерзость от совершенно посторонних людей, которые должны быть счастливы, что хоть кто-то выносит за ними судно. "Молитва и сознание собственного несовершенства", - ответила она. И добавила смущенно: "Я не представляю, как можно жить по-другому и заниматься чем-то еще".

Однажды я застал Татьяну в палате, где можно было задохнуться от запаха крови, смешанного с запахом человеческих испражнений. "Наверное, так пахнет в аду", - мелькнула у меня мысль.

На кровати лежал раздетый донага мужчина, а Татьяна обмывала его и меняла белье. Делаала она это так виртуозно, быстро и легко, словно мыла окно. Как у нее хватило на это душевных сил, не знаю. Позже я увидел ее, стоящую в храме на молебне.

После работы все, кто помогал, приходили в комнату для санитарок и обедали. Еда была не вкусная, но сытная. Мы говорили о разных вещах, окно было распахнуто в парк, и сквозь листву деревьев доносились музыка и голоса людей.

"Как все это странно, - думал я, слушая разговор медсестер. - Вот здесь, в больнице, каждый день кто-то умирает, а совсем рядом, за ее стенами, люди едят, пьют, радуются жизни и им невдомек о трагедии, которая совершается здесь. Пройдет время, и, может быть, кто-то из них окажется в этих больничных палатах, а другие, новые, будут также радоваться жизни вместо них. И от этого ощущения простоты и естественности жизни душа моя почему-то немела".

Я не помню уже, по какому поводу Вера Алексеевна заговорила на эту тему. "Я не хотела делать аборт, - сказала она. - И если бы хоть один человек, муж или его родители, поддержали меня, я не убила бы свое дитя. Не надо было никого слушать".

Я молча смотрел на нее и не знал, что сказать. Она назвала причину, из-за которой я пришел работать сюда.

Я вспомнил, как в день, когда моя будущая жена легла под нож, я пришел в храм к иконе



"Всех скорбящих Радость" и, купив большую свечку, поставил на подсвечник, помолившись о ее здоровье. И как перекривило и согнуло мою свечу. Тогда я расправил ее, но она скривилась вновь. А я-то считал себя православным. Ездил по монастырям, писал гневные статьи в православной прессе, исповедовался, причащался, молился... А потом сказал своей любимой: "Делай аборт!"

Ночью мне приснился наш нерожденный ребенок и спросил: "Папочка, мамочка, зачем вы меня убили?" Я проснулся, а в ушах все звучал этот тонкий детский голосок.

Прошло уже несколько лет и боль моя утихла, притупилась. А горечь от совершенного все еще жива.

Мой сын от первого брака вырос, но обстоятельства сложились так, что он разорвал со мной все отношения. И это меня мучает. Близких, дорогих тебе людей никогда не бывает много. И понастоящему любишь лишь тех, в кого вложил свою душу.

Вот, наверное, и все.

А.Н.



Митрополит Сурожский Антоний: ВРАЧ И ПАЦИЕНТ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В МЕДИЦИНЕ*



Фото: Андрей Радкевич

Возможно, у меня недостаточно прав и оснований выступать здесь с такой темой, но Достоевский в одном из своих сочинений говорит, что если вас действительно занимает какой-то вопрос, если вы подлинно заинтересованы и убеждены в чем-то, вы и вправе, и обязаны говорить об этом. И я хотел бы поговорить о некоторых основоположных, непреложных человеческих ценностях в их связи с медициной и затронуть вопрос страдания вообще и вопрос смерти, ее места по отноше-

нию к нам, медикам, христианам, священникам, потому что я - так уж случилось - одновременно священник и бывший медик.

Сразу после войны, в связи с Нюрнбергским процессом и расследованиями относительно концентрационных лагерей, появились документы об использовании пленных в качестве подопытного материала для медицинских исследований. Не вдаваясь в обсуждение или описание фактов, я хотел бы подчеркнуть, что изначально с точки зрения медицинской традиции пациент никогда не может рассматриваться как предмет объективного исследования, с ним нельзя обходиться как с подопытным животным.

Я думаю, медицина как отрасль человеческой деятельности занимает совершенно особое место именно потому, что наука в ней сочетается с цен-

*Опубликована на сайте электронной библиотеки "Митрополит Сурожский Антоний" (<http://www.metropolit-anthony.org.ru/index.htm>).

Печатается в "Фоме" с любезного согласия редактора сайта Елены Майданович.

Первые публикации: *Human values in Medicine. Delivered to the Bristol Medico-Chirurgical Society on 8th May 1974// Bristol Medico-Chirurgical Journal*, 1974. Vol. 91 (I/II). P. 3-7. В пер. с англ. публиковалось также с немальшими редакционными сокращениями в журнале "Врач". 1995. № 6 (июнь). С. 37-39.



ностями, подходом, не имеющими ничего общего с наукой. В основе врачебного подхода сострадание, а сострадание по самой своей природе ненаучно. Это человеческий подход, который может быть привнесен в любую отрасль человеческой деятельности; но медицины вовсе не существует вне сострадания, без сострадания.

Медик, если он только человек науки, способный холодно, хладнокровно, бесстрастно делать то, что требуется, без всякого отношения к пациенту, медик, для кого главное - не пациент, а действие врачевания, будь то лекарственное лечение, хирургическое вмешательство или иные методы - не медик в том смысле, в котором, я надеюсь, я хотел бы, чтобы мы все думали о медицине.

Я помню молодого врача (сейчас он занимает кафедру хирургии во Франции), с которым мы обсуждали перед войной аргументы за и против анестезии при той или иной операции, и он прямо заявил, что единственная цель анестезии - облегчить работу хирурга. Страдает ли пациент или нет - совершенно неважно. Я не преувеличиваю, он именно это говорил и имел в виду; он бы разделял пациента живьем, если бы это можно было сделать без помех, без того, чтобы операция не стала труднее и менее приятна - для него, врача.

Я также встретил во время войны молодого военнопленного хирурга. Он имел доступ к пленным солдатам и офицерам своей страны. Я предложил ему свои услуги в качестве анестезиолога. Он пожал плечами и сказал: "Мы имеем дело с солдатами, они должны быть готовы к страданию". И он оперировал без анестезии всякий раз, когда это не создавало проблем ему. Я помню одну из его операций. У солдата был огромный нарыв на ноге, при вскрытии которого врач отказался применить анестезию. Он оперировал без наркоза; солдат выл и ругался. Когда операция кончилась, к пациенту вернулось самообладание, и, будучи дисциплинированным и хорошо вымуштрованным солдатом, он извинился перед лейтенантом за свои выражения. И я помню, тот ответил: "Ничего, ваши выражения были соразмерны вашей боли, я вас извиняю". Но ему и в голову не пришло, что боль была соразмерна его бесчеловечности и полному отсутствию чувства солидарности.

Я даю вам эти примеры, потому что, хотя такие ситуации встречаются не каждый день, люди теряют восприимчивость и порой в самой обычной ситуации могут быть столь холодны, до такой степени лишены человеческого сострадания, чуткости, что теряют право считаться медиками. Они мясники, техники, но не медики. Французский

писатель Ларошфуко говорит: "Человеку всегда достаёт мужества нести страдания других людей". Именно этого медик не вправе делать, таким он не может быть.

В основе отношения врача к пациенту, к проблеме болезни, ко всей этике и философии медицины лежит сострадание, чувство солидарности, уважение и благоговение перед человеческой жизнью, отдача тому единственному человеку, который сейчас перед ним. Без этого медицинская деятельность может быть чрезвычайно научной, но потеряет самую свою суть.

Однако сострадание не означает сентиментальность. Те из вас, из нас, у кого есть опыт трагических ситуаций, в хирургии или при срочной медицинской помощи, особенно в напряженных обстоятельствах и ситуациях, прекрасно знают, что следует оставаться без эмоций, по крайней мере, пока мы заняты пациентом. Невозможно оперировать под обстрелом в состоянии волнения; стреляют по вам или нет, все ваше внимание должно быть сосредоточено на пациенте, потому что он важнее вас, вы существуете ради него, единственный смысл вашего бытия - он, его нужды.

Сострадание - не сочувствие того рода, какое мы временами испытываем, которое порой ощущать легко, а порой вызывается ценой больших усилий воображения. Это не попытка испытать то, что чувствует другой; ведь это просто невозможно, никто не может пережить зубную боль своего близкого, уж не говоря о более сложных эмоциях, в тот момент, когда человек узнает, что у него рак или лейкемия, что его подстерегает смерть, что ему предстоит умереть.

Я помню одну из моих прихожанок, которая потеряла ребенка. Молодой священник подошел к ней после службы выразить сочувствие и безрассудно добавил: "Я так хорошо вас понимаю". Она, человек прямой, повернулась к нему и резко сказала: "Глупец, вы ничего не понимаете! Во-первых, вы не мать, во-вторых, вы никогда не теряли ребенка; вы не можете понять, что я чувствую".

Это очень важное различие; надо пройти воспитание, надо решиться



воспитывать в себе способность отзываться всем умом, всем сердцем, всем воображением на то, что случается с другими, но не стараться ощутить почти нутром, почти физически страдание, которое не наше, эмоцию, которая не принадлежит нам. Пациент не нуждается в том, чтобы мы ощущали его боль или его страдание, он нуждается в нашей творческой отзывчивости на его страдание и его положение, нуждается в отклике достаточно творческом, чтобы он подвигнул нас к действию, которое в первую очередь коренится в уважении, в благоговении по отношению к этому человеку.

Не к анонимному пациенту, не к седьмой койке тринадцатой палаты, но к человеку, у которого есть имя, возраст, черты лица, у которого есть муж или жена, или возлюбленный, или ребенок. К кому-то, кто должен стать для нас до предела конкретным и чья жизнь, следовательно, значительна не только потому, что таково наше отношение к жизни вообще, не потому, что нас научили, что наша цель - оберегать жизнь, продлевать ее как можно дольше и т.д., но потому, что этот определенный человек, нравится он мне или нет, значителен.

Но для кого? На этот вопрос мы можем ответить по-разному, согласно нашей вере или ее отсутствию. Если мы христиане, если мы вообще верим в Бога, если мы верим, что никто не приходит в этот мир иначе как призванный быть, желанный, возлюбленный Богом любви, тогда этот человек значителен по крайней мере для Бога. Но боюсь, это мы забываем очень легко - нет человека, который не был бы значителен хоть для кого-то. Это особенно касается злодеев, военных преступников, людей, которых мы обвиняем в бесчеловечности. Кто бы он ни был, у него есть мать, жена, брат, сестра и т.д. Возможно, самые близкие люди, действительно любящие того, кого - как представляется нам - следует не любить, а только осудить, знают лишь одну сторону его личности.

Вполне возможно, что та сторона, которую знают они, столь же реальна, как та, которую знаем мы, но неизвестна им.

Я сейчас читаю "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына. В одной из глав он подчеркивает тот факт, что человек, мужчина или женщина, совершенно по-разному предстает различным сталкивающимся с ним людям; и он цитирует разговор, который был ему передан. Один из самых жестоких следователей был женат, и однажды его жена, которая знала его под совершенно иным углом, сказала подруге: "Мой муж такой хороший следователь. Он рассказывал мне, что был заклю-

ченный, который неделями отказывался признаться в своих преступлениях, пока его не отпустили к моему мужу, и после ночи беседы муж вынудил у него полное признание". Эта женщина понятия не имела о том, каким образом это признание было получено. Она не знала мужа с этой точки зрения. Разумеется, это крайний пример; но никто из нас не знает других со всех сторон.

Мы очень мало знаем себя, мы и не подозреваем, каким человеком мы способны стать при неожиданных обстоятельствах, не под давлением, а просто потому что мы внезапно растворяемся в анонимности. Столько случается с людьми во время войны, столь многое люди совершают из-за своей безликости: у человека нет имени, он просто один из множества солдат. Я настаиваю на этом, потому, что очень легко в некоторых ситуациях сказать, что жизнь данного человека не имеет значения, в то время как жизнь другого важна. Оставляя в стороне ту абсолютную ценность, которую Бог придает каждому из нас, несомненно, что если мы спросим самих себя или Писание, какова ценность каждого из нас в глазах Бога христиан, мы можем ответить: вся жизнь, вся смерть Христовы...

Но кроме того, как я уже сказал, никто, ни один человек в мире не одинок. Всегда есть кто-то, для кого он значителен, и наше отношение как медиков должно быть - благоговение к жизни, не просто в общих словах, но в конкретном призвании: он значителен, она значительна; как бы это мне ни было непостижимо, есть кто-то, для кого его смерть, ее страдание - острые боль и подлинная трагедия.

В отношениях между медиком и пациентом есть и другая сторона, которая также связана с чувством сострадания, человеческой солидарностью, с благоговением к его личному, единственному, неповторимому существованию. Это - то, как пациент отдает себя в руки врача и вверяет себя врачу. Тут есть элемент, который представляется мне очень важным.



Врач - это мужчина или женщина, у кого есть сознание значимости и, я бы сказал, священности человеческого тела. Пока мы здоровы, мы думаем о себе как о существах духовных. Конечно, у нас есть тело, которое позволяет нам передвигаться из одного места в другое, действовать, наслаждаться жизнью; мы обладаем пятью чувствами, у нас есть сознание, чувствительность - и все это мы рассматриваем в терминах нашего духовного бытия.

Мы принимаем свое тело как нечто само собой разумеющееся, в каком-то смысле мы им пользуемся, как только можем, но никогда не думаем о нем (или очень редко) как о партнере, равноправном с душой. И однако, когда это тело слабеет, когда болезнь, боль поражает наше тело, тогда мы внезапно обнаруживаем, что мое тело - это я сам. Я - не мое смятленное сознание, не мои чувства в тревоге, я - то тело, которому теперь грозит гибель, которое полно боли. Болезнь эта - не обязательно рак, мы можем лезть на стену и от зубной боли.

Я однажды попробовал вести себя аскетически или героически: у меня разболелся зуб, и я решил, что буду просто терпеть: разве я не чисто

духовное существо? Мой чистый дух терпел боль в течение дня всё с большим трудом, затем настала ночь, и я не мог спать. Как ни странно, мой возвышенный дух не спал из-за моего жалкого тела. И около двух часов ночи я порылся в ящике с домашними инструментами и вырвал свой зуб клещами, которые обычно служили для вытаскивания гвоздей.

В тот момент я осознал, что странным образом мое тело и мое "я" можно было отождествить, они необычайно близки одно другому. Разве тот, кто болен - каждый из нас, все мы - не обнаруживает, какое большое значение имеет наше тело? Что - если это тело разрушается, что - если оно становится неприятной, отвратительной, разлагающейся массой плоти и костей? Подумайте о прока-

зе, подумайте о многих других заболеваниях, которые могут превратить наше тело в нечто отталкивающее, отвратительное. А затем подумайте о том, как вы приводите себя, вернее, как ваш величавый, прекрасный дух приводит это тело к врачу и говорит: вот я, беспомощный, без надежды, в страхе. Я болен, я не знаю, что мне делать, но ты - можешь спасти меня. Помоги, будь внимателен к этому телу, отнесись к нему с благоговением, отнесись к этому телу заботливо!.. И как мы благодарны, когда врач, к которому мы пришли, относится к телу с благоговением, целомудренно.

Как мы бываем благодарны, когда обнаруживаем, что врач, которому мы доверили свое тело, понимает, что такое человеческое тело: что это не просто материальная оболочка для нашего взвышенного духа!

Все это лежит в основе чисто человеческого отношения врача. Но существует множество проблем, прямо связанных с медицинской этикой.

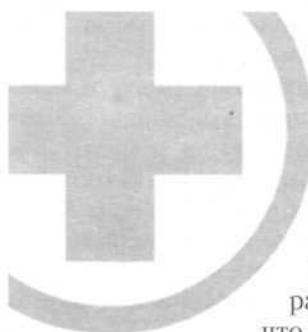
Я хотел бы остановиться на двух вопросах. Один из элементов клятвы Гиппократа или старой врачебной клятвы гласит, что врач будет сохранять жизнь и облегчать страдания больного.

Практически вплоть до последней войны не было проблем относительно пределов деятельности врача. Лишь после войны ситуация вышла из-под контроля в том смысле, что сейчас мы располагаем лекарствами и овладели хирургическими и иными приемами, позволяющими унимать страдание до ранее недоступных пределов, успокаивать душевные муки и боль и продлевать жизнь. Так вот: до какого предела мы вправе идти в этом направлении? Позволительно ли и возможно ли двигаться в этом направлении до бесконечности или же есть критерии, которые позволят нам (или заставят нас) войти в сотрудничество со страданием и смертью?

Я поясню это слово "сотрудничество" одним примером.

Некоторые из вас, возможно, читали книгу Акселя Мунте, очень популярную в тридцатые годы, ("Книга о Сан-Микеле"). Я читал ее давно и не могу вспомнить в деталях то, что хочу изложить вам, но суть вот в чем. Когда автор был молодым студентом-медиком в парижском госпитале Отель-Дье (где я начинал свое медицинское образование), сначала у него было впечатление, что вся медицина - борьба между врачом и его врагом





- смертью. Смерть надо было победить, смерть надо было ненавидеть, смерть нельзя было принять, ей надо было противостоять любыми средствами. А затем, наблюдая за врачами и особенно, возможно, за сестрами, он обнаружил в том, что касается пациента, гораздо более тонкое взаимоотношение между врачом и смертью.

Есть период, когда можно бороться за жизнь, надежда велика, медицинские средства обнадеживают в большей или меньшей степени, и действительно, надежда порой оправдывается. Но в иных случаях, с другими пациентами, несмотря на все, что предпринято, жизнь не может сопротивляться натиску распада, болезни, будь то инфекция, рак или туберкулез, или старость. И он с изумлением, а затем и с возрастающим интересом, с чувством, которое все углублялось в нем, заметил, что между врачом и смертью устанавливается новое взаимоотношение, и что приходит момент, когда врач будто оборачивается к смерти и говорит: "Мое время прошло, настало твое время; давай сотрудничать; вступи, будь добра..."

Я думаю, это отношение к смерти очень важно, оно просто соответствует реальности жизни. Верующие мы или неверующие, мы все стоим перед тем фактом, что придет момент, когда борьба, сражение за то, чтобы человек не умер, превратит его тело и ум и сердце в поле битвы; оно будет раздираемо, попираемо. Борьба будет идти не за этого конкретного человека, борьба будет анонимна. Это будет анонимная битва против смерти, безотносительно того, что сам человек претерпевает в процессе этой борьбы за его жизнь.

Опыт показал мне (и я должен с грустью сказать, что мой опыт умирающих велик - в семье и вокруг, в годы войны, в годы обучения и работы в госпиталях, а также и за двадцать пять лет моего священства), что два рода людей спокойно встречают смерть. Они сравнительно редки. Это истинно верующие и искренние неверующие. Не могут смотреть в лицо смерти полуверки или те, кто верит на четвертушку, люди незрелые, люди, которые не верят в жизнь, в вечность, в Бога, но в то же время не уверены, что умирание означает полное уничтожение.

Если бы можно было думать о смерти в терминах полного уничтожения, не-бытия, проблемы в каком-то смысле не было. Но беда в том, за-

труднение в том (вы ведь знаете, насколько процессы в нашем сознании бывают лишены логики), что многие люди думают: да, но как ужасно будет обнаружить, что меня больше нет... Вы смеётесь, но спросите себя, насколько вы бываете логичны в других областях и насколько вы уверены, что сами, думая о смерти - не чьей-то, а своей собственной - не чувствуете, что будет ужасно впасть в небытие и увидеть: я - пустота, от меня ничего не осталось...

Разумеется, с точки зрения логики это абсурд, но очень многое в нашей жизни абсурдно. Люди неверующие, по-настоящему уверенные в полном своем уничтожении, могут умирать, - я это видел; а также люди, которые встречаются со смертью в момент, в ситуации, которая придает смысл их смерти. Я вам дам пример. Мотивы его я похвалить не могу, но он хорошо иллюстрирует именно это отношение.

Во время боев в 1940 году я был на фронте, принимал раненых, и мне сказали, что в углу нашей палатки двое умирающих немцев. Поскольку я говорю по-немецки, меня попросили сказать им несколько слов, чтобы им было не так одиноко умирать. Они были до того изрешечены пулями, что это не поддается описанию. Я обратился к одному из них и, просто чтобы что-то сказать, спросил: "Очень страдаешь?" Он на меня посмотрел угасающим взором и ответил: "Я не чувствую страдания, - мы же вас бьем!.."

Я не хочу сказать, что причина, по которой он забыл о собственных страданиях, хороша сама по себе, но так же сказали бы мученики, так же сказала бы мать, если бы речь шла о жизни ее ребенка.

Мы можем смотреть в лицо смерти, если что-то придает ей смысл, если наша вера позволяет нам рассматривать смерть как один из этапов жизни; иначе мы на это неспособны. Роль врача, дилемма для врача вот где. В реальной ситуации мы не спрашиваем, точнее, вы не спрашиваете пациента, что он думает о жизни и смерти. Вы заставляете его жить, вернее, не жить, а существовать, претерпевать жизнь. Вы продлеваете его жизнь, заставляете его пережить себя и претерпевать всю тяжесть и боль, и тоску этого выживания дольше, чем он бы хотел; и в этом этическая проблема для профессиональных медиков.

Но как возможно разрешить эту проблему? Не иначе, как учитывая человеческие ценности и немедицинские факторы, потому что если у нас нет определенного отношения к жизни и ее ценностям, к смерти и ее месту и значению, нам не остается иного выбора, кроме как заставлять людей жить,

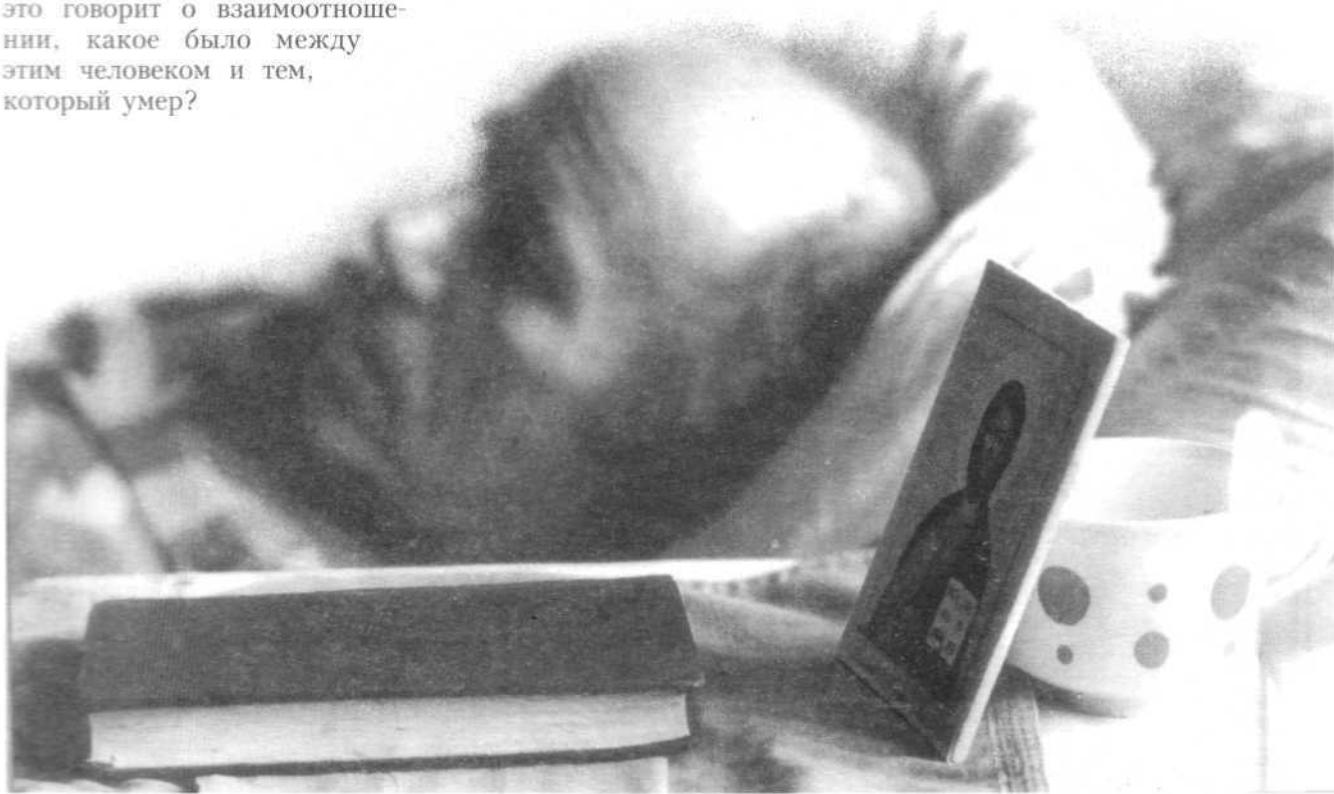
пока они не смогут наконец со вздохом облегчения вырваться из наших рук и войти в покой. Но это проблема, с которой должны считаться профессиональные медики, она должна быть предметом размышления студента-медика. Да, жизнь - высшая ценность, но является ли жизнью простое ее дление? Да, для христианина смерть - последний враг, которого надо победить, но является ли победой над смертью просто искусственное поддержание жизни в ком-то, в ком ее не осталось?

Является ли искусственное продление жизни частью нашей человеческой борьбы за победу жизни над смертью? Я не решу эту проблему за вас, я ставлю ее вам; у самого меня есть по этому поводу собственное мнение.

Надо принимать в учет и страдание. Нам теперь известны средства облегчать физические страдания и душевные переживания и тоску. Оправдано ли употребление этих средств? Вы, вероятно, сразу пожмете плечами и скажете: конечно, разве не в этом наша цель, разве не этого каждый, кто страдает, ожидает от нас?.. Возможно и так, но в какой момент мы должны вмешаться и до какой степени? Это, опять-таки, вопрос человеческих ценностей. Какова нравственная ценность личности, которая перед лицом тяжелой утраты предпочитает погрузиться в бесчувственность, предпочитает избежать боли и страдания и ужаса утраты? Что это говорит о взаимоотношении, какое было между этим человеком и тем, который умер?

Такая позиция определяется отношением к жизни, отношением к смерти и отношением к себе, определяется страхом, определяется она очень многим; но достойна ли она человека, можно ли ее оправдать? Хотел ли бы любой из нас, чтобы его жена (мать, дочь) отказалась принять горечь утраты его и сказала: "Я хочу забыться, я хочу чувствовать, будто он не умер, или будто это не имеет значения"? Что это говорит о человеческих взаимоотношениях, о которых мы твердим до бесконечности, до тошноты? Где моя любовь, если я скажу: "Теперь, когда любимый умер, любимая умерла - лучше забыть об этом, лучше стать бесчувственным, потому что это меня расстраивает..."? И еще: какова человеческая ценность того, кто настолько боится страдания, что от страха страдания никогда не посмотрит в лицо никакому физическому испытанию?

Я был воспитан, возможно, странным образом, но благодарен этому. Что касается смерти, я помню две фразы моего отца. Когда я был очень молод, мы говорили о смерти, и, не объясняя мне, что это такое, потому что этого надо дознаться самостоятельно, отец сказал мне: "Научись в течение всей жизни так ждать свою смерть, как юноша ждет свою невесту". И в другой случае, при





моем возвращении из летнего лагеря, он меня встретил и сказал: "Я беспокоился о тебе". Я легкомысленно ответил: "Ты что, боялся, что я сломаю себе шею?" Отец, который меня любил сильно, но трезво, сказал: "Нет, это было бы неважно. Я боялся, не потерял ли ты свою цельность". И он прибавил: "Помни: жив ты или мертв - не имеет значения, даже для тебя. Важно - ради чего ты живешь и ради чего ты готов умереть".

Это относится к смерти, это относится и к страданию. Что я готов вынести? Чему меня научит врач в отношении моего страдания? Проще всего щедро снабжать пациентов успокоительными средствами, аспирином, фенобарбитоном и прочим, чтобы никто из них не страдал. Но какова цена этому? Во-первых, только в противостоянии наш характер крепчает, растет мужество, способность бороться и отстаивать наши ценности. Разве следует подрывать это, поощрять трусость, позволять людям жить в страхе и из-за страха уходить от вызова, который бросают нам жизнь, смерть, страдание?

С другой стороны - и это, думаю, вполне очевидно - если начать облегчать боль, вы сначала способны выдерживать какую-то ее степень, а затем меньше, еще меньше; и когда вы уверены, что в любой момент можете быть избавлены от боли, вступает новое страдание: боязнь боли. Есть люди, которые принимают аспирин, чтобы не заболели зубы.

Ну, можно сказать: какое нам, врачам, дело? Пациент приходит, и мое дело - отозваться на его потребность... Нет, наше дело - не просто отзоваться на его потребность, так же как дело священника - не просто отзываться на нужду. Мы не лавка, не ресторан, мы не цирк, наше дело - не просто раздавать то, что нам приказано раздавать.

В современном обществе, где у людей - по крайней мере, теоретически - возросло чувство общности, взаимной ответственности, солидарности

(я не говорю о высших качествах любви, потому что она далеко выше нашего обычного уровня), мы обязаны ставить своего ближнего - и, разумеется, самих себя в первую очередь - перед требованием быть человеком. А быть человеком - великое дело, это подразумевает дерзание, бесстрашие, творческий подход, и все это не выше человеческих возможностей, только мы сами недостаточно используем свои возможности.



Я думаю о Солженицыне, который сейчас в центре общего внимания. Несколько лет тому назад он был задержан КГБ и имел одну из тех милых бесед, какие можно иметь с политическим сыском. Ему было сказано замолкнуть, больше не писать, не говорить, стать, как все, - и он отказался. Тогда ему сказали: "Вы уже были в тюрьме, в лагере, разве вы не понимаете, что мы можем с вами сделать?" И он ответил: "Да, вы уже сделали с мной все, что могли, и не сломили меня, и я вас больше не боюсь". Мы восхищаемся им, но можем ли мы подражать ему, если не готовы противостоять трудностям? Не воображаете ли вы, что пробыть несколько лет в тюрьме и концлагере - своего рода харизма, которая дает человеку бесконечную выносливость, героическое мужество? Нет, в тюрьму попадаешь, в лагерь отправляешься с тем количеством мужества, какое у тебя есть.

Разумеется (это другая сторона вопроса), если мы позволяем себе жить по самой низшей отметке, если удовлетворяемся тем, что пресмыкаемся, вместо того, чтобы жить, если наша жизнь - трясины, когда она могла бы быть ключом, тогда, конечно, мы ничего не можем требовать от себя.

Я хотел бы дать вам пример и не богословский, и не медицинский. Во время одной из бомбардировок Парижа я был в увольнении и оказался на четвертом этаже дома с матерью и бабушкой. Мы никогда не спускались в убежище, потому что нам казалось, что лучше уж взлететь на воздух, чем быть погребенными под землей. Мы посидели, затем моя мать сделала очень заманчивое предложение: пойти на кухню, развести огонь из кучки усердно нами собранных щепок, согреть воды и назвать это чаем - это все что у нас было. Она пошла на кухню, раздался взрыв, затем ее крик, и я подумал, что маму ранило. Она никогда не боялась обстрела, она и до революции вела очень мужественную жизнь. Я бросился на кухню и нашел мать на четвереньках на кухонном столе. Она указывала в угол и говорила: "Там... там..." - а там была мышь.

Интересно, осознавали ли вы когда-нибудь, как трудно посмотреть на мышь? Она слишком мала, она далеко внизу. Посмотреть можно на что-то большое, что является вызовом для нас, но если смотреть на мышь, нет ни мыши, ни человека.

Это приложимо к страданию, это приложимо к нашему отношению к смерти. Я верю и хотел бы, чтобы и вы верили, что в ответственном обществе, которое хочет построить град человеческий, достойный Человека (и для тех из нас, кто верующий - град человеческий, который мог бы вырасти в град Божий), роль медика - как и свя-



ищеника, как и каждого члена общества, но в своем роде - не уклониться от вызова, какой ставит нам жизнь, не быть тем, кто делает людей мягкими, трусливыми, беспомощными.

Это профессия, у которой есть видение жизни, потому что у нас есть видение смерти и их противостояния, потому что у нас есть видение того, что такое человек, и благодаря этому видению мы не смеем позволить себе или кому бы то ни было быть ниже человеческого роста.



ДУША НАСЕЛЕНИЯ



Всегда с чем-нибудь просыпаешься. На сей раз, ранним январским утром, в поезде Москва - Новгород, я проснулся с обрывком старой затерянной фразы: "на душу населения приходится..." Чего именно и сколько "приходится" - вспомнить не удалось; облачко сна рассеивалось слишком быстро. Но других тем не было. Умывшись, я стоял у окна, глядя на спящие в рассветных сумерках заснеженные поселки, пустынные, с редкими огоньками в домах, деревни, на это ровное, бескрайнее, едва заселенное пространство, среди болотистых лесов и скованных льдами рек... От нечего делать, я пытался себе представить: где тут она, как она выглядит, да и есть ли она на самом деле, эта пресловутая "душа населения"? Должна быть.

Посмотрим.

Великий Новгород встретил сырою зимой, но без слякоти: вялый, оглохший с похмелья от новогодних празднеств. Молчаливые мужики-рыбаки с сундуками и в валенках, в очереди на пригородный автобус... 2 января, вторник, 2001 год.

Я еду в глубинку. Приходилось бывать в Ярославской, Смоленской, Калужской... Теперь вот в Новгородскую, в деревню Погост-Сабле, вместе с отцом Василием, возвращающимся сюда из Москвы. "Пазик" попался ничего себе, бодрый. И теплый. Скоро выбрались за город, миновали северную окраину и покатались по пустынной дороге в деревенскую глушь.

- Сколько сестер-то?.. - отец Василий посчитал с минуту. - Да человек десять будет постоянных. Ну и помогают некоторые, время от времени.

- А где сестры живут?

- Кто где живет. Местные у себя по домам, остальные... сейчас вот в дом нас пустили добрые люди, питерцы, они тут летом живут, а на зиму



нам разрешили пока. Сейчас сторожку ремонтируем у церкви, потом в нее переберемся. Вообще-то дом есть, каменный, двухэтажный (настоятельский) при втором храме в соседней деревне, но зимой там жить невозможно - не протапливается. Мы пытались как-то, спали в шапках, в пальто, - смеется батюшка, - не выдержали! Там надо бы еще один котел для отопления или что-то другое ставить, но на это огромные деньги нужны.

Остановка "Воронино". Приехали. Выходим и сразу пересекаем шоссе, и углубляемся по тропке в лесистую местность, над которой парит чуть левее голубой куполок церкви Успения Пресвятой Богородицы. По скользким деревянным мосткам переходим замершую речку. Река Луга, она одна тут. Идем вдоль зарослей ивняка, говорим о волках, которые порвали уже двух собак, и, по словам батюшки, ночью на этой тропке можно за-просто наткнуться на бегающие парами огоньки. Следов здесь всяких и впрямь хватает, но я не охотник. Вот и деревня показалась на берегу, она самая и есть - Погост-Сабле. Еще один мостик впереди. Перед мостиком отец Василий показывает на полуразвалившийся большой двухэтажный дом, и видно, хороши были когда-то, другого такого не встретишь здесь:

- Три года пустовал. Просили его под воскресную школу. Не дали. Так и сгнил.

- Почему не дали?

- Не знаю, не говорят. Не дали и все, без объяснений.

Перейдя на жилой берег, встретили матушку Елену, пошли вместе в дом.

Дом, где временно разместилась, так сказать, штаб-квартира Общины, - такой, как и все. Но стоит по-особому, выдвигаясь из общей линии. Когда-то жил в нем церковный староста и велел поставить дом так, чтобы из окон всегда был виден храм. У калитки дома зеленый заиндевевший "Москвичонок". В крохотной кухоньке сестра Галина и сестра Наталья готовят общую еду и - отдельно, в большущей кастрюле - кашу. Дом состоит из множества тесных комнаток и закутков; другая половина его - это хлев с коровой, курами и туалетом, и все, как принято в здешних местах - под одной крышей...

Итак, деревня Погост-Сабле, Новгородская область, Община - несколько женщин, включая матушку (жену священника), и самого священника. Никакой базы, лишних денег и средств, все свое. Так ради чего Община? С чего они начали?

Спросите у батюшки, отца Василия, он скажет: "С каши".

- Поначалу, когда только приехали, мы думали о воскресной школе, о занятиях, о воспитании. И вот, решили для начала собрать, угостить детей, чем Бог послал. Собрали, усадили. Дети съели. Положили еще. Еще съели. И еще... И тут мы поняли: да они же голодают! Подкормить бы (уже не накормить даже), чтобы хоть выжили!

Так начались эти поездки на батюшкном "Москвичонке" (модель 412) с солдатской кастрюлей каши по домам, в которых нечего есть, в которых сидят голодные дети, инвалиды и старики, мы едем туда, где кусок хлеба - праздник (без преувеличения!), где привыкли, что давно никому не нужны...

- Мы ездим обычно два раза в неделю: по вторникам и по субботам, или по воскресеньям. Чаще уже невозможно - на бензин не хватает, а то была бы возможность, конечно, ездили бы, - объясняет матушка Елена. Ей хотелось бы сесть за руль, но зимой машину батюшка водит сам.

Посреди деревни, слева - темный деревенский дом. Останавливаемся.

- Только вы идите первым, а то я боюсь ее, - просит матушка. - она иногда ничего так бывает, тихая, а иногда как начнет бушевать: "Не хочу вашей каши, я сытая! Убирайтесь, у нас все есть!" Они с братом живут. Брат говорит: "Да не слушайте ее, вы же видите, какая она, оставляйте".

Дверь на замке, вернее на дужке от замка (брать затворяет снаружи, когда уходит), открываем, входим в дом. Тишина. Из комнаты выходит собака, тоже тихая и голодная, с говорящими глазами - "вы только не выгоняйте меня, пожалуйста!". Хозяйка спит. Матушка облегченно вздыхает. Оставляем полбуханки и миску с кашей. Ставим так, чтобы собака не дотянулась.

Едем дальше. Останавливаемся у дома с открытой калиткой. Молодая вдова. Двое малых детей. Живет с матерью и сестрой-школьницей.

- Хлеба у них практически не бывает, всегда спрашивают: "Хлебца нету?"

Стучусь, захожу в дом. Внутри чад и смрад, выпивающие мужики. То ли новогодние гости, то ли родственники. Который постарше и потрезвея вышел за мной с кастрюлей... Сказал "спасибо" и быстро ушел. Отдал кашу женщине на крыльце.



Еще похожий дом, побольше немного. Тормозим у брехучей собачки. Еще одна прибежала, голодные, в руки заглядывают.

- Здесь многодетная живет: шестеро детей.

Вышла сама, с двумя вместительными кастрюлями - чувствуется, заждалась. Из тех, которым давно уже не до себя. Наложили горячую кашу плюс буханка хлеба. И пирога дали ей. Довольная пошла, не уронила бы.

- Обычно скажет: "Все никак в церковь не выберусь. Надо, надо сходить".

Едем дальше. Матушка все рассказывает:

- Когда получали гуманитарную помощь, то делали сначала так: открывали консервы, а потом уже раздавали. А то ведь продадут и пропьют.

- Вся эта "деревенская глубинка", - показывает глазами батюшка, - все это - разлагающийся труп. В самом деле, это реальность. Но надо успеть хотя бы детей спасти! Если спасти, тогда есть надежда. Я-то не первый год здесь живу, поверьте...

Мне рассказывают о брате с сестрой (12 и 14 лет), которые приходят в храм. Когда освящали их дом, они попросили батюшку освятить и свою "квартирку", внизу дома: затхлая клетушка, в которой накидано старых матрацев. Думали, что они играют так. Нет, не играют. Здесь они прячутся. От побоев своей мамы и ее любовников. У них и замок с внутренней стороны есть. Но однажды и это не помогло, прибежали от разбушевавшейся мамы и жили три дня в Общине. Потом вернулись. Потом их мама уехала куда-то, они снова пришли сюда жить. На мальчика не нарадуются, а вот девочка... Девочка того и гляди по маминой дорожке пустится...

- Нужен дом для приюта! - подытоживает батюшка.

В округе - с дюжину семей (как минимум), где родителей должны были всем законам лишить родительских прав. Но не лишают - некуда девять детей. В школе с первых классов курят и пьют, старшеклассников и вовсе учителя боятся.

Во все новогодние вечера, ночь напролет бухала дискотека. Родители, в основном, не запрещали: гулять, так гулять! Одному пареньку даже бутылку давали, чтоб не хуже других был, а он отказался, в Общину пришел. Хоть там ни елки, ни музыки, ни подарков (Рождественский пост), разве что чай, да неторопливый разговор, да успокоенная тишина...

- Нужен дом для приюта, - повторяет батюшка. - Вот что срочно необходимо. Чтобы дети и жили и учились там, чтоб подлечить их можно было там. Детей, детей спасать надо! Пока еще можно...

Останавливаемся. Рядовой деревенский дом.

Инвалид I группы. У него здесь жена и брат. Жена живет с братом, но кашу едят все вместе.

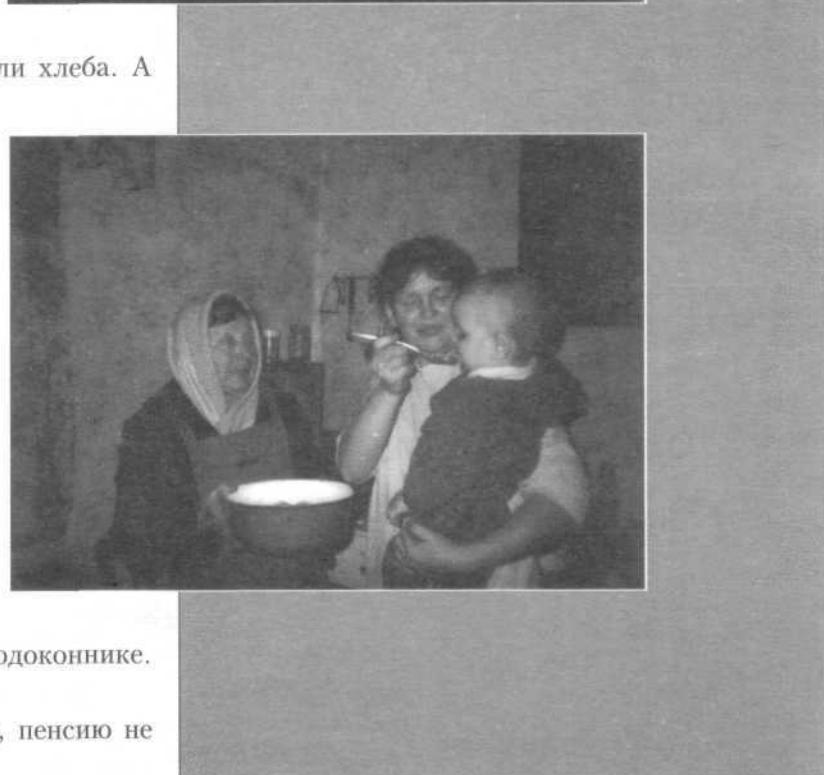
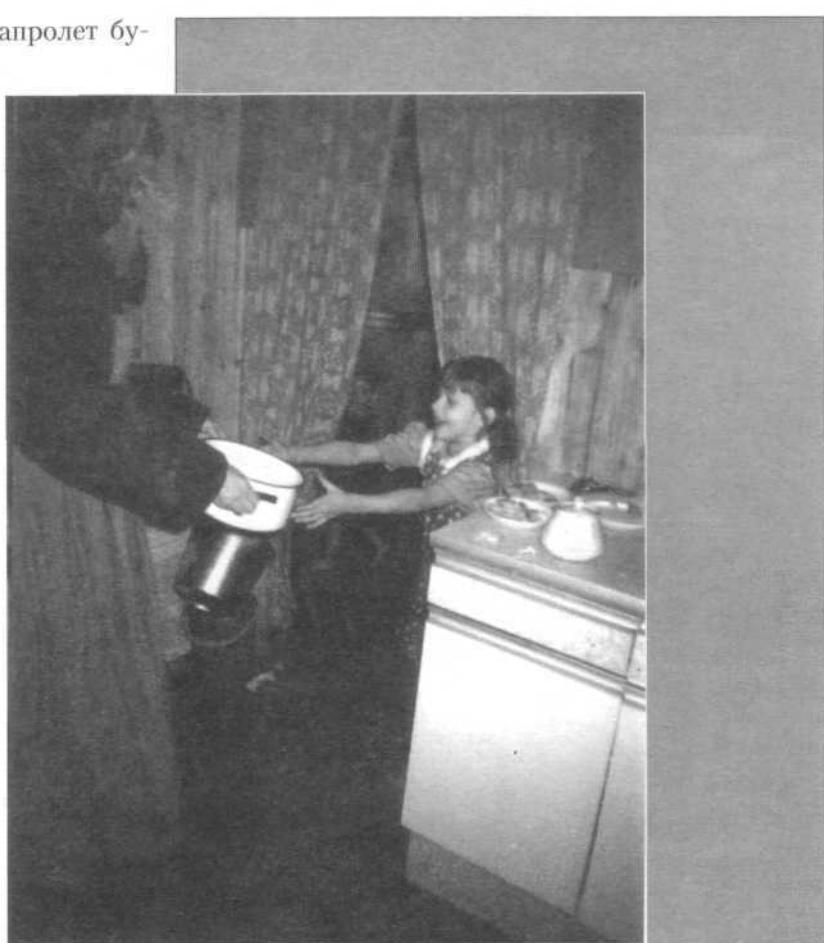
-Тут иной раз не угадаешь: то голодный сидит (инвалид), а то придешь - сидит накормленный, ухоженный. Иконка у него Николая Чудотворца, но в храм - никак.

Из дома вышел приветливый, в годах, мужчина с кастрюлькой. Поздоровался. Наложили ему каши и дали хлеба. А он нам - кусок пирога.

- Это брат его, - сказала матушка, когда он возвратился в дом. - Жена с братом очень тепло относятся к нам, всегда норовят, когда есть, чего-нибудь сунуть: яблок, пирожка, конфеток. Однажды брат пришел вдруг в храм. Исповедался, причастился...

Поселок городского типа. Квартира на первом этаже кирпичного жилого дома. В ней маленькая старушечка - баба Шура, 89 лет, высохшая, как корочка хлеба. Блокадная обстановка. Неистребимый запах кошек и сами кошки (приветливые), пачка нечитанных старых газет на подоконнике. Рада:

- А то уж какой день есть нечего, пенсию не приносят. И хлебушка нет.





Матушка привезла ей подарок: телогрейку. Как одели на нее - засияла, запричитала, заплакала. И все нам рассказала: и что упала - плечо выбила и руку вывихнула, и что лечили плохо и не вылечили, и что сынок в тюрьме и не увидит его, и что дрова сырье, а хорошая вязанка - 300 рублей, а пенсию не дали еще, и что дочка мало чем может помочь (живет в соседней квартире, безработная), и что не видит наших глаз и даже лиц (почти слепая), а только головы...

- Вы, наверно, с хорошими лицами, красивые... Как мне хорошо-то в ней (в телогрейке), дорогие... У меня и иконка есть, там вот стоит.

Едем дальше.

- У нее палец на ноге отрезали, появилась опухоль, теперь почти до колена дошла. А к врачам не хочет. Надо бы ей сухих дров привезти в следующий раз, - повернулась к батюшке матушка.

Тот кивнул, не отрывая глаз от дороги.

Мы едем, смеркается. Я сижу и думаю: о чём же мне писать? О чём?!

На автобусной остановке при отъезде слышу разговор: "Три дня платье ей шила на дискотеку. Не понравилось ей. Сидела зареванная - не одену! Ничем не могу тебе помочь, говорю, мы не богатые, сама видишь. Так она мне: а я хочу богатых родителей! И вот какой уж день каючут: хочу богатых родителей!"

* * *

Третий год, как приехали сюда отец Василий и матушка Елена, и всего лишь год со дня образования здесь самой Общины. И вот они - первые маленькие победы в Битве, первые росточки и всходы на, казалось бы, обреченной, бесплодной, сотни раз изуверски перемолотой Почве: детские души. Потянулись к батюшке, к храму, приходят в воскресную школу, слушают, рисуют, думают.

Дети приходят сами. После уроков, сюда, в бывшую сторожку - на один из своих "островков". Островков нормального детства. Жмутся к



матушке, к сестрам Общины. Скоро вот Рождество, Христос родится. В яслях. Пастушки придут... У отца Василия теперь двое алтарников - двое братьев-школьников. Основательные люди (имел удовольствие с ними общаться), Павел и Гордей. Эти чуть ли не целыми днями здесь. Крохотной Общинки хватает и на утешение сорока больных детей из городской туберкулезной больницы, которую сестры взяли под свою опеку.

И еще такое: Община начала понемногу пополняться местными жителями.

Пожилая учительница взялась разносить "голодную" кашу по своей деревне. Люди стали приносить в Общину, что могут: "Вы тут детей кормите? На вот, возьмите".

- То, что мы делаем для других, - не важнее ли это для нас самих? Еще как! - говорит отец Василий.

Но откуда взять столько тепла? На "душу населения"? Столько участия, совести, сострадания? Чтобы ожила, наконец, сама эта Душа населения, чтобы осознала себя Единым Народом, чтобы сумела взрастить в себе будущее?

Загляни в свое сердце, посмотри в его глубину, не колынется ли эхом в ней голосок пятилетней Любочки: "Мама, а когда нам Боженька кашку привезет?"

Войти трудом своим в главную заботу Бога - в попечение о человеке... Разве не в этом смысл и оправдание жизни? - размышлял я на обратном пути в Москву. И, как ни старался, НИЧЕГО не мог предъявить взамен.

Максим ЯКОВЛЕВ
Погост-Сабле - Новгород - Москва
Январь 2001г.

Фото: Елена Полежаева



Адрес Новгородского отделения Общины сестер милосердия:

175011 Новгородская область, Батецкий район, д. Погост-Сабле, о. Василий Полежаев (духовник Общины), матушка Елена.

Тел 8-816-61-26311

Просьба оказать помощь:

- продуктами питания, кухонным оборудованием;
- деньгами;
- строительными материалами, мебелью для создания благотворительного центра;
- в создании подсобного хозяйства, приобретении сельскохозяйственной техники, скота, птицы;
- в строительстве хозяйственных построек.



ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ



Фильмы "Брат" и "Брат-2", снятые режиссером Алексеем Балабановым, стали поводом для бурных обсуждений на страницах газет и в Интернете. Является ли образ Данилы Багрова, созданный Сергеем Бодровым, достоверным отражением идей, надежд и стремлений нынешнего молодого поколения? Почему тысячи людей, в том числе и посетителей гостевой книги сайта фильма, видят в Даниле образец для подражания и хотят иметь такого друга, брата, сына или мужа?

Недавно в редакции дружественного "Фоме" интернет-журнала "Умницы и Умники" (www.umniki.ru) прошел круглый стол, на котором участники попытались ответить на вопрос: является ли Данила Багров героем нашего времени? Предлагаем вашему вниманию фрагменты этой дискуссии, которые мы публикуем с согласия редакции "Умников".

УЧАСТНИКИ:

Сергей Бодров – актер, журналист, кандидат искусствоведения

диакон Андрей Кураев – профессор Православного Свято-Тихоновского богословского института, кандидат богословия, кандидат философских наук

Илья Стрелец – кандидат психологических наук

Георгий Казанцев – студент МГИМО

Алексей Захаров – директор компании

“Триумвират Development”, специалист по информационным технологиям

Владимир Легойда – главный редактор интернет-проекта “Умницы и Умники”, соредактор журнала “Фома”, кандидат политических наук

Зара Мигранян – редактор интернет-проекта “Умницы и Умники”, преподаватель МГИМО

Сергей Верейкин – редактор интернет-проекта “Умницы и Умники”, главный редактор журнала “Oops!”

**ПОБИТЬ ГОЛЛИВУД
ЕГО ЖЕ ОРУЖИЕМ**

Отец Андрей: Для начала я хотел бы отметить “голливудскость” этого фильма. Ведь стиль, идеал и способ восприятия жизни, реакция на затруднения, которые предлагаются в нем – все это чисто голливудская, американская модель.

На языке богословия это называется “миссионерская инкультурация”. Скажем, когда я приеду в Китай, то я вместо “В начале было слово...” скажу “В начале было дао...”, но это все равно будет не проповедь даосизма, а проповедь христианства. Так вот, с фильмом “Брат”, мне представляется, ровно такая же вещь: это проповедь американализма, но на русском языке.

В этом смысле она становится, быть может, еще опаснее, чем очередной боевик со Шварценеггером. Если бы это был обычный фильм среди прочих, я бы на это так не реагировал. Но вот когда пытаются представить, что это и есть выход из нашего кризиса, что это и есть будущее России, когда из этого фильма экстрагируют национальную идею, мне кажется, это уже слишком.

С.Верейкин: Как вы считаете, все это исходит от создателей фильма или же зарождается

где-то в обществе, вокруг фильма, а потом применяется непосредственно к картине?

Отец Андрей: Мне кажется, что все-таки это исходит от авторов. В фильме есть одна деталь, которая роднит его, как ни странно, с иконой. Отличие иконы от картины состоит в том, что икона не претендует на то, чтобы создать свой замкнутый мир, свое пространство. Принцип обратной перспективы в иконе предполагает, что икона “выливается” в твою комнату, в твою жизнь. Она не отгорожена от тебя рамкой, она оттуда входит в тебя.

Или другой пример: спектакли Театра на Таганке семидесятых годов, когда актеры начинали лицедейство в вестибюле или даже у входа в театр и люди еще не понимали, что спектакль уже начался.

В фильме “Брат” очень длинные титры. При этом параллельно уже идет действие. То есть фильм вроде бы начался, а вроде бы и нет.

Вдобавок подчеркивается близость фамилий исполнителя и главного героя, ряд героев просто действуют под своими реальными именами – все это говорит о том, что фильм с самого начала рассчитан на стирание границы между экраном и жизнью.

В.Легойда: Мне кажется, что второй фильм намного более американский, чем первый. С моей точки зрения, первый фильм гораздо правдив-



ве. (Я готов сказать, что вот это герой нашего времени, но не с точки зрения идеала, каким он должен быть, а с точки зрения реальности. Если есть герои, то они такие, а хорошо это или плохо - это уже следующий вопрос.)

В первом "Брате", на мой взгляд, нет особой "голливудской". Вспомните: в конце Данила прощает брата и говорит: "Ладно, ладно, брат... Что ты... А деньги-то где?" И здесь нет ничего голливудского, потому что Данила не герой-образец-для-всех-телезрителей, который лихо всех перестрелял и восстановил справедливость. Он не справедливость восстанавливает, а брату помогает...

Отец Андрей: По логике фильма, именно это и есть восстановление справедливости. На протяжении всей картины Данила выполняет за брата работу. И поэтому он берет заработанные деньги. По логике самого фильма, это справедливо. Есть масса голливудских фильмов, где мы видим подобную концовку: например, детектив уходит из полиции, разругавшись со своими и убив всех мафиози, но при этом уносит чемодан денег, отобранных у мафии.

В.Легойда: Нет, по-американски - это "Крутой Уокер", где однозначно положительный герой Чака Норриса выполняет не только функции стражи порядка, но и функции педагога и священника, и т.д. Так вот, во втором фильме Данила действительно становится таким же безусловно положительным героем, тогда как первый фильм намного ближе к реальной жизни, а не к "фабрике грез". К жизни, которая показывает, что эти ребята, приехавшие из Чечни, искалечены морально...

И окружающим они приносят в основном страдания, даже не желая этого.

С.Бодров: Маленький комментарий на тему "голливудской" фильма. Мне кажется, что этот "ответный удар" по Голливуду - не культурный, не интеллектуаль-

ный, а эмоциональный. Техника этого удара в какой-то степени действительно американская. Но идея, а точнее, эмоциональная окраска того, что хотели сказать авторы фильма, предполагалась вполне патриотичной и национальной. Может быть, хорошо то, что этот эмоциональный удар с "нашей" окраской все-таки был нанесен. Что касается киноязыка, который мы использовали... Зритель привык к американскому кино, к этому языку, к этой схеме. Видимо, мы уже подсознательно начинаем говорить на этом языке.



СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Отец Андрей: Сергей, для меня здесь вопрос как раз не в стилистике, не в языке, а в системе ценностей, которая в итоге остается в сознании зрителя. Я, в отличие от вас, не знаю создателей фильма. Я готов с вами согласиться, что субъективно они хотели сделать фильм, который был бы направлен на национальное пробуждение России. Но если у фильма действительно будет долгое эхо в истории, хотя бы на несколько лет, то это будет эхо американизации. В итоге будут созданы два монстра - наш и американский, которые будут грызться в своей берлоге по одним и тем же правилам.

Для того чтобы этот разговор был понятен, нам необходим некий экскурс. Я сам к нему не очень готов, давайте вместе думать. Если мы рассматриваем этот фильм не с точки зрения кинематографии, а с точки зрения национального идеала, то давайте вспомним, какие еще были "герои нашего времени" в русской национальной истории. Последний из них - Данила Багров... А что было перед этим? Что в Даниле есть нового? Мне кажется, отличие прошлых эпохальных героев от Данилы прежде всего в том, что в них была нравственная рефлексия. С этой точки зрения, поведение Данилы неестественно для русской традиции.

В.Легойда: Я с интересом прочел подборку прессы на сайте фильма "Брат", где было любопытное замечание по поводу героя. Там говорилось, что герой предыдущего поколения - восьмидесятых - поколения "Ассы", это мальчик Бананан. И теперь на смену амебоподобному, бездеятельному, замкнутому в себе Бананану, для которого бог - Б.Г., приходит реши-



тельный Данила. Насколько я понял, автор статьи проводил идею востребованности такого героя, каким является Данила...

С.Бодров: Отец Андрей высказал интересную мысль об "эхе", которое оставляет после себя картина. Действительно, герои фильма живут сейчас какой-то своей жизнью. Опасно ли это? Пожалуй, да, опасность существует. Но мы же понимаем, что этот герой всего лишь образ. Это мы наполняем его жизнью.

Может быть, задача комментаторов, участников подобных дискуссий как раз в том, чтобы приглушить это эхо? Ведь эти два монстра - русский и американский - действительно будут грызть друг друга. Ну так может и Бог с ними? Пусть себе грызутся? Может быть, нам тут от этого будет только легче жить? Пусть они там грызутся, лишь бы нас не трогали?

Может быть, этот эмоциональный заряд в фильме получился чересчур сильным. Люди реагируют на картину не как на предмет искусства, а как на реальность. Я сам чувствую это в общении с людьми. Но никто не знает, "как наше слово отзовется", хотя мы, конечно же, должны знать.

А.Захаров: Мне кажется, что постановка вопроса о герое нашего времени - чисто российская. Если наша страна будет развиваться нормально, то через полвека такие вопросы возникнуть не будут. Ситуация, когда все общество заставляют воспринимать одного человека в качестве всеобщего героя, - это признак атмосферы некой тоталитарности.

КАКОВ ОН, ГЕРОЙ?

И.Стрелец: Герой фильма - это человек, вернувшийся с войны, это человек со своей, как говорят психологи, "болью", с синдромом неоконченной войны, с надломленной психикой. Да, это определенный стереотип, который предлагает свой путь решения проблем. Но вспомним другой фильм - "Мусульманин". Там герой тоже вернулся с войны, из плена. Там другие стереотипы, другое восприятие, эта личность по-другому себя проявляет во внешнем мире. Весь говорить в принципе о герое нашего времени - очень сложно. Что такое "нашее время"? У нас очень динамичное время, оно постоянно меняется. О каком времени мы говорим?

С.Верейкин: Как вы полагаете, почему тема "чеченского синдрома" в фильме получила такой



отклик у зрителей фильма? Мне казалось, что чеченская война, к сожалению, не была достаточно глубоко прочувствована нашим народом...

И.Стрелец: В первую чеченскую войну никто не понимал, зачем туда посланы люди, кто их посыпал, как это все было решено. В этом плане нет такой четкости, как в Великой Отечественной войне. Это разные войны, разные посылы. Сейчас многие не понимают, с кем и ради чего они воюют.

С.Бодров: Мне кажется, сейчас ощущение того, что в стране идет война, возросло...

И.Стрелец: После того, как прогремели взрывы в Москве...

С.Бодров: Может быть, после этого... Ощущение, что война становится для нас реальностью, не отпускает человека...

З.Мигранян: Что мне не нравится в фильме, так это то, что все свои деяния Данила совершают абсолютно безнаказанно. Наша милиция в фильме не появляется, американская полиция выглядит крайне смешно. Его никто не наказывает, его никто не ловит. Тут уже приводили пример фильма "Мусульманин". Гораздо труднее прийти с войны духовно переродившимся человеком, готовым помочь окружающим вернуться к добруму началу. Молодую аудиторию больше привлекает веселый парень с оружием, который может всех безнаказанно убивать.

Я все ждала, когда же он задумается над тем, что делает. А он повторяет свой детский стишок, и я думаю: "Боже мой, да ведь это имбецил!" Маленький мальчик прочел стишок, и вот он теперь повторяет и повторяет его.

В той же Америке фильм про киллера, которого не наказывают, не стали бы раскручивать в национальном масштабе. Вспомните легендарных гангстеров Бонни и Клайда - они были расстреляны полицией. Или герой фильма Люка Бессона "Леон": он же за время картины научился чему-то. Хоть чему-то. А в конце, кстати, тоже погиб. Потому что киллеру место...

С.Бодров: ...в могиле!...



З.Мигранян: Прошу прощения за некоторую кровожадность! Просто я ожидала увидеть либо духовное перерождение, либо возмездие. Ведь есть же

у нас закон. Хорошо бы об этом знать молодым.

И.Стрелец: Вы несколько идеалистично воспринимаете нашу ситуацию. У нас на многие вопросы нет ответов. У нас полная чехарда в судебной системе, в прокуратуре. При чем здесь Данила с его принципами, когда у нас и без того существует полная безнаказанность?

З.Мигранян: Значит, надо с чего-то начинать и что-то делать.

С.Верейкин: Один из камней преткновения в дискуссиях вокруг фильма - то, что в "Брате-2", даже по сравнению с первой частью, менее четко проставлен авторский акцент. В первом фильме был хотя бы немец Гофман, который олицетворял нечто, противопоставленное герою. А во второй части этого так явно нет.

И кстати, о наказании убийц: я могу привести обратный пример из американского кино - сериал про "грязного Гарри", где герой Клинта Иствуда восстанавливает справедливость, пуская злодеям пулю в лоб. Говоря словами Данилы, у него "правда и сила"... Так что и в американском кино не все так однозначно.

И.Стрелец: На самом деле, у героя фильма "Брат" действительно есть некий запал, есть некие архетипические черты. Он этакий Робин Гуд. У нас ведь ситуация, похожая на соответствующую легенду: феодальное право, власть отделена от общества... В этой ситуации герой, отстаивавший на войне честь страны, пытается решить ситуацию по-своему... Какая жизнь, такие и герои.

В.Легойда: Искусство создает свою реальность, и новому герою стремятся подражать. Создание героя, это как канонизация в церкви - акт педагогический. Тем самым мы можем корректировать жизнь. Я вспоминаю документальный фильм о съемках "Брата", который показывали по РТР, кажется. Вы, Сергей, в интервью назвали основные принципы Данилы, в числе которых, но не на первом месте, патриотизм и правда. После этого журналист, резюмируя ваши слова, из шести принципов взяла два, причем не те, которые вы назвали первыми, и заявила: "Итак, главные принципы героя - это патриотизм и правда!". Вот такая получается "раскрутка" и фильма, и образа... Очень легко спрятаться за словами: "Мы имеем таких героев, которых заслуживаем!" Но мы ведь сами создаем этих героев. Поэтому мои, если угодно,

претензии не к образу героя, а тому, КАК его преподносят, делают героем нашего времени. В общем, к этому самому эху, о котором мы сегодня говорим. И в этом смысле я с вами, Сергей, согласен - такое эхо надо гасить...

Г.Казанцев: У меня первая ассоциация с Данилой была - Иванушка-дурачок, который все время ходит и добивается правды. И при этом у него все само собой получается: то ковер-самолет прилетит, то печка прибежит... Американские фильмы тоже раскручиваются на образе "Иванушки-дурачка", который борется за справедливость и, в конце концов, ее восстанавливает. Но встает вопрос о методах. Мне в "Брате-2" понравилось все, кроме сцены в клубе, когда Данила перестрелял там невинных людей...

С.Бодров: Я готов с вами во многом согласиться, но давайте я буду защищать фильм, чтобы у нас дискуссия получилась. Прозвучало слово "педагогический". В русской культуре сложилась традиция, что у художественного произведения существует некая миссия. Писатель - это пророк, книга - учебник жизни и т.д. Мы - те, кто снимает кино, кто снимается, кто пишет, - должны это знать и быть вдвойне осторожными. Но когда режиссер Балабанов снимает кино, он в меньшей степени думает о каких-то безумных тинейджерах, которые после этого могут взять в руки оружие. Он думает о том, чтобы снять кино. Есть художники, которые могут четко объяснить, о чем их произведение. А есть художники, которые не в состоянии четко сформулировать словами, что они хотят сказать, поэтому они снимают кино.

Я хочу повторить свою мысль: мы, комментаторы, должны сбивать "эхо" от фильма. Ведь жизнь гораздо многообразнее. Не надо упрощать картину мира, какой ее видят тинейджеры. Не надо думать, что люди воспримут это буквально. Они пришли в кино отдохнуть, а не учиться жизни.



ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ФИЛЬМА

Отец Андрей: При этом можно говорить и о положительном эффекте фильма "Брат". Огромный плюс то, что предлагается мышление в

категориях "мы" - "они". Мы правы, потому что это Мы, без всего остального. Может быть, это животные инстинкты, но совсем без них нельзя.

С.Бодров: Да, такое вот первоначальное, первобытное, первое какое-то... пол слова...

Отец Андрей: Совершенно верно. И меня это радует, потому что сейчас это необходимая вещь для выживания страны - чтобы "мы" ассоциировались не только с "как у нас все плохо!" и "как там хорошо!".

Второй плюс фильма - это четкое отвержение толстовства. Толстовства не как философии (кто его читал сейчас, Льва Толстого?), а как той популярной идеологии, что надо всегда уступать, что допустима только политика переговоров, уступок и компромиссов, что нельзя обижать бедных боевиков и т.п. В "Брате" признается правомочность и действенность силового подхода. Я считаю, что это хорошее "эхо" этого фильма.

Минусы, на мой взгляд, связаны не с тем, что в фильме есть, а с тем, чего там нет. Здесь я вижу две проблемы.

Первая: Данила не теплокровное животное. В биологии есть закон, который гласит, что уровень совершенства живого организма определяется мерой его независимости от внешней среды. Когда температура моего тела равняется температуре окружающей среды, то я очень зависим. А вот если я теплокровное существо, то тогда мне не важно, плюс 20 или минус 20, у меня всегда есть мои 36,7. Так вот, Данила в этом смысле хладнокровное животное. Та система ценностей, которую он усваивает, равно как и его реакция, обусловлена контекстом его жизни - его семейного воспитания, его армейского опыта и последующих контактов. То есть Данила не протестант. Он коллаборационист в самом главном, сколько бы он ни стрелял. В сердце своем он коллаборационист, потому что он принял эту "криминально-рыночную" систему ценностей.

Вторая проблема: в отличие от предыдущих "героев нашего времени" у Данилы нет внутреннего конфликта. Согласно русской традиции, не может быть героем человек, у которого нет рефлексии, у которого нет стука совести. У персонажей, прошедших мясорубку Великой Отечественной войны, в лучших фильмах, в лучших книгах это было. Даже в окопе, даже в

той священной войне вдруг появляется переживание по поводу противника, этого парнишки, моего сверстника, или человека, у которого дети там, в Германии. Могу ли я и должен ли я его сейчас убить или нет? Но Данила беспроблемен - в нем нет внутреннего кризиса, нет внутренней оценки того, что происходит.

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Отец Андрей: Если бы затевалась третья серия фильма с хоть какой-то толикой этой рефлексии, с попыткой, как у того же Льва Толстого, подойти к монастырю, пусть даже и не войдя туда, - вот тогда Данила был бы более человечным.

С.Бодров: А как вы думаете, отец Андрей, возможен ли фильм "Брат-3" с изменением образа в том свете, о котором вы сейчас говорили? Я имею в виду в нравственном аспекте. Такое перерождение возможно?

Отец Андрей: Безусловно. В фильме есть некоторые "узелки". Есть контраст между глазами Данилы и его руками. Недрожащие стреляющие руки - и умные глаза. Это контраст. Может быть, сознательный, сказавшийся при подборе актера.

С.Бодров: Для меня-то эти "узелки", например, в том, что во втором фильме Данила едет в чужую, незнакомую страну помочь брату своего армейского друга, человеку, которого он толком не знает. Он едет туда, куда никто его ехать не просит, где его никто не ждет. Едет, руководствуясь своим внутренним пониманием, примитивным, простым пониманием правды. И дальше происходит странное: он наказывает тех, кого, в общем, не надо наказывать, и прощает того, кого наказать, быть может, и надо было. Мне действительно хочется верить, что он не настолько зашорен.

С.Верейкин: В фильме есть полшага к такой рефлексии. Он же постоянно говорит о том, что хочет учиться на врача, представляется студентом медицинского института.

А.Захаров: Сейчас мы обсуждаем не столько конкретный фильм, сколько в контексте этого фильма некий типаж героя нашего времени. Вот вопрос: если бы по сценарию все было бы точно так же, тот же фильм, те же поступки...



С.Бодров: ...но самолет, на котором они улетели в Москву, разбился?..

А.Захаров: Нет, все то же, только по сценарию главному герою пятьдесят лет. И он совершаet те же самые поступки...

Обсуждаем ли мы проблему "герой нашего времени" или "герой нашего времени для тех, кому до..."? Это два разных вопроса. Мы все время подразумеваем "герой нашего времени" для тех, кому до семнадцати, до восемнадцати, до двадцати. При том, что это небольшая часть даже среди тех, кто этот фильм смотрел. Потому что в кинотеатры ходят и кассеты покупают явно не только тинейджеры...

С.Верейкин: Ну, для старшего поколения есть похожий персонаж - герой Михаила Ульянова из фильма "Ворониловский стрелок".

А.Захаров: Получается, что мы говорим не о типе героя времени, а о типе героя определенного возраста...

В.Легойда: Мне кажется, что когда мы говорим о герое нашего времени, мы и говорим об определенном возрасте. Я плохо представляю себе тему "Герой нашего времени для тех, кому за...". Для них герой уже в прошлом.

И.Стрелец: Да, активный период - от двадцати до тридцати пяти лет...

В.Легойда: И кстати, Печорину, "герою нашего времени", тоже не восемьдесят пять лет было...

Отец Андрей: Кстати, я так и не понял, что произошло между первой и второй сериями? Во второй серии нет никаких намеков, чем там Данила жил, чем занимался. Все-таки прошло два года...

С.Бодров: Нет, я думаю, всего несколько месяцев. Вот деньги кончились... Мне кажется, мы на один из главных вопросов ответили, относительно плюсов и минусов. Хотя я представляю себе это так: в эпоху хаоса и злой первобытной природы люди сели у костра, они только начали говорить, и один из них сказал несколько слов, и они звучали как "Надо защищать своих! Надо защищать женщину! Надо защищать брата!". Но дальше они не двинулись. Пока не двинулись. Это потом будет все остальное. Потом они обретут Христа. Но пока они дальше не двинулись...



Фото: священник Сергей Новожилов



ФОРРЕСТ ГАМП И ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Заметки на полях дискуссии о фильме "Брат"



В дискуссии о фильме "Брат" все как-то беззговорочно признали: герой этого фильма сильно американализирован. Действительно, в американском кино много неуловимых мстителей, подобных Даниле, но ведь это вовсе не единственный тип американского героя.

Недавно я посмотрел известный и очень популярный фильм 90-х годов, к тому же премированный "Оскаром", - "Форрест Гамп" с Томом Хэнксом в главной роли. После этого я некоторое время не мог прийти в себя от шока, потому что давно уже не видел в русском кинематографе ничего столь по-христиански доброго и положительного. И вообще, пытался ли какой-либо наш режиссер посвятить свой фильм юродивому? Вот вам и пример американского героя!..

Сразу оговорюсь: конечно же, Форрест Гамп - не юродивый в привычном для русских, православном значении этого слова. Это человек, который из-за детского церебрального паралича сделался, с точки зрения окружающих, умственно неполноценным, калекой. Некоторое время он даже не мог ходить без специальных протезов. Но однажды, спасаясь от преследования одноклассников, он вдруг пустился бежать, забыв о своих протезах. Он впервые в жизни бежал так, что никто не мог его догнать. С тех пор он так и бегал - от одноклассников, за мячом на поле для регби, под огнем во Вьетнаме, вынося из горящего леса своих товарищей.

"Идиот" Форрест Гамп проживает свою жизнь от рождения до зрелости - вместе со всей Америкой. Он становится участником исторически значимых событий, он как бы встроен в историю США 50-х-80-х годов. И это неслучайно, режиссер настойчиво педалирует эту связь: Гамп и американские президенты, Гамп и Элвис Пресли, Гамп и Джон Леннон, Форрест Гамп и противники войны во Вьетнаме.

Но стержень всего - личная история, история того, как Форрест влюбился. Однажды и на всю жизнь. И как этот американский малоразговорчивый "князь Мышкин" своей верностью завоевывает себе право на любовь, на авторитет, право стать мужем и отцом. И о том, какую высокую цену он заплатил за все это.

Я написал, что Форрест Гамп - юродивый. В каком смысле? Не в том только, что люди считают его умственно отсталым (в конце концов, слушая его речи, все яснее понимаешь, как-

кой мудростью обладает этот человек на самом деле, как много в жизни он понимает и умеет открыть для других людей). Нет, не в умственной отсталости дело! Скорее, Форрест Гамп - человек отсталых, отставших от времени представлений, он думает о вере, любви, честности, патриотизме иначе, чем сейчас принято.

Для начала, это человек, который всегда носит в своей душе Христа, который живет по законам христианской Любви к Богу и ближнему. Когда его спрашивают: "Ты уже нашел Христа?", он совершенно серьезно отвечает: "Я и не знал, что Его нужно искать".

Он верит и в бессмертие души, поэтому для него вполне естественно, например, разговаривать с погибшим другом, с умершей женой на ее могиле - так, как будто он видит их прямо перед собой. Это не значит, что Форрест Гамп какой-то спиритист и, вызывая души покойников, общается с ними. Нет. Стоя у могилы жены, он заплачет и скажет: "Я так скучаю по тебе!" И в его словах будет такая горечь потери, что смотреть эти кадры без слез невозможно.

Форрест Гамп - юродивый, потому что для него ценность дружбы и верность слову остаются превыше всего. На мой взгляд, та ответственность, которую он несет за свои поступки, степень этой ответственности - и есть Любовь к ближнему, в самом светлом, самом полном ее понимании. Ответственность - это не только спасение товарищев на войне, когда, рискуя жизнью, Форрест выносит их одного за другим из-под обстрела. Это еще и верность собственному слову.

Однажды на фронте, во Вьетнаме, он обещает своему другу - негру Баббе - стать его компаньоном по ловле креветок. Когда Бабба погибает, у Форреста, казалось бы, не остается никаких обязательств перед ним. Но вот он покупает лодку и начинает креветочный бизнес, который на тот момент кажется практически безнадежным. Он делает это, потому что обещал! Он постоянно думает о друге, которому дал зарок, о его семье. Содержание этой семьи он взял на себя и стал выплачивать матери Баббы его долю, как если бы ее сын был жив.

Еще один признак юродства - целомудрие. Форресту Гампу становится плохо при виде раздевающейся женщины, и это вначале списываешь на его болезненность, некую форму им-



потенции. Однако потом, много позже, видишь, что ему просто невыносима нечистота отношений, что плотская любовь для него слишком сокровенна, она - таинство. Когда эта любовь станет подлинной и взаимной, все будет в порядке. И родится мальчик. Абсолютно здоровый, умный ребенок.

Заповедью Любви Форрест Гамп руководствуется во всех своих поступках. Мы привыкли думать, что любящий человек должен преследовать любимого, непрестанно напоминать о своих чувствах. Форрест Гамп, напротив, постоянно отпускает Дженн - женщину, которую любит больше всего на свете. Он негодует, когда она уезжает с каким-то псевдореволюционером, но при этом он говорит ей только: "Ты должна быть дома, в штате А-ла-ба-ма!!!" - и все. Он ее не удерживает. Он терпит, ждет и побеждает любовью, смиренной и очень терпеливой любовью.

Форрест Гамп в какой-то момент говорит своей любимой Дженн: "Ты не выходишь за меня замуж, потому что думаешь, что я не умею любить. Ты ошибаешься. Может быть, я знаю о любви больше, чем многие". Впрочем, о какой любви он говорит? Только ли о любви между мужчиной и женщиной?..



Пожалуй, Форрест Гамп юродивый еще и потому, что он патриот. И он не боится и не стыдится этого. Он готов всегда делать то, к чему призывает его родина, не спрашивая, зачем это нужно лично ему. Он патриот, и Америка как государство признает в нем героя.

Форрест Гамп, безусловно, - герой своего времени. Но кроме этого, он еще и герой своей страны. Согласно протестантской этике, святой или избранный Богом человек должен преуспевать - во всех отношениях. Поэтому Форрест Гамп в конце концов достигает богатства, и любимая к нему возвращается, и в историю он встроен. Он имеет все знаки американской благонадежности, соответствия идеалу - Американской мечте. Кажется, из кальвинистской идеи о предопределении следует, что если человек хорошо работает, преуспевает, достиг успеха без обмана - значит, это свидетельство Божиего внимания к нему, знак избранности. Если же он нищ, значит, Бог его не замечает, он не предизбран для жизни в раю.

Поэтому Форрест Гамп, безусловно, - юродивый, но юродивый преуспевающий, т.е. своеобразное воплощение Американской мечты. Конечно, это не может быть упреком: трудно требовать от американцев (и стоит ли?), чтобы они стали снимать фильмы не о своих героях, а о русских юродивых.

В фильме о Форресте Гампе, однако, есть и очень существенный недостаток, характерный, мне кажется, для американского кино вообще, - это попытка обязательно делать кино-для-всех. Каждый воспринимает американские фильмы как хочет, как ему понятнее и ближе. Если кто-то видит в "Форресте Гампе" фильм про удачливого умственного урода - это его право. Если воспринимает ленту как трогательную мелодраму, и только - это тоже право зрителя. Получается, что американское кино, отказываясь брать на себя "учительские" функции, не воспитывает своего зрителя, но подстраивается под него.

Советское кино в этом отношении было, так сказать, диктаторским, очень требовательным. Это относится, кстати сказать, и к фильмам Тарковского, которые сложны для понимания, которые заставляют задуматься и требуют как минимум философской трактовки. Подобные киноленты - это кино-не-для-всех. Конечно, оно становилось более замкнутым, элитарным, но, мне



кажется, это был честный путь. Кино несло ту самую учительную функцию, довольно высокую и важную.

Сегодня мы в своем магистральном кинонаправлении либо снимаем никому не нужную "чернуху", либо, вслед за американцами, идем по более легкому пути, пытаясь угодить всем. И в этом мы проигрываем - и нашему прежнему кино, и современному американскому. Мы все равно отстанем от Америки, пытаясь сделать нашего героя "американским".

Размышляя о фильме "Форрест Гамп", я думал о том, что мы многое уже навсегда потеряли - из того, что считали своим, уникальным. Мы потеряли коммунистические иллюзии, статус сверхдержавы, экономическую и военную мощь. Мы также почти разучились делать патриотическое и одновременно сердечное, человеческое кино - теперь его тоже снимает Америка. Даже о войне, которую мы привыкли считать НАШЕЙ, снят теперь американский фильм - "Спасти рядового Райана", столь похожий на наши "Горячий снег", "А зори здесь тихие", "Освобождение".

В заключение я бы хотел высказать еще одно соображение, которое наверняка многими

будет не понято и не принято. Мне видится, что единственный подлинно уникальный опыт, которым Россия может и должна открываться миру независимо от своего экономического и даже культурного расцвета или упадка, - наше особое переживание Православия, наш собственный опыт стремления ко Христу.

Здесь, наряду с другими народами, мы достигли собственных, выстраданных и реальных вершин. Если бы это было не так, мир не вчитывался бы с такой надеждой в книги Достоевского, не искал бы встречи с иконами Рубleva... Надо перестать гоняться за "стандартами", а обратиться к тому единственному, нестандартному, но единому Началу, Которое соединило единожды нас и стало нашим, особым путем в истории...

Конечно, фильм "Форрест Гамп" очень многогранный. Мои размышления о нем многими могут быть оспорены.

И я с этим тоже соглашусь.

Владимир ГУРБОЛИКОВ

Иллюстрации: Дмитрий Петров



Светлана ГАДЖИНСКАЯ

ЛАВРА

Рассказ



Иллюстрация: Вера Маханькова



В Храме было много людей, но никто не нарушал покой и тишину. Слышно было только тихое пение. Уже давно наступил вечер, и за окнами, наверное, было темно и холодно.

Неожиданно позади меня послышался недовольный женский шепот. Постепенно он становился все громче, и я могла различить отдельные фразы - "как нестыдно", "куда только родители смотрят", "такая маленькая, а уже хамит"...

Я старалась не обращать внимания: как-то не хорошо делать замечание, вмешиваться, но мне пришлось-таки стать невольным свидетелем занудного нравоучения:

- "Нечаянно" .. Как же ты могла не увидеть, что я сидела здесь? Я-то уж вас всех знаю! Ты глаза-то свои бесстыжие не прячь! Небось дома насмотрелась по телевизору всяких пакостей!.. Сейчас-то в церкви стоишь, а с утра побежишь с мальчишками хулиганить...

- Да у нас дома и телевизора-то нет! - только и успела вставить в монолог девочки лет восьми.

- Конечно! К исповеди она, видите ли, готовится, а на ноги старшим наступает и мимо проходит, словно так и надо!

- Но она же извинилась, - не выдержала я и, обернувшись, увидела недовольное лицо в сером платке женщины средних лет.

- А вы не вмешивайтесь! - накинулась она на меня. - Что вы ее защищаете? Много вас таких благодетелей развелось! Добрые все очень стали, да за чужой счет! Заступаетесь, лишь бы "хорошой да правильной" выглядеть, а что из нее вырастет, если так вот потакать ее наглости!

- Ну я же, правда, сразу извинилась, да только вы не слушали меня, - тихонько сказала девочка, в очередной раз, пытаясь оправдаться. Она стояла в сторонке и что-то старательно писала маленьким карандашом на листочке.

- Не извинялась она! - настаивала разгневанная женщина громким шепотом. - Да ей бы и в голову не пришло! Зачем? Лучше обиженному из себя строить! Нынче народ такой пошел: каждый сам за себя! Никто никому не нужен! Молодые-то совсем обнагели, всякое уважение потеряли!

Она продолжала говорить о том, что страну и веру продали, а виноватые живут себе спокойно и лучше всех, - люди давно забыли, что такое совесть.

Слова ее были жесткими, колючими, и хотелось куда-нибудь уйти, не слушать, спрятаться от ее тяжелого взгляда, но тут я заметила, что ее злость проходит, морщинки на лице разглаживаются, она становится как-то меньше ростом и говорит уже спокойнее о своей нелегкой судьбе, о той несправедливости, которую ей пришлось пережить и что некому было помочь ей тогда...

Передо мной стояла уставшая от горя и несчастий одинокая женщина. Вскоре она совсем замолчала, как-то грустно посмотрела на меня, опустила глаза и отошла. Может, мне показалось, но, по-моему, она украдкой смахнула слезу и глянула на девочку, которая продолжала писать что-то медленно и старательно, не обращая внимание ни на наш разговор, ни на его завершение.

Она склонилась над листочком, платок съехал на затылок и золотые волосы отражали разлитый по Храму свет...

ГДЕ КУПИТЬ "ФОМУ"

Издания "Фома центра" можно приобрести:

в Москве

магазин "Православная книга" Погодинская ул., д.18/1.
Тел.: 245-30-68
Открыт с 9 до 18 часов, без обеда. В субботу с 10 до 15 часов.

магазин "Сретение" Б. Лубянка, 19. Метро
"Тургеневская", "Чистые пруды".
Тел.: 923-80-46

Свечная лавка храма святого благоверного царевича Димитрия.
Ленинский пр. д.8, корп. 5. Метро "Октябрьская".
Тел. 236-92-63

Торговый зал храма Космы и Дамиана ул. Маросейка,
д.14. Тел. 206-90-03

магазин "Православное слово". Тел. 951-51-84

в Киеве

Центр Православной книги при храме Святителя
Михаила, первого митрополита Киевского
Книжный магазин, ул. Январского восстания, д.24, кв.56

в Санкт-Петербурге

Отдел православной литературы в "Доме книги", 2-ой этаж. Невский проспект, д.28.

Казанский собор. Казанская площадь. д.2

Магазин христианской литературы "Слово". ул. Малая Конюшенная, д.9

Подворье Коневского монастыря. Загородный пр., д.7

Церковная лавка "Валаам". ул. Кирочная, д.8

Церковная лавка "Валаам". ул. Синопская набережная, д.34/36

Храм Святого Пророка Божьего Ильи. Шоссе Революции, 73.

Лавки газеты "Православный Петербург".

Успенское подворье Санкт-Петербург, пос. Володарского, пр. Ленина, д.2. **монастыря Оптиной пустыни.** Набережная Лейтенанта Шмидта, 27/2.

Приход прмч. Андрея Критского.



Кира Поздняева

БАБУШКА



Иллюстрация: Анна Кузнецова



Утро. Открываю глаза и начинаю в тысячный раз пересчитывать доски на высоченном четырехметровом потолке, потом хрусталики огромной старинной люстры. В комнате темно, но через щели массивных деревянных ставен бьет свет. Звенит посуда на кухне. Мой мир на месте. На душе весело и спокойно. Может ли быть по-другому в детстве?

Сейчас быстрой уверенной походкой войдет бабушка. Как шлюзы, распахнутся со скрипом тяжелые ставни, и в комнату хлынет золотое солнце.

Столько раз повторялось это в детстве, сколько раз это еще вспомнится...

Бабушка моя жила в Баку - городе с необычайно долгим летом, всегда солнечном и ветреном. Ее квартира находилась в маленьком "итальянском" дворике неподалеку от моря. Не знаю, почему старый четырехугольные дворики с верандами, галереями и квартирами, имеющими собственный вход, назывались итальянскими, но жизнь в них действительно напоминала итальянские фильмы: шумно, весело, дружно, все у всех на виду. Вместе справляли свадьбы, вместе плачали на похоронах, даже в скандалах между соседями принимал участие целый двор. И кто только ни жил здесь бок о бок - азербайджанцы, русские, евреи, армяне, грузины, немцы; каждый своим укладом, своим интересным маленьким мирком, на свободу которого не посягал никто. К Пасхе в любой квартире красовались на столе разноцветные яйца и куличи, на Навруз все угождались вкуснейшим пловом с пахлавой, а в Пейсах ели хрустящую мацу. Да и могло ли быть иначе, когда над головой - ярко-голубое небо, перед глазами - море, в лазури которого потонет любая печаль, а между этими необъятными безднами носится неутомимый ветер?

Бабушкина квартира представляла собой "поезд" из двух больших комнат и кухни. Самая дальняя выходила окнами на улицу, по которой помимо бесконечно снующих взад-вперед людей, машин и троллейбусов, несколько раз в день проезжал допотопный паровоз с вагонами, перевозивший муку с мельницы на склад. Квартира от этого содрогалась, звенели люстры, звенела посуда в шкафах. Человеку, столкнувшемуся с этим явлением впервые, могло небезосновательно показаться, что началось землетрясение. Нас же, детей, это зрелище завораживало - усаживаясь на широченном подоконнике, мы с братом восторженно скользили глазами по ржавым механизмам громыхающей машины.

Дальняя комната была самой таинственной. Приютившись за спиной большой деревянной кровати, можно было подолгу наблюдать за причудливой игрой огня и тени в камине, так напоминавшей героев азербайджанских народных сказок. Или, сомкнув боковые зеркальные створки трюмо, разговаривать с сонмом длинноволосых девчушек, уставившихся на меня любопытными глазами из зеленоватого зазеркалья.

Бабушка не давала подолгу мечтать, то есть, выражаясь ее языком, "ворон считать". Ребенок не должен находиться без дела. "Взяла бы лучше книжечку да прочитала!"

Следующая проходная комната, к великому удовольствию взрослых, не представляла для нас большого интереса - здесь стоял телевизор, громоздился массивный буфет с вечно дребезжащей посудой, а с висевшего над пианино портрета взъерошенный Бетховен строго взирал на катившиеся рядом детские велосипеды. Комната эта была длинной, темной, без окон. Хорошенько разбежавшись по этому "тоннелю" можно было замечательно приземлиться на полу просторной залитой светом кухни, которая почему-то звалась галереей. Вероятно, оттого, что почти вся стена, выходившая во двор, была застеклена.

Вход в квартиру обивал виноградник. Сухая слоистая лоза тянулась вдоль наших окон примерно на том уровне, где заканчивались занавески. Эти "джунгли" являлись излюбленным местом соседских котов - по ту сторону стекла, то бишь на нашей кухне, висела огромная клетка, в которой порхали, чирикали, качались на качельках, мелькали неуловимыми бесцветными пятнами в кошачьих глазах 22 волнистых попугайчика. К четырехлетию мне подарили желто-зеленую парочку, потом бело-голубую, а через год уже два десятка Рит, Гришек и Гошек будоражили души местных Тарзанов.

С раннего утра двор оглашался криками проявленцев. В больших плетенных корзинах одно за другим вились зелень, овощи, еще горячий лаваш, мацони. На кухне начинала стряпаться самая вкусная на свете еда. Летом широкий деревянный стол выносился во двор в тень виноградника, и соучастниками наших трапез становились все желающие ребятишки. Кормлению внуков, да, в общем-то, и всех остальных, попадавшихся "под руку", бабушка уделяла самое большое внимание, за что и была упрекаема. Казалось, это главная цель ее жизни, а ведь мы с братом были выше этого. Только повзрослев и побыв в ролях матери и хозяйки, я могла оценить, сколько же бабушка успевала, какую любовь должен вмещать человек, отдающий себя всего без остатка...



Лето в Баку всегда бывало жарким, удушливым, единственное спасение - море. Добираться до пляжа долго и неудобно, с пересадками. Это бабушку не останавливало - детям нужно "окунуться". И вот, веселый гомонливый хоровод - соседским детишкам тоже хочется на пляж, а родители заняты, - грузится в троллейбус. Большее счастье нам трудно было вообразить!

Навсегда запомнила бабушку, стоящую на берегу с раскинутым наготове полотенцем и тревожно выискивающую нас.

Будь у меня талант скульптора, такой бы я ее и запечатлела - беспокойные любящие глаза, устремленные вдаль, все ли в порядке, и распростертые с полотенцем руки, готовые обнять, обогреть, защитить.

Тяжелым шлейфом вечерних духов тянется с клумб крепкий аромат анютиных глазок. Морской ветерок с привкусом мазута носит над водой еще не уснувших чаек, а по асфальту стелятся теми бесшумных вестников ночи, летучих мышей. Мы направляемся по бульвару. "А здесь раньше была купальня, - рассказывает бабушка, - опускали парусину и плескались в ней. Мы девчонками все лето сюда бегали". Бабушка-девочка, какой она была? С фотографии смотрит чернявый, коротко стриженный, но при банте, подросток с глазами-угольками. Наша Буля? Едва верится. Шкода? Не похоже. "Мать у нас была строгая, шалостей не терпела". Охотно верим, баба Мотя и в свои 95 может правнуков приструнить. "А знаете, как меня в школе дразнили? Ирина-дубина-полено-бревно!"

Бабушка мало рассказывала о себе в детстве. Больше - о близких людях, о том, каким был Баку, как чудесно было в горах, куда иногда командировали ее отца, нашего деда. Ей нравилось говорить о послевоенном времени, о том, как преобразилась жизнь, когда она встретила дедушку, родился отец, как долго и весело жили они на Камчатке, где служил дедушка, каким ребенком, подростком, юношей был наш папа. В семье находился весь смысл ее жизни. Ничего для себя, ничего своего, она - это мы. "Человек, в котором нет поэзии, может сам стать поэмой".

Запомнились детские болезни. К кровати приставлен стол. На столе - лампа с абажуром, спицами из моего старого платья, стопка книг, лекарства и блюдечко, на котором незаметно сменяют друг друга яблоки, мандарины, гранаты, хурма. Просыпаешься ночью, а бабушка дремлет рядом на стуле, всю ночь следит, чтобы не сползло одеяло, не подскочила температура. Еще помню тихие вечера во время нашего отрочества. На аба-

жур пущено очередное детское платье. Он получился удачным - мягкая охра обволакивает кухню теплом. За столом бабушка и я. Сегодня у нас поэтический вечер, читаю стихи - свои, детские, нелепые и чужие. Бабушка слушает завороженно, время от времени смахивая слезу. Чтение окончено. "А теперь расскажи что-нибудь по-английски". - "Буля, ты же совсем не знаешь английского!" - "Ну и что, мне все равно интересно". Так каждый вечер на кухне звучали рассказы из истории, отрывки литературных произведений, рассуждения об искусстве. Все было бабушке интересно, а главное, она давала высказаться нам. Так, благодаря бабушке, рождалось первое собственное мнение, давались первые самостоятельные оценки, укреплялось желание думать, читать, творить.

Бабушка хотела видеть меня поэтессой, а брата, с самых ранних лет проявлявшего интерес к биологии и мечтавшего стать ветеринаром, всячески отговаривала: "Костенька, будь хирургом. Ведь к ветеринару ни одна девушка не подойдет!"

Как-то раз мы с бабушкой поссорились. Не помню причину нашей ссоры, но я ее очень сильно оскорбила. Бабушка сидела на кухне и тихо плакала, а потом взяла меня, и мы отправились в церковь. Я не знала, куда мы идем, враждебное отношение к религии было заложено любимой учительницей. Помню много золота и огромное (почему-то гигантским оно осталось в памяти) распятие.

Никогда ранее я в церкви не бывала, даже не знала как она выглядит, но попав вовнутрь, вдруг ощутила тревогу - хотелось бежать отсюда, а в то же время что-то тянуло пройти дальше.

- Это музей? - требовательно спросила я у бабушки.

- Нет, церковь.

- Зачем мы пришли сюда? Я не хочу здесь находиться!

- Потерпи немного.

Помню, как бабушка положила на канон коричневую коробку с эклерами, как поднялась по ступенечкам и приложилась к иконе, украшенной аляповатыми тряпичными цветами, как сунула мне монетки для нищих на паперти: "А если нечего подать нищим, говори: "Не прогневается, Господи!". "Господи" - только тогда до меня дошло, что значило это так часто употребляемое мной восклицание. И я его перестала употреблять совсем - чтобы не быть причастной к религии. Но всякий раз, проезжая на трамвае по тому району, я жадно впиваюсь глазами в серебристый крест,

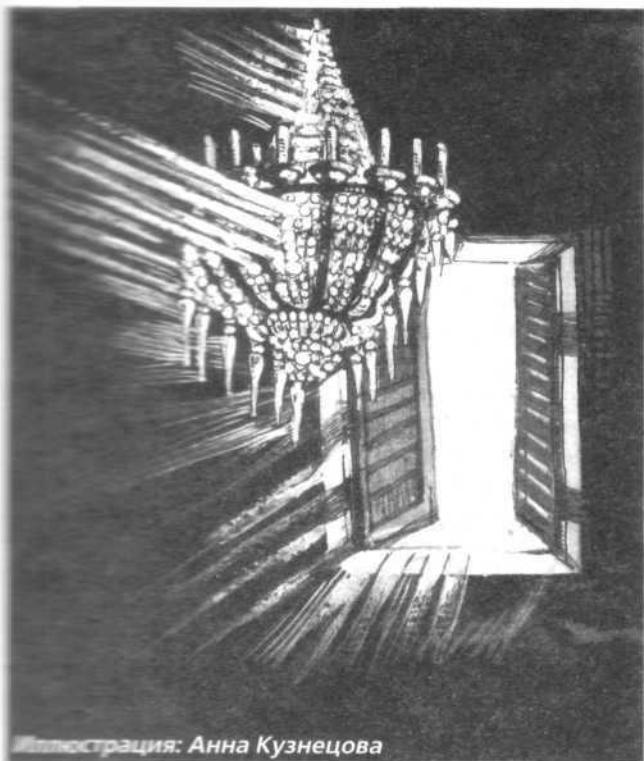


Иллюстрация: Анна Кузнецова

человека возвышающийся над плоскими восточными крышами, пока он не скрывался за более высоким зданием.

Прошло время. Началось то, что все бакинцы называют коротко: "события". Любимый город, всегда такой задорный, как-то быстро и внезапно оброс щетиной войны.

На перекрестках - танки. Площадь перед Домом Советов - огромная, ветреная, поражающая своей свободой, не может вместить митингующих. Лозунги на стенах, разговоры вполголоса, слезы...

Бабушка с дедушкой переехали в Москву. Тому, кто каждый день видел море и солнце, трудно привыкнуть к грустному пасмурному городу...

Все, что осталось от прошлого - горстка земли в платочек, да воспоминания...

Вскоре у бабушки обнаружили рак. Каширка, химиотерапия, операция. На месте веселых рыжих завитков - грубый парик. Осунувшееся, резко постаревшее лицо и глаза без привычной искрки.

Осенью в больницу слег дедушка. Несмотря на наши слезные уговоры, бабушка целый месяц ежедневно навещала его. А еще через месяц слегла сама. Помню, отец, вернувшийся из командировки, долго не мог поверить в это короткое и

беспощадное слово "всё". Так не вязалось оно с нашей бабушкой.

За несколько дней до смерти к ней приходил священник. Дедушка долго не хотел смириться с необходимостью исповеди: "Какая ей исповедь? Она же совсем безгрешная! Ты что, нашу бабушку забыла?!" Бабушка же, как ребенок, соглашалась со всеми грехами и плакала. После Причастия ей стало значительно лучше. Бабушка улыбалась, распоряжалась по дому, шутила. Ожили и мы в надежде на чудо...

Но болезнь брала свое. Страшные боли подавляли сознание. Бледные губы шептали: "Господи, Господи!" Я стискивала бабушкину мягкую прохладную ослабевшую руку, и она ненадолго успокаивалась.

В то воскресное утро, когда бабушки не стало, меня не оказалось рядом. Шел Великий Пост, Литургия, было солнечно, падал снег. За несколько минут до смерти она просветлела, ясно позвала дедушку и, взяв его за руку, отошла...

Калитниковское кладбище. Промерзшие обледенелые дорожки. Прутья кладбищенских оград и голые ветви деревьев на фоне бледного мартовского неба пронзительны, как голос скрипки. Она так ждала весны...

Сейчас опустится крышка гроба и навсегда закроет дорогое, любимое. Вместе с бабушкой уйдет под землю последний лучик счастливого светлого детства...

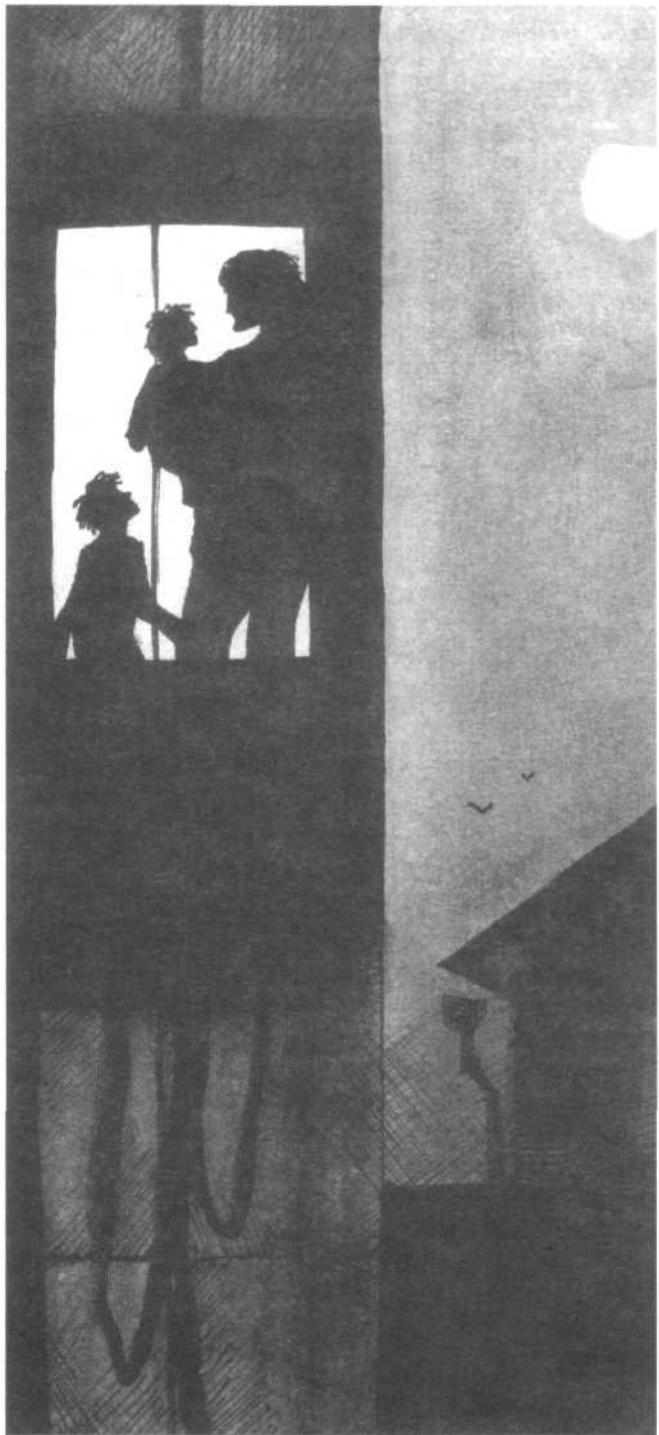
Как-то в один из трудных периодов жизни, читая "Цитадель" А. де Сент-Экзюпери, я наткнулась на его рассуждения о женщине. Автор сравнивает двух женщин, ту, что пытается обрасти себя в собственных чувствах, и ту, мир которой - это ее очаг. "Ту, что рада весне", и ту, "что послушна цветку, который и есть весна". Ту, что "любит любить", и ту, "которая полюбила". "Долго искал я, в чем суть покоя. Суть его в новорожденных младенцах, в собранной жатве, семейном очаге. Суть его в вечности, куда возвращается завершенное. Покоем веет от наполненных закромов, уснувших овец, сложенного белья, от добросовестно сделанного дела, ставшего подарком Господу".

Я завороженно перечитывала эти строчки вновь и вновь, пытаясь проникнуть в каждое слово. Казалось, в этих словах какой-то спасительный секрет, которого я не знала, а может забыла. От них веяло тишиной, счастьем, кроткой мудростью, а перед глазами стояла бабушка, вся в лучах золотого солнца, распахивающая огромные тяжелые ставни.



КАК ЗАБОТИТЬСЯ О СВОИХ БЛИЗКИХ

Ответы священников на вопросы читателей нашего интернет-сайта



В одном из ответов на вопрос сказано, что борьба идет за душу человека. В такой борьбе человек должен быть готов защищаться и сохранить свою душу. Как помочь человеку, который явно проигрывает в этой борьбе? Изменилось не только поведение, все, что было свято, осмеивается и отрицается. Изменился даже облик. Не хочется верить, что это необратимо, страшно потерять любимого человека. Возможно ли ему помочь? Мы оба крещеные. Раньше он охотно ходил в церковь, теперь отзывается о такой возможности с грубой насмешкой. Не могу спокойно видеть, как он идет в пропасть, видя смысл только в том, чтобы все иметь, но ничего при этом не делать, проводить время в бездумном развлечении. Как спасти? Ждать, пока "перерастет" и образумится? Такая позиция мне кажется предательством, я не могу ничего не делать, а что делать, не знаю. Подскажите, Христа ради.

Ольга Ф.

Уважаемая Ольга!

Насколько можно понять из вопроса, речь идет об очень близком человеке для той, кто этот вопрос написал. И действительно, бывают в нашей жизни такие трагические ее промежутки, когда те, кто были с нами совсем рядом, рука об руку - муж или жена, отец или брат, или сестра, или самый дорогой сердцу друг, - вдруг, шаг за шагом начинает отдаляться от церковной правды, от жизни в святом Православии. Что тут можно сделать?

Для начала необходимо трезво понять, что невозможно силком сделать человека благочестивым, что невольник - не богомольник. И поэтому всякого рода насилие, давление, апелляция к некоторому нашему общему церковному прошлому не будет иметь никакой силы, если не сказать более - не будет вызывать в такие периоды у человека отталкивания, еще большей антипатии.

Поэтому, если мы увидели отчетливые, сильные, внешне возобладавшие тенденции к антицерковности или к побеждающей светскости в наших близких, то, во-первых, постараемся усугубить нашу молитву о них. Во-вторых, максимально будем уклоняться от споров, дискуссий, от всего того, что мо-

жет провоцировать в них все большую меру противостояния и отдаления от Церкви. И, в третьих, с особым усилием постараемся являть рядом с ними пример добной христианской жизни - не формальной, не с тем, чтобы сделать хоть что то и назавтра же ждать от них быстрого ответа (вот он изменится, и за моим каким-то малым усилием сразу все вернется на круги своя, станет как было). Нет, нужно приготовиться, что, может быть, вам жить около него с терпением и молиться за него с потом и кровью предстоит долго. Но это единственный путь, которым можно вернуть близкого в ограду Церкви.

Но, на самом деле, путь очень надежный. Могу вам сказать, что я почти не знаю жен или матерей, которые бы вот так с терпением живя и с верой молясь за своих близких, не вернули их рано или поздно (иногда довольно поздно), но вернули в ограду Церкви. Так что самое главное - пусть вера ваша в эти тяжелые дни не оскудеет.

Протоиерей Максим Козлов, настоятель храма Святой великомученицы Татианы при Московском государственном университете

Уважаемая Ольга!

Вы правы, не хочется верить, что это необратимо. Конечно же, нельзя предать любимого человека, не предпринять совсем ничего в этой ситуации. Пусть Ваша любовь будет Вам первой - после Самого Бога - помощницей. "Откуда ты знаешь, жена, не спасешь ли ты своего мужа?" - это апостол Павел говорит каждой христианке, которая бьется за душу своего любимого.

Ваша любовь да подскажет Вам самую нужную, самую сердечную, самую крепкую о нем молитву.

Не отчаййтесь. Помните историю двух детей - Кая и Герды? Это христианская история.

Да умудрит Вас Господь!

**Игумен Кирилл (Семенов),
старший священник и духовник Московского
Богородице-Смоленского Новодевичичего
монастыря.**

Можно ли в праздничные дни и в воскресенье готовить еду? Ходить в баню? Ездить на общеобразовательные экскурсии? Исполнять по просьбе неверующих родителей их поручения и хозяйственные дела?

Маргарита

Уважаемая Маргарита!

Можно ли в праздничные дни и в воскресенье готовить еду? Ответ дан еще в Новом Завете Спасителем, Который, отвечая упрекавшим Его учеников

иудеям, указал на то, что и они в день субботний отрещают, отвязывают осла, занимаются другими необходимыми бытовыми деталями. Ныне есть некоторые толки в иудейской религии, в которой настолько буквально соблюдают понятие покоя субботы, что воздерживаются даже от того, чтобы пройти далее положенного количества шагов.

Но, по милости Божией, христиане чада не Закона уже, но благодати. И в этом смысле в день воскресный мы должны поклоняться Богу в Духе и Истине, а не соблюдением формальных запретов и предписаний. Поэтому, конечно же, не будет ничего греховного матери-христианке или жене-христианке вернувшись домой после Божественной Литургии, порадовать своих близких воскресным, праздничным, с особой любовью и теплом ее рук подготовленным обедом.

Но, впрочем, несмысленно будет относить на воскресный день все бытовые обязанности за неделю просто потому, что воскресение у нас воспринимается как выходной. Да нет, не выходной - праздник. Все стирки, уборки, чистки, сверление дырок и тому подобное по возможности нужно с воскресного дня убирать, помня о том, что это день, который мы Богу и ближним должны посвящать в первую очередь.





В баню ходить? Вспоминается мне повествование одной нашей прихожанки, которая ездила в Святую Землю на Страстные дни и в Светлую неделю. И вот там, среди паломников возник вопрос о том, можно ли мыться на Светлой неделе. И прозвучала даже точка зрения, что это нельзя, поскольку благодать Пасхальной ночи будетмыта в результате посещения бани.

Так вот, конечно мы должны помнить, что благодать, она водой не смывается. И, безусловно, лучше, ежели мы были в храме, где много народа, тесно, жарко, потом ехали в потной одежде, добрались до дома - совершив необходимые дела, привели себя в пристойный воскресному, то есть праздничному дню, вид. А не "услаждать" обоняние наших близких всеми теми немощами естества, которые вошли в него после грехопадения.

Ездить на общеобразовательные экскурсии вполне возможно в воскресные и праздничные дни. Но, конечно, не вместо Богослужения, а вместе с Богослужением. Вот чего в воскресение не следует делать, это заниматься чем-то, ну, кроме крайних случаев, - ВМЕСТО Воскресной Литургии.

Исполнять ли по просьбе неверующих родителей их поручения и хозяйственные дела? Да просто необходимо! Более того, совершенно прекрасно было бы православному сыну или дочери, вставши раньше в воскресенье, приготовить завтрак и оставить его аккуратно накрытым на столе для еще спящих родителей, вынести мусорное ведро, почистить картошки для обеда, после этого с миром отправляться в храм. Может быть, тогда упреки родителей (что ты все в храм, да в храм ходишь, сделал бы что-нибудь для дома) не будут иметь той, хотя бы частичной, основательности.

Протоиерей Максим Козлов

Я православная, мой муж несколько лет назад оставил православную веру и примкнул к т.н. "Церкви полного Евангелия Слово Истины" (совершенно новая секта, появившаяся в нашем селе). Сейчас он запрещаетходить детям в храм и очень часто проводит беседы со мной, указывая на то, что жена должна повиноваться во всём своему мужу, как Господу, а если я этого не делаю, то поступаю противно Евангелию... В сердце я понимаю, что муж не вправе запрещатьходить в православный храм, но хотелось бы

знать, есть ли в Св. Писании ответ, как я должна поступать?

Татьяна М.

Татьяна, все сектанты пребывают в счастливой уверенности, что Священное Писание написано прямо для них, и что Самая Истина до них и кроме них никому никогда не была открыта. Это, конечно, результат крайнего невежества. Истина хранится на земле только Церковью, к которой ни одна секта не имеет ни малейшего отношения. Именно Церковью был отобран и сохранен для человечества тот канон Священных Книг, которым по праву пользуемся мы, православные, и которым совершенно незаконно пользуются всякие секты. А в России доморощенные сектанты "толкуют" Священные Книги в Сино-дальном переводе на русский язык.

Секта, в которую попал Ваш муж, громко имеет себя "Церковью полного Евангелия - Слово Истины". Интересно, как бесчисленные секты умудряются делить между собой подобные притязания и на имя Церкви, и на "полноту" Евангелия, и на Саму Истину? Подсчитано, что во всем мире одновременно существует не менее трех с половиной тысяч организаций, каждая из которых оспаривает у остальных право на подобное наименование.

Очень печально, что Ваш муж променял истинную духовную пищу Православия на сектантскую "чечевичную похлебку". Конечно, Вы не сможете запретить ему влиять на детей. Но Вы можете противопоставить ему свое добре влияние на них - но только бережно, чтобы не отвратить их совсем от Христа. Что же касается стремления Вашего супруга вовлечь Вас в секту - этому Вы обязаны воспротивиться изо всех сил.

А его ссылки на слова Писания: "Жена должна во всем повиноваться своему мужу, как Господу" именно и подтверждают Ваше право хранить свою духовную свободу, ибо муж Ваш теперь вне Церкви, а эти слова обращены к супружам, которые вместе в ней пребывают. Ваш муж общение с Церковью разорвал. А если он "Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь" (Мф. 18, 17) в духовных вопросах.

В делах веры его притязания на Вас не распространяются, во всем же прочем он остается Вашем мужем и отцом Ваших детей. Молитесь за него с надеждой, что Ваша любовь может помочь ему вернуться к Истине.

Да поможет Вам Господь.

Игумен Кирилл (Семенов)

Как мне преодолеть чувство ревности? И как простить женщину, которая ушла от меня к другому мужчине?

Александр

Преодолевать чувство ревности необходимо, т.к. ревность, подобно гневу или другой страсти, разгорается в человеке, точно огонь, и грозит многими бедами. Ревность всегда возникает на почве гордыни, уязвленного самолюбия, при эгоистическом отношении к другому человеку. Ревность велит смотреть на этого человека как на свою собственность, которая должна принадлежать только тебе, любить только тебя. Иначе на любовь смотрит Церковь - вот что читаем мы в Первом послании к Коринфянам апостола Павла: "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает..." (I Кор. 13, 4-8).

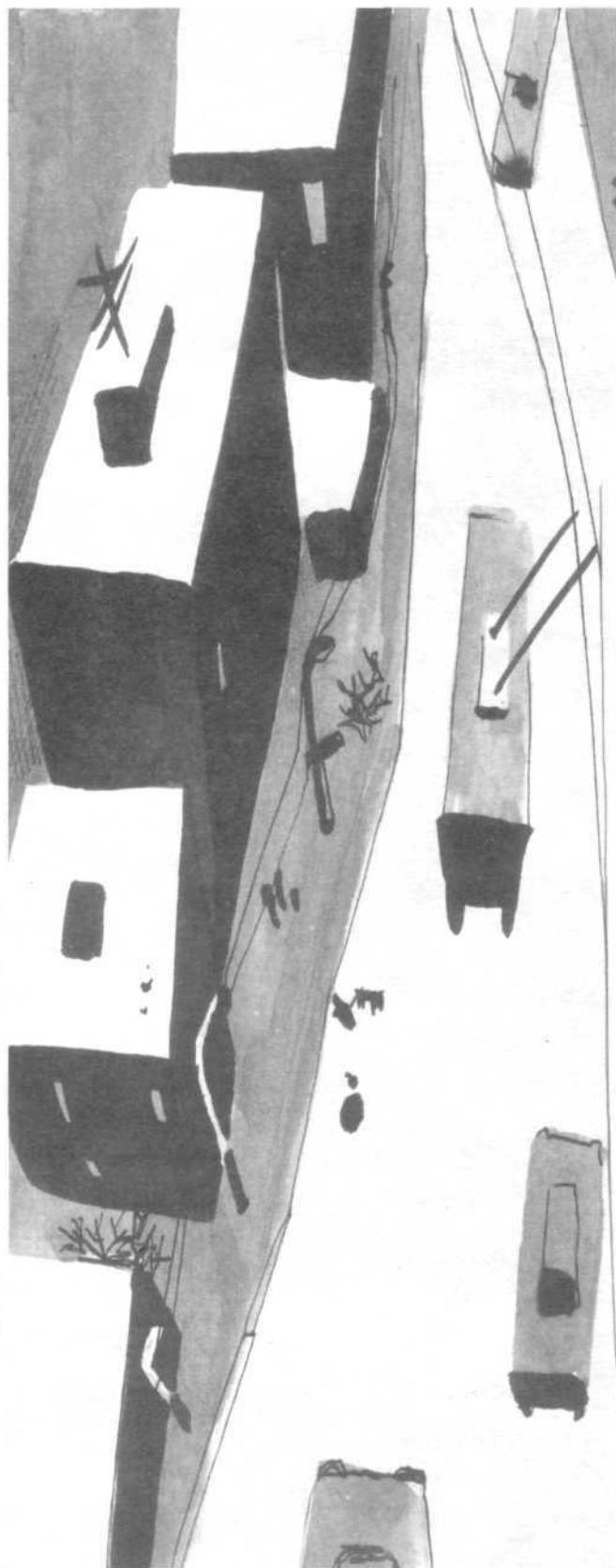
Прощать - это, может быть, самое трудное, но и самое необходимое в человеческих отношениях. Тот, кто способен простить другого, обращает на себя Божие милосердие. Сам Христос Спаситель в молитве Господней заповедал нам молиться о прощении: "И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим..." .

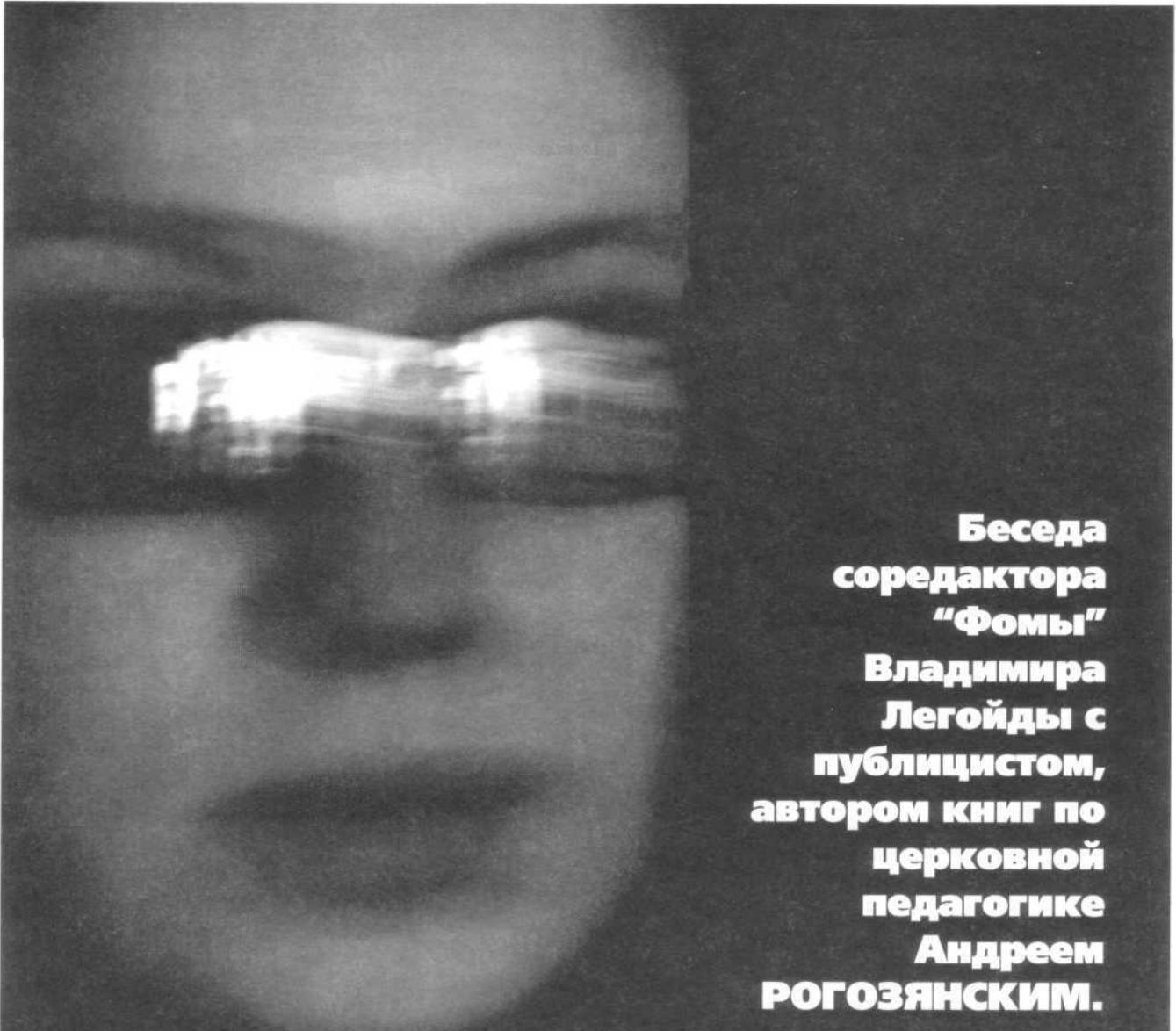
Игумен Кирилл (Семенов)

Иллюстрации: Лидия Эпштейн

ОТ РЕДАКЦИИ "ФОМА ЦЕНТРА": В ответе духовника, на первый, поверхностный взгляд, отсутствует собственно разъяснение - КАК ЖЕ преодолеть ревность, КАК простить? Тут можно сказать только вот что: подвиг в христианском понимании - это не обязательно какое-то особое, невероятное геройство. Для кого-то подвиг - простить ушедшую жену, для кого-то - самому не поддаться страсти и не предать своих близких... Борьба с собой внутренне переживается иногда очень тяжело, и без обращения к Богу - в домашней и церковной молитве, в Покаянии, Причастии Святых Христовых Таин - трудно рассчитывать на подлинную нравственную победу. Не смущайтесь, не стыдитесь своей слабости: идите к Богу и ищите помощи в Его Церкви.

Эти и другие ответы на вопросы о вере и Церкви вы найдете на интернет-сайте "Фома центра" по электронному адресу <http://www.fomacenter.ru/qwest.htm>





Беседа
сопредседателя
«Фомы»
Владимира
Легойды с
публицистом,
автором книг по
церковной
педагогике
Андреем
Рогозянским.

ОТЦЫ И ДЕТИ: **АПОКАЛИПСИС НАШИХ ДНЕЙ?**

Фото: священник Сергий Новожилов



"Фома"-справка:

Андрей Брониславович Рогозянский. 32 года. Живет в Санкт-Петербурге. По основному образованию - инженер-электронщик, по дополнительному - специалист по исследованию рынка. Руководил отделом маркетинговых исследований в крупной петербургской компьютерной фирме. С 1996 г. - сотрудник православного издательства "Сатисъ", редактор и автор многих изданий, в том числе по проблемам семьи и церковного воспитания: сборников "Церковь, дети и современный мир" (СПб, 1997, 1998, М., 2000), "Что из детства помогло мне стать верующим: воспоминания, дневники, наблюдения" (СПб, 1998, М. 2001). Статьи А. Рогозянского по вопросам семейного воспитания публиковались в различных церковных и светских периодических изданиях.

"Фома" уже анонсировал новую работу этого автора - сборник под названием "В доме Отца Моего" (М., 2001), включивший в себя работы известных православных мыслителей и паствулей о роли христианской семьи в духовном становлении ребенка. Составитель предполагает книге свое предисловие с подробным анализом состояния церковной педагогической мысли сегодня.

Андрей Рогозянский: ...Я начну с утверждения о том, что способность воспитывать детей - это одна из коренных, естественных способностей человека. Она есть у всех, только раскрывается в большей или меньшей степени, в зависимости от того, как человек живет, каково его духовное, эмоциональное, интеллектуальное состояние, образ жизни. В последнее время воспитание стали считать наукой, искусством, талант к которым дается не всякому. Но раньше, еще век-полтора назад, нельзя было представить, чтобы кто-нибудь заявил: "Нет у меня педагогического дара, дайте мне в подмогу психолога-консультанта или педагога!" Такого бедолагу в деревне, наверное, просто подняли на смех или, того лучше, всыпали бы по первое число, чтобы одумался.

Сейчас мы вступили в такую перевернутую фазу, когда издаются педагогические пособия с названиями вроде: "Что вы можете узнать о своем ребенке?" То есть посторонние дяди и тети рассказывают родителям об их детях. Но еще сов-

сем недавно никому в голову бы не пришло бы спрашивать в книжном магазине: "Дайте мне что-нибудь почитать о моем ребенке..." Каждому дорог свой сын или дочь, и каждый его знает поэтому ближе и лучше всего.

Подчеркну еще раз: суметь воспитать собственного ребенка - глубоко естественно для каждого из родителей. И каждый, если только захочет, может обнаружить в себе педагогическую интуицию, относящуюся к своим детям. Такую интуицию, основанную на любви, родительском чувстве, не заменят никакие пособия, никакие школы и преподаватели.

Владимир Легойда: В чем Вы видите причину таких перемен, почему родителям так трудно понять нынешних детей, достучаться до них?

Нет общей жизни с детьми, нет особого желания ими заниматься, по-настоящему близких отношений. Каждый существует сам по себе - мама и папа целый день на работе, дети в школе или предоставлены сами себе. Не остается иных ценностей и смыслов, кроме индивидуальных, эгоистических. А педагогическая интуиция работает только в "общем поле" - т. е., когда семья, школа, приходская община, трудовой коллектив имеют общую жизнь, общие интересы и ценности.

Если этого нет, дети рано, с самых пеленок, усваивают обособленность и своеование. Они, по существу, привыкают обходиться без любви и сами не умеют любить. А надеяться узнать другого человека чисто рациональным путем нельзя. В этом случае он уже перестает быть человеком в полном значении этого слова, а становится совокупностью клеток, органов и рефлексов. Человек может быть познан другим человеком только через любовь. Любя, мы входим в другую душу, и эта душа открывается нам навстречу, как бы впускает в себя. Вот этого нынешним взрослым и детям катастрофически не хватает.

Даже уделяя внимание ребенку, мы сейчас редко делаем это для блага воспитанника и по любви к нему. Родитель хочет избежать осуждения соседей, боится, что его сын или дочь могут стать наркоманами или сесть в тюрьму. Наконец, успехи детей тешат наше тщеславие. А настоящей любви к детям - той, которая не стоит за ценой и которой приятно быть вместе с детьми, делить все их горести и радости, - такой любви нет, и в ребенке она не воспитывается. Живут рядом люди, кажется, и родные по крови, но совершенно чужие по мыслям и духу. Они, по существу, и не хотят вовсе "знать что-либо о своем ребенке". В



этом причина, а не в "отсутствии педагогического дара" или недостаточной исследованности детской души.

Даже когда человек берет в руки книжку с названием "Что вы можете узнать о своем ребенке?" - это совсем не говорит о том, что он радеет за своих детей, небезразличен к ним, реально готов ими заниматься. Скорее наоборот, такой родитель ищет компромисса - сделать так, чтобы волки были сыты, а овцы целы, т. е., с одной стороны, не особо затрудняться, а с другой, не дать детям чересчур распоясаться, потому что распущеные дети могут в итоге принести еще большие хлопоты.

Что же Вы предлагаете: воспитывать и учить детей детей исключительно в семье, отказаться от дошкольного и школьного воспитания?

Нет конечно, речь не идет о том, чтобы отказаться от общественной педагогики как таковой. Она имеет достаточно длительную историю, еще с античных времен. Более того, как социальный институт она сейчас совершенно необходима, потому что образование - это трансляция опыта от предыдущего поколения к следующему. Мы имеем сегодня вполне конкретную историческую реальность: человечество накопило огромный объем знаний, в жизнь прочно вошли техника и технологии. Всю эту машину информации и механизмов нужно как-то поддерживать, обслуживать, двигать дальше. Ситуация такова, что, даже согласившись сейчас все человечество остановить прогресс, невозможно все бросить и жить, как прежде. Котельные должны отапливать дома, транспорт - доставлять грузы и топливо, средства связи - обеспечивать быстрый контакт между разными географическими пунктами... Педагогика с ее образовательными задачами стоит в самом центре этого, поскольку сохраняет и передает от поколения к поколению накопленный жизненный опыт.

Каждое новое поколение призвано стать социально зрелым, компетентным, чтобы эту "эстафетную палочку" принять и нести дальше. От этого никуда не деться, и ни одна семья не может теперь справиться с тем громадным объемом учебных программ, какие преподаются в нынешних школах, в системе внешкольного обучения, в ВУЗах. Поэтому мы и отдаем детей на общественное обучение. Чаще всего уже на уровне 4-го - 5-го классов родители безнадежно отстают: они не могут помочь ребенку выполнить домашнее задание - не помнят формул, терминов, правил, особенно правил русского языка (с этим у нас особенно плохо).

Теперь о соотношении между семейной и общественной педагогикой. Любое обучение, будь это детский сад, школа или университет, основывается на семейном воспитании. Учеба будет эффективной только в том случае, когда семья принимает участие в учебном труде ребенка, настраивает его на работу, поощряет, увещевает, дисциплинирует. И те, кому доводилось работать в школе с детьми, наверняка согласятся с таким наблюдением: даже самый способный ученик, который поначалу с охотой трудится в классе, вне родительского внимания постепенно теряет в способностях и отстает. Наоборот, прилежный "серединячок", который на школьных занятиях с большим трудом поспевает за одноклассниками, но дома усердно пыхтит, наверстывая упущенное с матерью или бабушкой, в конечном итоге показывает лучшие результаты.

Без родительского воспитания никогда не достичь той настоящей образованности, которая идет не только от знаний и навыков грамотности, но и из внутренней культуры человека, его убеждений, его нравственности. Не существует поэтому, как таковой, проблемы выбора: "домашняя или школьная педагогика?" Школьная педагогика необходимо нуждается в семейной основе. В свою очередь, и семейное воспитание не может сегодня достичь своих целей без школы.

И конечно же, ни в коем случае не должно произойти подмены семейного воспитания общественным. Если родители хотят видеть своего сына (дочь) не просто рекордсменом, вундеркиндом или изобретателем, а любящим сыном, любящей дочерью, то у них нет другого пути, кроме раскрытия в себе дара воспитания. Никакие общественные институты не дадут той живой связи, которая возникает в результате совместной жизни с детьми, в общих интересах, общих занятиях, общих чувствах, тревогах, планах, сомнениях, надеждах и разочарованиях.

Сегодня жизнь направлена на индивидуальные формы: каждый стремиться обязательно отличаться от другого. Но из такой индивидуальности выпадает понятие того, что присуще человечеству как таковому. Понятие любви в современном мире в связи с этим носит индивидуалистический оттенок. Я принимаю себя как данность, я действую в мире, как того хочу, и признаю такое же право за другим человеком. Любое сообщество людей, в том числе и семья, оказывается связанным только рамками совместного места жительства, совместных встреч вечером за ужином, за чаепитием, просмотром телевизионных программ.

При этом каждый живет своей собственной жизнью. Так в какой-то степени проще. Но проще – не значит лучше...

Я хотел бы вернуться к Вашим словам о том, что раньше никому в голову не пришло бы искать пособие о том, как воспитывать ребенка. Я не уверен, что этот факт является убедительным указанием на бесполезность таких книг. Скорее наоборот. Ведь когда-то людям не приходило в голову, что можно плавать под водой в подводных лодках, летать по воздуху в самолетах и т.д. Скажем, в древности моряки обходились без компаса, но с компасом все же удобнее. Вы же не станете отрицать, что последнее столетие дало педагогике много нового? Раньше воспитывали розгой, никто не занимался детской психологией. Теперь обучение детей во многом исходит из личных способностей ребенка и учитывает психологические особенности его восприятия...

Совершенно очевидно, что в области погружения в морские глубины достигнут большой прогресс по сравнению с проплывом. Сто пятьдесят лет назад никому это в голову не приходило, никто этого не мог совершить. Сейчас это достаточ-

но просто. И только катастрофы заставляют задуматься, что не все так уж благополучно. Тем не менее, повторяю, прогресс здесь очевиден.

Но если говорить об области воспитания, о педагогике и отношениях между родителями и детьми, между поколениями, то здесь дела обстоят несколько иначе. С одной стороны, бессмысленно отрицать определенный прогресс педагогических знаний. Открыто много нового и интересного о возрастном развитии ребенка, особенностях его психологии и пр. По всему миру работают десятки научных учреждений, написаны целые библиотеки книг и диссертаций, собираются представительные семинары и конференции. Многие исследования, например, детских игр или наследственности дали довольно полезные и интересные результаты.

Если судить по этой активности, действительно, в педагогике произошла настоящая революция. Но, с другой стороны, что можно собрать из этого пестрого и разнокалиберного "конструктора"? Читаешь педагогическую литературу и видишь в ней самые благие идеи и намерения. Но одни ратуют за дисциплину и распорядок при воспитании, а другие защищают свободу ребенка



Фото: Андрей Радкевич



Фото: Андрей Радкевич

и индивидуальный подход. Одни ищут интенсифицировать процесс обучения и развития, а другие считают: пусть все у ребенка получится плавным, естественным образом. Одни хотят уберечь детей от дурных влияний и продлить "розовое детство" своих подопечных, а другие им возражают: нужно готовить ребенка ко встрече с реальностью - и советуют учить плавать, разом бросая детей на глубокую воду. И каждое мнение, в общем-то, выглядит по-своему выигрышным и аргументированным. Только установить общую истину, привести все теории к единому знаменателю никак не удается.

А все потому, что не в рецептах и правилах суть. Никакими формальными правилами нельзя заменить живого участия в детских душах. Открытия и достижения, которыми гордится новое время, внимательному и любящему сердцу наверняка не покажутся чем-то необыкновенно новым и удивительным. Настоящий родитель или педагог, если не разумом, то интуицией и опытом знает и о своеобразии детства, и о важности игр де-

тей, и о том, что наглядными примерами следует сопровождать рассказы и объяснения детям. Сенсацию они вызывают там, где уже целиком растеряли естественную способность к сближению и взаимному проникновению душ.

Теперешний интерес к воспитанию детей в обществе носит, по большей части, отвлеченный характер. Реальная жизнь бок о бок с ребенком подменяется целым ворохом абстрактных вопросов: "пеленать или не пеленать?", "сечь или не сечь?", "наказывать или поощрять?", "действовать лаской или строгостью?" О детстве скорее любопытствуют, чем реально участвуют в детских судьбах. Поэтому последнее время трудно назвать триумфальным для педагогики. Прогресс достигнут только в изучении детства, а отнюдь не в решении самих педагогических проблем. Сложностей с молодежью в наше время так много именно потому, что старшие больше "интересуются", чем реально живут воспитанием.

Мы привыкаем фантазировать о детях, а не реально трудиться над детской душой. Каждый второй городской ребенок теперь занимается в изобразительной студии, музыкальной школе и пр. Но Моцартов, Пушкиных и Рафаэлей слушается все меньше. Одной образованности и развития способностей еще недостаточно. Требуется еще что-то, чем оскудело последнее время. Это "что-то" и есть - теплота и сердечность, чутье на гармонию мира, усвоенные от детских лет...

И хотя прогресс внушителен по своим достижениям, по переменам, произошедшим во внешней жизни человека, нельзя сказать, что он самоочевиден и не требует никаких мотивировок, никаких доказательств. И одна из таких прорех, которые ставят прогресс человечества в целом, а не только НТП, под сомнение, это проблема связи между поколениями. Причем вопрос сегодня заключается не в том, что, какой объем знания, опыта передавать, а в том, кому мы это будем передавать? На сегодняшний день в этой сфере произошли очевидные перемены.

Ну, о том, как плоха молодежь, говорили всегда, во все времена...

Это оттого, что воспитание всегда было проблемным камнем для человечества и редко когда люди в полной мере справлялись со своими педагогическими задачами.

Действительно, известная каждому "проблема отцов и детей" тревожила людей в разные времена. Иосиф Флавий, древний иудейский историк, сетует на молодых людей своего времени: "Моло-



дежь относится к нам свысока и не желает внимать наставлениям нашим". И это при том, что ветхозаветное воспитание было очень строгим. Детей могли подвергнуть публичному истязанию или посадить в тюрьму за непослушание родителям!

Но то все же была проблема отцов и детей. Отцы видели проблему в том, как растет и каким становится новое поколение. И уже это беспокойство несло в себе некий выход из ситуации: когда взрослые реально сопереживают детской судьбе, это многое стоит и в свое время оценивается сыновьями. Теперь же "проблемы отцов и детей", как таковой, нет. Взрослые отреклись от своей постоянной роли родителей и наставников. Не стало семейного уклада, в котором взрослые и дети могли бы реализоваться в этих своих ролях. Есть не семья, а только собрание отдельных людей, как на вокзале, - то, что наш философ И. Ильин верно называл "рядом-жительством".

Это ведь очень серьезная вещь: постоянно ощущать себя родителем и наставником! Это оказывает влияние на весь ход жизни - на то, как человек говорит, как поступает в делах, как относится к близким, как, наконец, просто ведет себя на улице. Если он мыслит педагогически, он будет стараться, чтобы даже чужой ребенок не получил от него отрицательного примера. Он не станет во всеуслышание матерились, распивать, как ни в чем ни бывало, пиво на перекрестке или демонстративно целоваться на эскалаторах, он выключит телевизор, когда там похабщина, он остановит детей, которые размалевывают стены домов или портят телефон-автомат... Я называю это педагогическим чувством или педагогическим самосознанием. И, как я уже отмечал, подобное чувство, подобное самосознание - самые что ни есть естественные для человека. Они служат как бы прямым продолжением чувства самосохранения, только уже не в личном, индивидуальном аспекте, но в аспекте общественном. Каждое общество, каждая культура обязательно рождает внутри себя педагогическую среду и педагогическую традицию, т. к. интуитивно понимает, что только обеспечивая себе преемственность, идентичность во времени, может рассчитывать на созидательную перспективу. И вот это родительское или наставническое чутье, эта педагогическая традиция современным обществом совершенно утрачены.

Как-то не хочется полностью соглашаться с тем, что Вы говорите (уж больно жесткая, даже жестокая получается картина), но, похоже, все действительно обстоит так или примерно так. В

частности, когда мне довелось быть в Соединенных Штатах, я заметил, как там не просто не занимаются педагогикой, но зачастую боятся быть дидактическими, боятся "ограничивать права детей", как сейчас принято говорить... Для взрослых теперь, кажется, совершенно немыслимо, страшно обременительно - думать не о своем только удовольствии и легкости жизни, а постоянно как бы глазами ребенка смотреть на себя со стороны...

Чтобы уйти от этого, предлагается тезис о свободе детей и их равных со всеми правах. То есть, взрослый мир, чтобы хоть как-то оправдать свое безразличие к детям, начинает себя уговаривать: "Да какие же это дети?! Они - взрослые, только маленькие еще! Такие же свободные, равноправные, как и все мы..." И это, простите, "гуманность"? Откровеннейшее насилие и произвол! Дети таких "прав и свобод" не требуют и не приемлют. Они очень долго хотят быть вместе с мамой и папой, делать общие дела, подражать в поведении старшим... То, что им предлагается - это свобода от родительского участия и право жить той же черствостью, что и весь взрослый мир. Современные мамы и папы их через силу от себя отстраняют, как бы говоря: "Нет уж, ты будь лучше свободным и равноправным, иначе ты мне никакой жизни не дашь!"

Послушаем, к примеру, что пишет о своем воспитательном опыте корифей западной педагогики Бенджамин Спок: "Моя падчерица Вирджиния любит громкую музыку. Я не выношу какофонии, но я не стану запрещать Вирджинии слушать музыку на полную катушку. Поэтому мы устроили в ее комнате звукоизоляцию". Откуда же здесь взяться "проблеме отцов и детей"? Отцы и дети здесь живут совершенно автономно, при полной звуковой и эмоциональной изоляции. И никому, даже гению современной педагогической мысли, не придет в голову, что все лучшие качества раскрываются именно через совместную жизнь, взаимное проникновение душ родителей и детей.

После этого уже можно с уверенностью утверждать, что педагогика как массовое явление, как фактор культуры, поддерживающий стабильность и идентичность общества, умерла. Ее нет - давайте будем иметь мужество констатировать ее летальный исход. Но с одной оговоркой: отдельными родителями и учителями воспитание все-таки совершается. Правда, это уже одинокая "борьба со стихиями", стояние наперекор всему, потому что сама жизнь уже не воспитывает - обществу, наоборот, живет антипедагогическим образом.



Нормальный родитель в своей воспитательной деятельности чувствует себя как партизан в местности, сплошь оккупированной противником. Все против него. Он в каждый момент готов ожидать очередной оплеухи: если не от телевизионной программы, то от уличной рекламы или даже от школы, которая почему-то берется "просвещать в технике секса" его дочь или сына.

Поразительно, что этот мир молодежной "тусовочной" культуры создается и пропагандируется именно взрослыми. Ведь это взрослые развивают и ставят на серьезную, профессиональную основу поп- и шоу-культуру, индустрию развлечений для молодежи. Поколение старших, родителей, само укрепляет сепаратизм в детях, делает все возможное, чтобы подстегнуть протестные и агрессивные настроения молодежи...

Да, как одной современной песней приучают кричать: "Наши времена настали! Мы слишком долго ждали!" Есть в этом что-то дьявольское...

Закрывать глаза и делать вид, будто ничего особенного не происходит, ссылаясь на то, что

разрыв между поколениями и недовольство молодежью были всегда, - значит отрицать очевидное. Взгляните: ведь Запад и, в особенности Америка с ее благополучием построены самыми отчаянными в истории трудоголиками. Построены на идеале очень кропотливого труда, который начинается чуть ли не с трехлетнего возраста!

Еще какие-нибудь два-три поколения тому назад абсолютными бестселлерами у американцев были пособия по карьере под заголовком "Трудолюбие как 99 % таланта" или автобиографии "Как я накопил миллион", в которых автор подробно делился опытом, как уже в три года начал поливать грядки вместе со своим отцом-фермером, потом его заинтересовали механизмы и он стал помогать соседу в тракторной мастерской, потом он стал компаньоном в этой мастерской и т. д. Национальными героями становились сыновья рабочих и фермеров, самостоятельно пробившиеся в люди. Вполне очевидным для общества был и смысл воспитательной практики: идеалом для педагогики являлись покладистые и рачительные юноши и девушки. Высокий материальный достаток, которого достиг Запад, не случаен: он представляет собой плод кропотливого и по-своему самоотверженного труда поколений.

Что же мы видим сейчас, в наши дни? "Бери от жизни все!" - этот расхожий рекламный девиз, по сути, и определяет всю модель современной культуры. Никто не спрашивает, откуда это пресловутое "все" в жизни берется. Прогресс, улучшение условий жизни кажутся вещами самоочевидными, как бы запрограммированными на будущее независимо от наших стараний. Детство и юность выступают поэтому как время беспрецедентного иждивенчества и инфантилизма, а "молодежность" - как идеал, полюс притяжения для всего общества. Взросльть не нужно торопиться, во взрослом состоянии нет ничего интересного. Только три вещи: в 16 лет получить паспорт и право вступать в брак, в 18 - водительские права - вот и все, что подростку необходимо от взрослого мира. Все остальное, самое захватывающее, веселящее, глянцевое, находится в плоскости молодежных "тусовок". Поэтому всеми силами нужно быть "вечно молодым", держаться беззаботно-восторженного, "молодежного" восприятия мира. Это ли не раздвоение личности, деградация, поворот в умах?

Мой приятель, которому довелось учиться сначала в США, а потом в Греции, поделился одним весьма интересным, на мой взгляд, наблюдением: уважение к человеку



Фото: Роман Лисицкий

в Америке и Греции строится на разных основаниях. В Америке человека уважают как носителя прав и свобод. В Греции уважение основано на том, что это образ Божий. Мне кажется, что и в вопросах воспитания христианская педагогика исходит из этого фундаментального понятия...

Действительно, христианство ставит каждого человека в позицию чада Божиего, сына или дочери Бога. Когда человек понимает свою роль и понимает, как Бог его ведет и воспитывает, участвует в его жизни, о нем заботится, его учит, вразумляет, то, конечно, по аналогии с этим он учит и воспитывает своего ребенка. Очень важная черта в Православии - оно сохраняет детскость. Если в самой краткой форме анализировать различия между западными ответвлениями христианства и восточным Православием, то надо будет сказать, что Православие строится как религия отношений Отца и детей, фактически семейная связь. Православие сохраняет в себе образ человека, о котором заботятся, которого ведут, здесь распространена духовническая практика, который получает такое питание таинственное. А западное христианство - это "взрослое" христианство. Мы часто анализируем различие в догматах, в канонических сторонах учения, но тут зачастую только запутаться еще больше можно. Мне кажется, что коренная разница в том, что западное христианство рационально. Оно стремится к тому, чтобы человек ответственным и осознанным образом строил свои отношения с Богом. Поэтому оно отходит от идеала раннехристианского, который говорит о том, что сколько бы человек не проявлял ответственности и сознания своего, все равно в отношении Божиего всеведения, Божией воли это будет несовершенным действием. Как родитель в доме не требует от ребенка совершенства в исполнении каких-то сложных дел, он скорее поручает ребенку выполнить какое-то дело для того, чтобы тот потренировался, а сам в любой момент готов прийти к нему на помощь, в любой момент довести это дело до конца сам, если ребенок с этим до конца не справится. Так же точно и мы должны относиться к своим делам. Понимать прежде всего, как это отражается на нас, как наше служение отражается в нашей душе. И уже во вторую очередь смотреть на результат.

А Вам не кажется, что в Ваших рассуждениях заложено одно весьма серьезное противоречие. Сначала Вы говорили об идеале современной культуры, о его молодежности - со знаком минус. Теперь же, говоря об отличительной и,

как следует из Ваших слов, положительной стороне Православия, Вы характеризуете его как "детское" христианство. Не есть ли это некая уловка?

Нет, речь идет о разных вещах. Взрослый мир разделяется от детского тогда, когда взрослые уходят из жизни детей, когда появляются школы, детские сады, специализированные учреждения, в которых живут дети, живут своим собственным обществом, тогда рушится такое взросло-детское взаимодействие в общих делах, заботах, интересах. Дети, предоставленные сами себе, постепенно складывают свои идеалы, свой мир, который находится в противоречии с миром взрослых. Отсюда возникает та самая молодежная культура, которая в общем-то не является самодостаточной, это такой парадоксальный факт. Ведь вся эта шоу-индустрия создается взрослыми людьми, но для детей. И это противоречие современного мира. То есть, если взрослые боятся со своими подростками, не зная, что с ними сделать, когда они выходят на улицу, начинают пристраиваться к наркотикам или алкоголю, и, несмотря на это, большие взрослые творческие силы направлены на то, чтобы поддержать молодежный анархизм. В этой молодежной культуре нет детскости в том смысле, в котором она есть в Православии. Молодежь сегодня лишена детскости. Это преждевременное взросление, преждевременное знакомство с тем, что известно взрослому человеку, все типы внешних наслаждений, все возможности.

Детскость же проявляется в ином. Детей мы любим особенной любовью, относимся к ним с особенной нежностью, совсем не так, как любим и ценим взрослого человека. Среди взрослых распространены не столько любовь, сколько приязнь или уважение за достоинство или заслуги, за приятность манер или за выгодность взаимоотношений. С детьми все наоборот. Случается, что говорят о слепой материнской любви и никогда о коварной или корыстной, как между взрослыми. Ни здравый расчет, ни удовольствие, ни корысть не могут научить их, заставить их любить ребенка. Труд воспитания с позиций прагматики - это самая неблагодарная и утомительная затея на свете. Сколько тягот и мук выпадет матери перед тем, как утешиться первой улыбкой младенца, сколько усилий бывает приложено родителями прежде, чем их чадо начнет успевать в школьных предметах. Сколько седых волос добавляют отцу и матери подростковый мятах и юношеские искания.



Нет, если мы любим детей, чувствуем притяжение детства, это уже и есть самое настоящее чудо. Христианство себя в этом и проявляет. Если быть христианином, это означает автоматически раскрывать в себе эти качества. С другой стороны, желание удержать семейные ценности однозначно приводит человека к необходимости приближаться к христианству. Это в миссионерском смысле очень важно. Любовь к детям алогична, иррациональна, никто не станет спорить, что бутон красивее цветка, а зеленое яблоко вкуснее спелого. Здесь действуют таинственные силы. Даже тот, кто не верит в Бога, интуитивно прозревает в великую тайну прихода в мир новой души и благоговеет перед ней. Детская жизнь несомненно направлена к взрослению, совершенствованию и развитию, она естественным образом предполагает участие в этом старших, более опытных людей. Дети обращены на родителей, постоянно интересуются всем, что их окружает, этим побуждая взрослых быть их учителями и наставниками, стать причастными к высокой и ответственной педагогике. Если говорить о том, что сейчас эпоха гуманистического индивидуализма, воинствующего индивидуализма, то на сегодняшний день связь, которая возникает между родителями и ребенком - это, по сути дела, единственная естественная коллективная ценность. В православном контексте это можно назвать вектором направления соборности, единственная сейчас связь, которая может очень сильно внутренне человека мотивировать выходить за рамки своего "я" над своими интересами становиться. Потому что немощь ребенка, с другой стороны, умиление ребенком - это те чувства, которые вынуждают человека проявлять христианские качества.

После прозвучавших довольно жестких оценок современной действительности хотелось бы привести наш разговор к более-менее положительным практическим выводам и решениям. Если не для всего человечества, то, по крайней мере, в рамках конкретной семьи или школы, как Вы считаете, в чем можно найти ответ на сложившуюся сложную ситуацию? Как смягчить противоречие между воспитанием и современностью?

Хочу подчеркнуть: я не призываю бороться с прогрессом, наукой, техникой и современностью, как таковыми. Все мы - дети современности и воспитанники прогресса, хотя бы иной раз нам и хотелось встать вне их негативных последствий. Не-

лего обращать всю свою критику на прогресс и отдавать все свои силы борьбе с современностью - это иногда приводит к тому, что мы начинаем жить выдуманными, утопическими ценностями и идеями: не признаем науки и технических новшеств или ратуем за то, чтобы уехать в деревню и строить патриархальный быт, непременно прилучине. В итоге крестьянами и дворянами в духе XIX в. мы отнюдь не становимся, а вот дети распут обыкновенными шалопаями и совершенно не отличаются от тысяч других недоучек-недорослей, городских и деревенских, не знающих ни своей культуры, ни истории. Такие, встретившиеся с цивилизацией, еще скорее прельстятся ее внешним блеском и достижениями.

Мы живем, мыслим и чувствуем так, как нас к тому приучили общество, цивилизация и культура. Те, кто пришел к вере, имеют, конечно, главную опору в христианском учении и церковной жизни. Но все равно христианство не ставит нас вне истории и окружающей реальности, не делает какими-то "неземными" людьми, живущими по каким-то своим исключительно духовным закономерностям. Нужно давать детям соответствующее времени качественное образование (что не означает, естественно, следования духу современного светского сознания). Если делать вид, что условия современной жизни нас не касаются, мы воспитаем самодовольных, ленивых и апатичных ко всем жизненным задачам, асоциальных детей.

С другой стороны, очень часто верующие люди не стремятся достичь какого-то успеха на светском поприще. Мир принуждает играть в свои игры, добиваться успеха всеми правдами и неправдами. Поэтому довольно часто верующие родители настраивают детей не искать успеха в мире, а строить свою жизнь как бы "сбоку" от основного течения общественной жизни, на более приемлемых для христианина ценностях и основаниях. Люди нецерковные, в свою очередь, боятся до конца "погрузиться в мир веры", полагая, что за этим должен будет последовать абсолютный уход от привычной им жизни, отказ от работы и т.д.

Думаю, что этот страх не совсем оправдан. Общество предоставляет громадный пласт возможностей, связанных со вполне человеческими задачами, например, быть работоспособным, прилежным, исполнительным, не брать взяток, не создавать конфликтов в своем коллективе... Не всем же быть фотомоделями, рекламистами, имиджмейкерами и политическими консультантами! Надо ведь, в конце концов, кому-нибудь и

работать, причем работать честно и добросовестно! И поэтому спрос на нормальных работников всегда был и будет. А теперь спросим: откуда в наши дни этим "нормальным работникам" взяться, если эгоизм и расслабленность захлестывают с самого детства? Только из тех семей, где к воспитанию подходили не так, как нам зачастую вешают с телевизора. Поэтому, в принципе, насколько я этот момент понимаю, у человека, который вырос в семье верующих, должно быть еще больше шансов проявить себя в жизни. Потому что, во-первых, не было этой расхлябанности, неуправляемости, вседозволенности, скучи, какие характерны для нынешней либеральной педагогики. Православный человек (если только его воспитание было устроено правильно) знаком не только с "хочу", но и с "нельзя", "надо", т. е. умеет управлять собой. Далее, он знает главенство над собой старших, духовного руководителя, церковного учения и Устава, что дает навык вообще во всех ситуациях - на работе, в общественной жизни и пр. - принимать власть над собою начальника и, в свою очередь, правильно, без амбиций руководить другими людьми. Наконец, он не зарывается, не превозносится над другими, не приписывает успехи себе самому и потому способен идти дальше, учиться, совершенствоваться, чего никогда не сделает человек с "чувством высокого собственного достоинства", который, едва только окажется замечен или займет какое-нибудь положение, тотчас же становится жутким снобом и не замечает никого и ничего, кроме "себя, любимого".

Думаю, что для православного юноши или девушки совершенно естественно и НОРМАЛЬНО окончить с медалью хорошую школу или специализированную гимназию, став при этом призером предметных олимпиад или кружковых соревнований (здесь-то какие "блаты" и "правды-неправды" нам требуются?), затем выбрать себе по склонностям и желанию факультет в лучшем университете, окончить его с красным дипломом и так идти в жизнь дальше. Потому что этого молодого человека по-настоящему воспитывали, т. е. питали всей нужной пищей - и умственной, и эстетической, и духовной, и опытно-практической - тогда как остальные без родительского внимания и правильного понимания старшими жизненных целей только кое-как перебивались "с кваса на воду". И если верующий человек оставит наконец иллюзии "как-нибудь перемаяться" до конца жизни, оставаться "чистеньким" не потому, что дей-

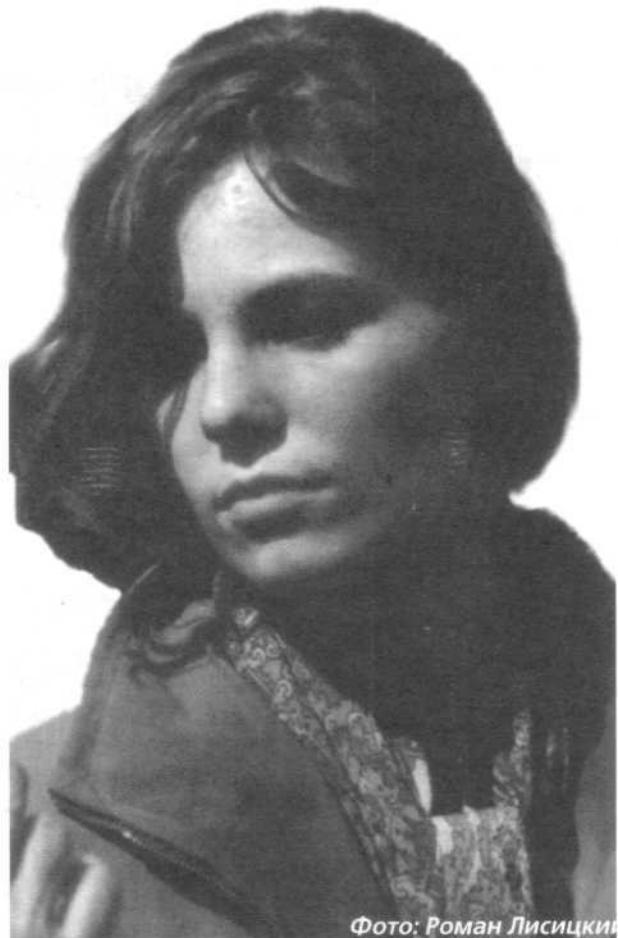


Фото: Роман Лисицкий

ствительно безупречен и чист, а потому что с малых лет белоручка, тогда все у него наверняка получится и общество заметит православных и скажет: да, действительно, Церковь сумела сделать то, чего не смогло сделать ни коммунистическое воспитание, ни демократические "общечеловеческие ценности" и "правовые нормы" - воспитать такого человека, с которым можно иметь дело, который доведет это начатое дело до конца, который тебя не "подставит", а выручит, если что-то случится.

Можно сказать больше: тогда и наши христианские убеждения перестанут быть декларативными и декоративными. Тогда мы сможем по-настоящему молиться (потому что у того, кто ничего не делает, нет никаких оснований к молитве), поймем, в чем конкретно выражается заповеданная нам Христом любовь к ближнему, начнем ценить свою общину, церковный приход как место, куда собираются такие же энергичные, думающие, чувствующие, переживающие люди...



ЧТО ТАКОЕ КОНФИРМАЦИЯ?

Существует ли в Православной Церкви обряд конfirmации? Если да, то что стоит за ним, если нет, то что он значит в Католической Церкви?

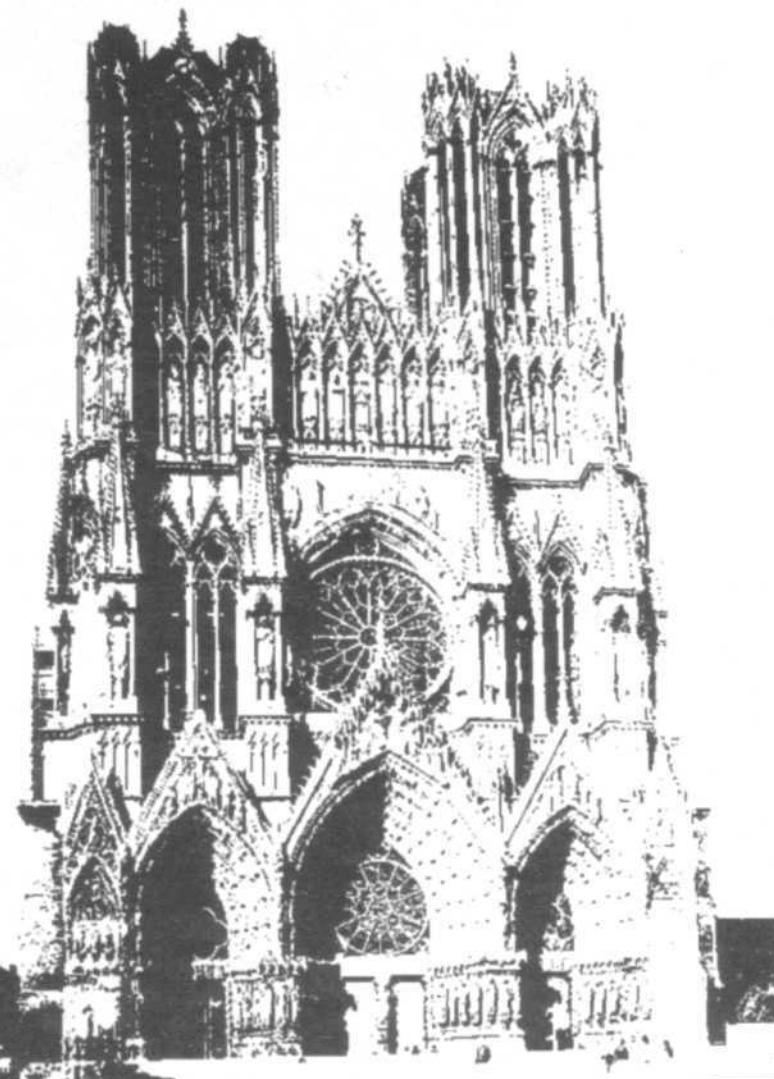
Алексей.

Уважаемый Алексей!

Конfirmацией (от лат. confirmatio - укрепление, утверждение) в Католической Церкви называется Таинство Миропомазания.

Современная практика (как православная, так и католическая) признает всего семь таинств: Крещение, Причащение, Миропомазание, Священство, Брак, Соборование (Елеосвящение) и Покаяние. Остальные священодействия именуются обрядами. Поскольку Церковь в христианском понимании есть Мистическое Тело Христа, то считается, что в церковных таинствах людям особым образом преподается божественная благодать, созидающая Церковь. В Таинстве происходит встреча Бога с человеком, которому открывается путь к обожению, к уподоблению Творцу. Христиане полагают, что таинства обладают преображающей силой приобщения христианина к Божественному естеству. Однако приобщение это невозможно, если сам человек не жаждет изменения, поэтому церковное Таинство не есть какой-то магический обряд или заклинание, способное изменить человека, независимо от его желания.

По учению Православной Церкви, подлинным совершителем всех Таинств является Сам Бог, священник же есть лишь суд, инструмент совершения Таинства. А в некоторых особых случаях - например, "страха ради смертного" - православная традиция допускает совершение





Таинства Крещения даже мириянином.

В раннеконфессиональной Церкви учения о семи Таинствах не существовало, первые христиане не фиксировали количество Таинств, а также не проводили жесткого деления на Таинство и обряд (действительно, сложно назвать Таинство Брака более благодатным, чем обряд монашеского пострига). Учение о семи Таинствах сформировалось в Православии не без влияния Католической Церкви, что, конечно, ни в коей мере не умаляет значения самих Таинств.

Таинство Миропомазания, о котором Вы спрашиваете, называет собой дар Святого Духа, печать Святого Духа (утверждение в новой жизни, начавшейся Крещением), который первые христиане получали от апостолов или первых епископов через возложение рук. Впоследствии, когда число крещаемых значительно возросло, присутствие епископа на всех крестинах стало невозможным. В Восточной Церкви Миропомазание стали совершать священники, хотя миро (благовонное масло, состоящее из более чем 64-х элементов) приготавлялось только епископом. В современной православной практике приготовление мира обычно осуществляется главой автокефальной (поместной) Церкви. То есть в Русской Православной Церкви чин мироварения совершает Патриарх или епископ - по благословению Патриарха. Происходит это один раз в году, после чего освященное миро раздается на приходы.

В отличие от Православной Церкви, в которой Таинство Миропомазания совершается священником одновременно с Крещением, в Католической Церкви Таинство Миропомазания совершает только епископ и не вместе с крещением ребенка, а в более

поздние годы, по достижении так называемого "возраста распознания" (или "возраста разумения"), т.е. возраста, когда человек, как полагают католики, способен делать сознательный выбор. Чаще всего "возрастом распознания" считается достижение ребенком полных семи лет, однако эта цифра не является жестким каноническим предписанием.

Традиционно Священное действие посредством помазания миром стало практиковаться в западной Церкви позже, чем на востоке: приблизительно до XI века *consignatio* (печать; термин, также использующийся для наименования данного таинства) совершилось преимущественно возложением рук. Появившееся в западной практике на рубеже IV-V веков помазание миром повсеместно распространяется лишь к XIII веку, а Флорентийским собором 1439 года окончательно утверждается замещение обряда: "Вместо возложения рук в Церкви совершается Конфирмация". Несмотря на ряд изменений в форме Таинства, право его совершения в католической практике до сих пор сохраняется за

епископами. Традиционно в католическом мире причастие впервые принималось после совершения Таинства Конфирмации. Однако сегодня данный порядок последования Таинств (Крещение, Миропомазание, Причащение) не является столь жестким. Поэтому Конфирмация может совершаться и после первого причастия (впервые такая практика стала применяться во Франции в середине XIX века).

Владимир ЛЕГОЙДА.

Литература:

1. Архиепископ Макарий. Православно-догматическое богословие. СПб, 1857. Т.2.
2. Иеромонах Иларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Москва - Клин, 1996.
3. Теста Б. О Таинствах Католической Церкви. М.: Христианская Россия, 2000.
4. Джероза Л. Каноническое право в Католической Церкви. М.: Христианская Россия, 1999.
5. Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. М., 1995. Т.2.

The screenshot shows the homepage of the FOMA Center website. At the top, there's a Microsoft Internet Explorer toolbar. Below it, the main header features the FOMA logo with 'ФОМА' in large letters and 'ЦЕНТР' below it. To the left of the logo are links for 'Главная', 'Журнал', and 'Литфонд'. To the right are links for 'Галерея', 'Вопросы', and 'Почта'. A search bar is located at the top right. The main content area has a large 'Наш вебсайт:' section with the URL <http://www.fomacenter.ru>. Below it is another 'Наш E-mail:' section with the address foma@fomacenter.ru. To the right, there's a sidebar with a 'Тема месяца:' section titled 'Почему существует ад', and another section titled 'Обновления:' with some text and links. The footer of the page includes the FOMA logo and the text '1 (11)' 2001'.

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Издается коллективом редакции

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

Редакторы

Владимир ГУРБОЛИКОВ
Владимир ЛЕГОЙДА

Ответственный секретарь

Мария ЕГОРОВА

Главный художник

Дмитрий ПЕТРОВ

Компьютерная верстка

Анна БАКАНАС

Корректор

Вадим БАРАБАНОВ

Мнение редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.

Редакция будет рада перепечаткам из "Фомы" (конечно же, со ссылкой на наш журнал)

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Ваши письма и статьи направляйте по адресу:
113587, Москва, а/я 108

ЛЕГОЙДЕ
Оксана Анатольевне

Нас можно найти:

по телефону - 246-74-92;
по пейджеру - 3309494 для абонента 47265 - в любое время, а также по телефону - 299-08-26 с 15 до 23 часов

Журнал остро нуждается в Вашей финансовой поддержке

Заказ 728. Тираж 10 000 экз.

Отпечатано

в ФГУП «Щербинская типография»

113623, Москва,

ул. Типографская, д. 10

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

Священник Димитрий Дудко.

ТУПИК

3

ПИСЬМА В "ФОМУ"

4

Вопрос номер

1

ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА

6

ОДИН НА ОДИН С БОГОМ

7

Разговор о значении Исповеди

8

Алексей Толстой.

ГРЕШНИЦА

16

Тема номера

МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА

18

Студенты о биомедэтике

19

Диакон Андрей Кураев:

Врачу нужна воспитанная совесть

22

Священник Антоний Ильин:

К чему готовиться молодым медикам

26

Ирина Силуянова:

Слово в защиту "факультета ненужных вещей"

31

Свидетельство:

"В больницу я пришел,
потому что болела совесть"

32

Митрополит сурожский Антоний:

ВРАЧ И ПАЦИЕНТ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

34

Максим Яковлев.

ДУША НАСЕЛЕНГИЯ. Очерк.

42

Дискуссия о фильме "Брат"

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ - КТО ОН

48

Владимир Гурболов.

ФОРРЕСТ ГАМП:

заметки на полях кинодискуссии

56

Светлана Гаджинская.

ЛАВРА. Рассказ

60

Кира Поздняева.

БАБУШКА. Рассказ

62

Вопросы и ответы

КАК ЗАБОТИТЬСЯ О БЛИЗКИХ

66

Отцы и дети

АПОКАЛИПСИС НАШИХ ДНЕЙ

70

Беседа с Андреем Рогозянским

Вопросы и ответы

Что такое конфирмация?

80



БЛАГОДАРНОСТИ

**Редакция журнала “Фома” благодарит за помощь
в выпуске журнала**

Протоиерея Владимира Соловьева

Протоиерея Аркадия Шатова

Игумена Кирилла (Семенова)

Андрея Викторовича Крысина,

президента Европейского Трастового Банка

Просим ваших молитв о здравии рабов Божиих
Феодора, Вячеслава и Игоря,

без помощи которых выход этого номера был бы невозможен.

Редакция журнала “Фома” зарегистрировала “Фома центр”

В октябре 2000 года Редакционный совет нашего журнала зарегистрировал Автономную некоммерческую организацию Культурно-просветительское объединение “Фома центр” (АНО “Фома центр”). Создание этой организации позволяет помимо издательской программы развивать новые формы миссионерской и культурно-просветительской работы (клубную, экскурсионно-туристическую, образовательную, благотворительную, рекламную и пр.).

Редакция будет постоянно информировать своих читателей о проводимых мероприятиях.

Приглашаем к сотрудничеству своих читателей и всех заинтересованных лиц. Пишите, звоните, общайтесь с нами в сети Интернет, прсылайте свои материалы и вопросы. Мы также готовы к личной встрече.

Напоминаем, что мы существуем исключительно благодаря Вашим пожертвованиям и расширение круга деятельности потребует дополнительной материальной помощи.

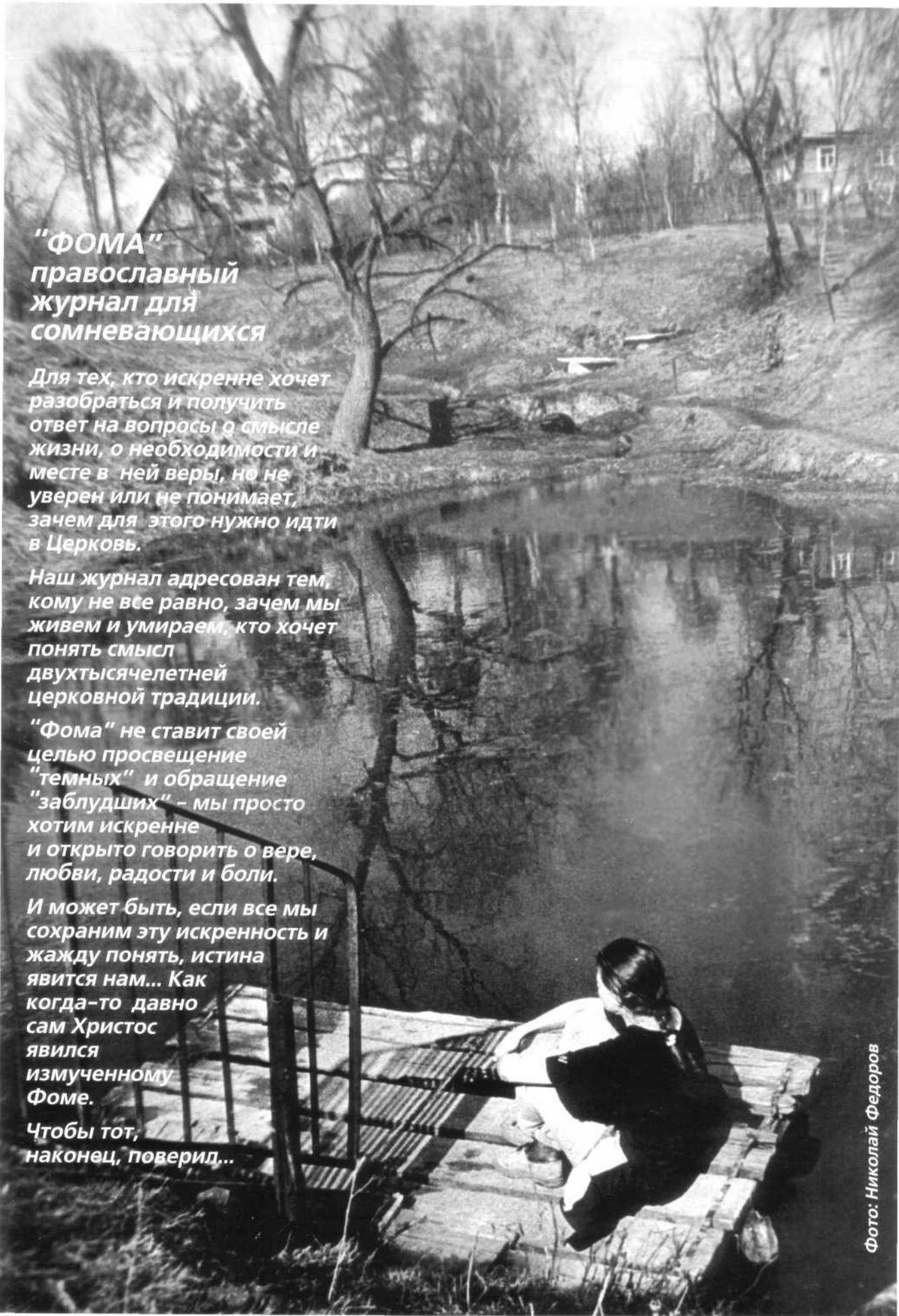
Теперь деньги можно перечислить на счет АНО “Фома центр”:

ИНН 7736188731

P/c 4070381020000000085

К/c 3010181010000000664

В АПБ “Солидарность” БИК 044525664



"ФОМА"
православный
журнал для
сомневающихся

Для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь.

Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции.

"Фома" не ставит своей целью просвещение "темных" и обращение "заблудших" – мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли.

И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно сам Христос явился измученному Фоме.

Чтобы тот, наконец, поверил...